

ВАЙНАХ

Литературно-художественный журнал

3. 2017

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство
Чеченской Республики по
национальной политике,
внешним связям, печати
и информации.

Адрес учредителя/издателя: 364051
г. Грозный, Бульвар Дудаева.
Дом Радио

Журнал зарегистрирован в
Федеральной службе по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
05 февраля 2014 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00089

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхийев

Рукописи принимаются редакцией
в первом и втором экземплярах, а
также на электронных носителях.
Рукописи не рецензируются и не
возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 938-911-34-04

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

http://www.j-vaynah.ru

Печатная версия журнала
выходит один раз в квартал,
электронная – ежемесячно. 16+

Журнал набран на
компьютерной базе ГУ
«Литературно-художественный
журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Дата выхода в свет:

30.08.17

В случаях полиграфического
брака обращаться в типографию,
указанную в выходных сведениях
журнала.

Тираж – 1000 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПАМЯТЬ

Дукуваха АБДУРАХМАНОВ. *Человек и эпоха:*

Ахмат-хаджи Кадыров. Отрывки из книги.....2

Арби БЕЧУРКАЕВ. *Бакъболу къонахий.* Стихотворени.....6

ПОЭЗИЯ

Адиз КУСАЕВ. *Пролог. Чечня моя...* Сонеты.....7

Алвади ШАЙХИЕВ. *Когда ко мне приходит*

грусть... Стихи.....38

Ибрагим ЮСУПОВ. *Мой путь. Перевод с чеченского*

Юрия ЩЕРБАКОВА Стихи.....42

Заур ГАНАЕВ. *Я тайну полюбил...* Стихи.....64

ПРОЗА

Малика МУСАЕВА. *Тлаьхъара де.* Дийцар.....11

Шамсуддин МАКАЛОВ. *Одиссея беглеца.* Повесть.....45

Сулиман МУСАЕВ. *Из «Адлерской тетради».* Очерк.....59

ШКОЛА ПЕРЕВОДА

Белорусская поэзия в переводе Адама

АХМАТУКАЕВА.....13

ДРАМАТУРГИЯ

Муса АХМАДОВ. *Выше гор.* Пьеса. Перевод с чеченского

Зареты ОСМАЕВОЙ.....22

ДЕБЮТ

Малика АЗИЕВА. *Блэкаут.* Стихи.....57

Аслан ДЖАБРАИЛОВ. *Размышления о жизни...* Стихи.....65

РЕЦЕНЗИЯ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Выше гор*.....68

ГОСТЬ РЕДАКЦИИ

Казбек ГАЙТУКАЕВ: *«От правды жизни к правде*

художественного слова». Подготовил

Саламбек АЛИЕВ.....72

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Мохмад-Салах СЕЛЯХОВ. *Чечня, объятая*

смертоносным огнем, в военной лирике

Умара Саиева.....80

ИСТОРИЯ

Идрис БУЛАТБИЕВ. *Об этимологии термина «тайн» и*

его обозримой древности как социальной

организации.....84

Зелимхан ТЕСАЕВ. *Религиозная борьба на территории*

Чечни и Дагестана в Позднем

Средневековье (XV-XVI вв.).....89

ГИЛЛАКХ-ОБЪЗДАНГАЛЛА

Муса АХМАДОВ. *Нохчийн гиллакх-объздангалла.*

Тлаьхъе. Юьхъ еиа №№ 3-4 – 11-12 (2016),

1-2 (2017).....95

КРАЕВЕДЕНИЕ

Лиза АДМИСИЕВА. *Станицы Калиновская и Савельевская*...106

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Роза МЕЖИЕВА. *Чеченская литература*

на балкарском языке.....108

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Саламбек Айдамиров. *От Противостояния через*

Преодоление к Созиданию.....110

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Саламбек АЛИЕВ. Идеалы Артура Абдуллаева.....111

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....112

Дукуваха Абдурахманов

Человек и эпоха: Ахмат-хаджи Кадыров

Отрывки из книги

В истории есть личности, само появление которых на исторической арене обусловлено объективными потребностями эпохи, а не только их политической активностью и социальным статусом. И очень часто истинное осмысление их роли в судьбе отдельных государств и народов, если отбросить «пустых похвал ненужный хор», происходит через годы и даже десятилетия после их смерти.

В этом, наверное, есть определенная мудрость человечества: люди пристрастны, лучшим судьей человеческих дел в земной жизни является время. Оно определяет нравственную ценность событий, личностей, поступков, а самое главное – дает возможность увидеть их следствие. Именно качество завершенности наполняет смыслом любую деятельность, позволяет объективно оценить ее с точки зрения соответствия логике истории.

В этом отношении Ахмат-хаджи Кадыров был истинным сыном своего времени, сложного, неоднозначного, времени поиска правильного пути в политике, экономике, социальном развитии, когда трагедия распада великой империи стала личной трагедией каждого человека, жившего в ней. Он прошел этот путь вместе со своим народом, и его выбор – и политический, и нравственный – определялся выбором народа, особым чувством справедливости, которое свойственно только избранным.

Эпоха, в которой Ахмат-хаджи Кадыров формировался как исламский богослов, как политический деятель, была сложной и противоречивой. Это было время политических и экономических потрясений и распада советской империи, время великих перемен, которые способствовали перекройке карты мира, установлению нового миропорядка.

Отечественные и зарубежные исследователи только приступают к изучению творческого и интеллектуального наследия Ахмат-хаджи Кадырова, который был не только исламским богословом и политиком, но и мыслителем, поэтом и публицистом. Мировоззрение, нравственная позиция, политические и философские взгляды Ахмат-хаджи наиболее ярко проявляются в интервью, в публичных выступлениях, обращениях к жителям республики, публицистических статьях. В них первый Президент Чеченской Республики пытается донести до жителей России, всего мира свое видение ситуации, предлагает свои рецепты решения многих проблем региона. Перед нами предстает мудрый, глубоко верующий человек с большим жизненным опытом и очень активной социальной позицией, не только блестящий исламский теолог, но и философ, гуманист, политик, обладающий очень тонким политическим чутьем, предвидящий развитие любых событий в республике, знающий и умеющий направлять их в конструктивное русло.

Главная черта Ахмат-хаджи как личности – это четко выверенная нравственная позиция, которая основывается на глубоком знании основ ислама и чеченской традиционной культуры.

Будучи религиозным человеком и богословом, он обладал высокой светской культурой, хорошо знал чеченские традиции и этикет, считал их основой стабильности чеченского общества и межнационального согласия.

При этом Ахмат-хаджи Кадыров был против использования религии в качестве инструмента в политике. Он писал: «Если бы мир жил по Корану, не было бы войн, но сегодня, прикрываясь Кораном, совершаются поступки, направленные против ислама. Коран для меня – главный нравственный закон, по которому я живу!»

Ахмат-хаджи был истинным мусульманином и настоящим чеченцем, оставаясь сильной, цельной личностью, огромное влияние на формирование которой оказали как философия суфизма, с ее духовностью и обращенностью к внутренней жизни человека, так и традиционная чеченская этика, с ее аристократической системой нравственных ценностей и утонченным этикетом.

Именно поэтому он начал активную борьбу с теми, кто пытался под предлогом очищения ислама уничтожить национальный дух чеченского народа. Ахмат-хаджи писал об этом: «Вчерашние яростные сторонники «суверенной чеченской государственности» уже даже слышать не хотели об этом. Они напрочь отказались от таких понятий, как «чеченская идея», «чеченская свобода и независимость». Предлагали взамен «исламский порядок», «исламский образ жизни» и «исламские ценности». Все национальное подменялось всеобщей арабизацией... Не добившись власти в Чечне легитимным путем, они, пользуясь слабостью А. Масхадова, пошли к своей заветной цели через политические интриги, заговоры и террористические акты. Параллельно ввели мусульманскую форму одежды для мужчин и для женщин, раздельное обучение девочек и мальчиков во всех школах республики, набросили «узду» на прессу. Дошли до абсурда: попытались даже сделать перегородки в автобусах, дабы мужчины «не глазели» на женскую половину. Таким образом, последнее десятилетие уходящего XX века для чеченцев ознаменовалось откатом в средневековье. Успешно развалили систему образования в республике... Образованные и культурные люди постепенно становились изгоями общества. Всячески пропагандировался «арабский» образ жизни... Афганистан талибов преподносился как эталон исламской государственности. Только не чеченское! Только не национальное! Нашему обществу навязывались невежество и фанатизм. Потому что невеждами и фанатиками легче управлять...».

При этом Ахмат-хаджи выступал и против псевдотрадиционных ценностей, которые мешали чеченскому обществу найти свое место среди цивилизованных народов, против круговой поруки, лицемерия, религиозного ханжества.

Ахмат-хаджи считал, что чеченцы должны отказаться от ложно понимаемой тейповой и семейной солидарности, которая мешает установлению мира и законности на чеченской земле: «Если мы из тех, кто уверовал в Аллаха, то должны говорить только правду и поступать только по справедливости».

Многое в поступках Ахмат-хаджи Кадырова определялось тем, что он был носителем высокой нравственной культуры чеченцев, история которой насчитывает не одно тысячелетие.

Именно чувство долга заставило Ахмат-хаджи Кадырова остаться на родине, которая погрузилась во мрак «смутного времени», хотя у него была возможность уехать с семьей в безопасное место. Позже он писал об этом: «Давал знать о себе долг перед народом. Перед Родиной. А ведь я мог спокойно уехать за границу и жить там в свое удовольствие. Подальше от войны. От крови. От всех этих ужасов. Но тогда я не был бы чеченцем. Мусульманином. Кадыровым. Только из этих соображений я принял решение взвалить на свои плечи всю ответственность за судьбу своей Чечни». Президент РФ В.В. Путин сказал об Ахмат-хаджи: «У него не было другой цели, кроме одной – служения своему народу».

Ахмат-хаджи не раз подчеркивал, что вера во Всевышнего должна выражаться, прежде всего, в делах мусульманина, в его отношении к миру, к другим людям, а потом уже во внешней обрядности.

Ахмат-хаджи Кадыров, как и большинство чеченцев, относился к вирду Кунта-хаджи, и гуманистическое учение Великого Учителя оказало сильнейшее влияние на его мировоззрение, на его высокую духовность и нравственность.

Ахмат-хаджи придавал огромное значение роли суфизма в трагической истории чеченского народа. Он не раз говорил: «Наш народ сохранил свое лицо благодаря тасаввуфу, зикру. Я не представляю, что было бы с моим народом без них».

Как и его духовный учитель более ста лет назад, Ахмат-хаджи понял, что война является губительной для его чеченского народа, что она ведет к его уничтожению. В своих статьях и выступлениях, как и Кунта-хаджи, он призывает чеченцев к миру, его речи во многом перекликаются с проповедями великого суфийского шейха. Наиболее показательной в этом отношении является блестящая речь президента республики перед алимами и главами администраций сел 1 мая 2004 года в Гудермесе: «Нас Всевышний одарил верой, внешностью мы тоже не обделены. Мы настоящие мужчины, и нет в мире более стойкой нации, чем чеченцы, иначе мы и не смогли бы перенести все то горе, которое выпало на нашу долю. Так давайте хотя бы раз в нашей истории попытаемся строить мирную, созидательную жизнь... Мы научились выживать, но никогда не умели жить. Так давайте же научимся хоть на этот раз не выживать, а по-настоящему жить! И в ссылке наш народ сумел обустроить свою жизнь лучше других, и по возвращении наладил свой быт не хуже, чем соседи. Но вновь наши жилища превращены в руины, нас уничтожали и продолжают уничтожать. Почему мы во все времена воюем? Что, у нас вера крепче, чем у тех же дагестанцев? Клянусь Аллахом, что мы в крепости веры их ничуть не превосходим! Но почему-то на священную войну джихад должны подниматься именно мы!»

Как истинный суфий, как исламский богослов, Ахмат-хаджи считал самым важным в религии внутреннее поклонение (ибадат). В своих выступлениях он не раз говорил: «Вы говорите, что человек, который носит галстук, совершает недозволенное? Я могу сказать, что это ложь. Говорит же Аллах в священном Коране, что Он судит о нас не по внешнему виду, а по степени нашей благочестивости. Я ведь тоже изучал и Коран, и хадисы Пророка, да благословит Его Аллах и приветствует. «Вы из того народа, которому подражаете», – и этот хадис мне известен. Однако Пророк, да благословит Его Аллах и приветствует, имеет здесь в виду опять-таки не одеяния, а наши дела, поступки. Хотя не отрицаю, что для самоидентификации народа национальная одежда тоже имеет значение. Но это вопрос культурологии, а не мировоззрения. Я знаю крупного ученого-алима из андийцев по имени Магомед-Хабиб. Как-то раз, когда мы собирались в Дагестане, он был в шляпе. Это было в то время, когда мы внушили себе, что мы как раз и есть самые истинные мусульмане. И я сделал замечание одному из представителей рода Магомеда-Хабиба. Магомед-Хабиб снял шляпу, смял ее и показал со словами: «Это ведь только кусок материи, ею хорошо прикрывать глаза от солнечных лучей, потому и ношу».

Повторяю, это были слова крупного ученого-алима.

Конечно, мне нравится, когда чеченский мужчина одет в одежду, которая нам досталась от семи колен наших предков, когда на голове у него высокая папаха. Но в том, что он наденет шляпу – тоже никакого греха нет».

Эту же мысль Ахмат-хаджи повторяет и в своей публицистической статье «Война среди нас самих»: «Отпустив бороды, они считают себя истинными

мусульманами. А ведь с бородами ходили и ходят христиане, включая безбожников Маркса, Энгельса и Ленина. Мусульманин не тот, кто с бородой, а тот, кто признает Аллаха и Пророка. Аллах сказал: «Я не буду смотреть на ваш внешний вид. А загляну в ваши сердца и души и на деяния ваши».

Для суфизма чуждо и чрезмерное усердие во внешнем проявлении религиозности. Великий исламский богослов аль-Газали писал об этом, приводя слова Пророка, да благословит Его Аллах и приветствует: «Двое из моей общины будут лишены моего заступничества: правитель-деспот и осуществляющий вредные нововведения, чья фанатичность в религии переходит границы».

Ахмат-хаджи считал, что для мусульман опасны и недоучившиеся, и переусердствовавшие в своей учебе алимы. Первые из-за своего невежества не раскрывают перед верующими всей глубины и красоты Божественных писаний, вторые, уверенные в собственных силах, переоценивают свои возможности и заболевают гордыней.

Великий шейх утверждал, что «признаком высокой нравственности в человеке является то, что он в своей речи не смешивает ложь и правду».

Ахмат-хаджи считал, что в основе всех негативных событий в республике лежат лицемерие, ложь, отсутствие в людях гражданского мужества. По мнению президента, каждый из чеченцев должен был найти в себе мужество сказать свое веское слово в объективной оценке того, что происходит, и занять четкую гражданскую позицию, чтобы остановить самоуничтожение. Осуждая двойную мораль, которая воцарилась в чеченском обществе в последнее время, он говорил: «Мы должны научиться, наконец, говорить правду. Иначе грош цена намазам, которые мы совершаем, и поста́м, которые мы соблюдаем».

Ахмат-хаджи относился к власти как настоящий мусульманин, как истинный суфий. Он писал: «Я не понимал, да и сейчас не понимаю, почему эти люди так рвутся к власти, откуда такая жажда славы и тяга верховенства над остальными. Ради достижения своей цели они готовы на все. На любое вероломство, обман и подтасовку. Правда, не совсем логично звучат эти слова в устах человека, который на всю страну заявил, что только он способен навести в республике порядок».

Из чего я исходил? Во-первых, хорошо знал повадки и способности тех, кто не хотел выпускать из своих рук эту власть в Чечне. Пользовался авторитетом среди простого люда. Жил среди народа, делил вместе с ним все горести и радости, которые выпадали и на мою долю...

Сейчас я понимаю, что такие человеческие качества, как доброта, доверчивость, благородство, жалость, сострадание к чужой беде – не самый лучший моральный инструментарий для политического деятеля. За все это время я так и не научился хитрить, юлить, выстраивать сложные политические комбинации, плести интриги, вести аппаратные игры. При желании можно было бы освоить все это. Но это не для меня... Власть в моем понимании – не способ устроить себе безбедную жизнь, а средство улучшения жизни простых людей».

Ахмат-хаджи Кадыров считал, что основой духовного возрождения народа является возвращение к лучшим чеченским традициям, к ценностям традиционной этики и суфийской духовности, которые неразделимы в чеченской духовной культуре.

Ахмат-хаджи был настоящим сыном своего народа, с такой же сложной судьбой, мудростью и мужеством. Его короткая, но яркая жизнь дала чеченской земле мир, а ему – вечность.

Бечуркаев Iарби**Бакъболу къонахий**

2

1

Дуьненчоьхь хIора а халкъан
Бевлла хир турпалхой хийла.
Киртиг тIехIобттича хала,
Мисканиг ца вуьтуш гIийла,
Мехкан дукъ шайна тIелаца,
Даима уьш кийча хилла.

Даймахкана шайн дахар
дIаделла цара
Турпалла, доьналла шайгара гойтуш.
Царах цхьаь хьахор
вай-шатайпа турпал
Схьавалар шен бенойн
тайпанах долуш.

НеI, пен, кор шен дацахь –
Хуьлуш дац цIа.
Куьг, ког, бIаьрг баьккхиншеьхь, –
Хьо-м хилла къонах.

Йийсарехь ирх уллуш,
Кхерамна цкъа а цо
БIаьргнегIар тоьхна дац,
Салт лаьтташ гонах!

Муьша кIел ша висча
Лам-механ кIант.
Корта а оллийна
Хьайн воI ма гиннеьхь,
Чалтачо харцоле
Когаш кIел гIант,
БойсагIара аьллариг
Ду чIогIа гимнал:

«Хьо-х берзан кIеза ду
Айа ши бIаьрг!
КIезано чекхдоккху
Долийнарг барзо.
Ойла а йиний аьхь
Наха хIун аьр –
Къонах вац шен халкъан
ДIаььлларг марзо!»

Нохчийчоьхь бодане, ирча хьал дара,
Нийса некъ дIакхехьа да воцуш дисна.
Иблисийн тобано лелийча харцо,
Ахьмад-Хьаьжа гIаьттира
букъ церан кагбеш.

ТIехь доцург цунна тIехь кхуллуш,
Аьшнашвеш, хIаллакван иза,
КIелонаш еш, харцо лелош,
ГIоьртира цо деш дерг дайа.

Зуламан орамаш ша къиза хедош,
Иблисаш махкара лаьхкина дIа,
Нийса некъ халкъана
муьлхарг бу дуьйцуш,
Машарна гIаьттира хьо,
Ахьмад-Хьажа.

Цахиларх хьо тахна
дуьнен чоьхь вехаш,
Нохчашна хан яларх виц лур вац хьо,
Къонахчуьн хьан амалш
тхобца ю ехаш,
Доьналлех хьох Iемаш даим ду тхо.

Дерачу герзашца мостагIех летга
Рамзана кхочушди дас дина весет
Ислам-дин чIагIдарца махкахь
Шалхончаш, мостагIий беги цо Iора.

ГIаланаш, ярташ а аьхь меттахIиттийра
Меттан сий-ларам
бар тхуна тIедожийра
Дайх дисна гIиллакхаш
аьхь карладехира
Толаман байракх аьхь лаккха айира.

ГIийлачун, мискачун аьхь терго ярна,
ТховкIело йоцчарна хIусам
луш гIо дарна,
Массо а хIуманна аьхь само ярна,
Хьо ирсехь вехийла, сий долу Рамзан!

Адиз Кусаев

Пролог. Чечня моя...**Сонеты**

Как может, каждый человек живет:
 Кто жизнь свою не мыслит без работы,
 Привык трудиться до седьмого пота,
 Тот для нее возможности найдет.
 Другой, от лени отпустив живот,
 Работая без искры, без охоты,
 Причины ищет всякие и ходы
 Отлынивать от тягостных работ.

Тот, все мечтая беззаботно жить,
 Пословицей простой пренебрегает,
 Что мудро учит нас, что без труда

Не вытащить и рыбку из пруда,
 Что и небесной манны не бывает,
 Коли трудом ее не раздобыть.

Как не терпелось в детстве
 взрослым стать,
 Как каждый день
 завидовал я старшим,
 Уже самостоятельными ставшим,
 Своим отцам и молодцам под стать..

Как не терпелось мне
 в строй старших встать,
 В изгнании и смерть, и горе знавших,
 Но духом в испытаниях не павших,
 Чтоб, как они, любовь свою встречать.

Как много в годы те людей спасла
 Любовь – надежду, стойкость,
 радость, силу
 И веру в справедливость им даря.

Стать взрослым потому спешил и я,
 Чтоб и меня любовь
 на крепких крыльях
 В счастливое грядущее несла.

Нет, никогда не поздно нам служить
 Любви высокой, чистой, благородной:

Она жила века, живет сегодня
 И до конца планеты будет жить.

И мы всегда должны готовы быть
 Все к встрече с крохой,
 вечно беззаботной,
 Которая когда и где угодно
 Стрелой сердце может поразить.

Он прилетает без предупреждения,
 Цель точную свою определив,
 И чувство, неизвестное с рожденья,

В твоей груди неожиданно пробудив.
 И станешь весь любимой
 верной тенью
 Ты, рыцарем себя вообразив.

Я вкладываю жизни суть всю в эти
 Три скромных слова: «Я тебя люблю!»
 И чистотой, как известью, белю
 Я совесть, как никто другой на свете.

Влюбившись, чтобы мир
 был вечно светел,
 Я серость красками весны кроплю,
 Словно росой, и милой лик леплю
 Красивее восьмого чуда света.
 Признанием я в том не удивлю,
 Что трепетно произношу, плененный
 Любовью, я не ради лести липкой

Простых три слова: «Я тебя люблю».
Я жить хочу, счастливо окрыленный
Любимой благодарною улыбкой.

Жил в юности иллюзиями, веря,
Что преданы мне люди, как я им.
Любя, я верил, что и сам любим,
Что, как и мне, всем тяжелы потери.

Я не умел жить буднично и серо,
Когда она в сны ангелом моим,
Ниспосланным мне Господом самим,
Являться стала, радуя без меры.

Мне обижаться на судьбу неслед:
Иллюзии мои все ж стали явью –
Я встретил счастье светлое свое,

Ту, на которой клином белый свет
Сошелся мне. И с той поры я славлю
Как ангела-хранителя ее.

И горести, и радости даря,
Любовь приходит всегда без спроса.
Становится весне подобной осень,
Зима же – лету, ей благодаря.

Волшебницей считается не зря
Любовь: она чиста, как росы,
Проста, скромна,
как детские вопросы,
Пленительна, как ранняя заря.

Несчастен тот, мимо кого любовь
Пройдет, в нем нежных
чувств не пробудив,
Не потревожив вздохами капризно.

Я ж не желал себе подобной жизни,
Спешил познать любви, пока я жив,
Паденья, взлеты, радость,
грусть и боль.

Выпрашивать любовь? То – не по мне.
Чем лучше был он? Только та и знает,
Которая в мечтах с другим витает,
А мой удел – страдать наедине.

Но не таил я зла на самом дне
Отвергнутой души, все понимая,

И отвержение воспринимая
Как данность, что заслужена вполне.

У каждого есть право выбирать
Предмет своих мечтаний, вздыханий.
Ни осуждать его, ни обсуждать

Никто не властен, хоть тяжелой раной
Тот может для любого стать,
Как для меня, источником страданий.

Любому слову твоему поверить
Готов я, человек мой дорогой,
Лишь только б не был
назван тут другой,
Кому решила ты любовь доверить,

Открыв для многих замкнутые двери
Души и сердца, чтоб соперник мой
Открыто не смеялся надо мной,
С твоими все свои желанья сверив,

Я слово каждое твое ловлю
И, за тобой шагая тенью всюду,
Назойливостью я не утомлю

Тебя, которой верил, верить буду
Я, потому что я тебя люблю –
Чтобы дышать любовью
полной грудью.

Добиться нелегко любви твоей
Не потому, что ты горда не в меру,
А потому, что потеряла веру
Ты в славословье молодых людей.

А тот, кого одаришь ты своей
Любовью, должен
чести быть примером,
Чтобы не стала жизнь твоя химерой
После женитьбы до скончанья дней.

Сегодня нет единства слова с делом
У молодых людей, и с ними жить
Для многих стало горестным уделом –

И потому мне станет, может быть,
При всем моем характере несмелом,
Твою любовь навеки заслужить.

На долгом жизненном пути
Со мною всякое бывало:
И сердце от любви пылало,
Как огненный вулкан, в груди.

И был всего-то лет пяти,
Как враг народа, выслан в дали,
Где горцы каждый день мечтали
Обратный путь домой найти.

В те даже трудные года
Любовью жизнь была полна,
Что выживать давала силы.

И я знавал ее тогда:
Раз в душу заглянув, она
Всю жизнь мою преобразила.

О женщинах и вправду говорят,
Что любят нас всегда они ушами –
И это часто повторяют сами,
И каждый подыграть им в этом рад.

И наяву они счастливо спят,
Умело усыпленные ловцами
Наивных душ, их нежными словами,
Которых слышать женщины хотят.

Я сердце бы избранницы своей
Не стал бы завоевывать словами
Пустыми, усыпляя чуткий слух.

Любимой правду б говорил, как друг
Я, чтоб в ней не проснулись
вдруг с годами
Сомненья в искренней любви моей.

Нам о любви лишь надо говорить
Высоким штилем
и нежнейшим слогом,
Чтоб счастья человека был истоком
Взгляд избранной,
готовой нас любить.

Мы не должны ей голову кружить
Ни лживой лестью,
ни фальшивым вздохом,
И чувств своих не выдавать по крохам,
Прикрыв признаний
легковесных прыть.

Мужчинам настоящим не пристало
В любом раскладе, в возрасте любом,
Высокого лишая пьедестала,

До увлечения низводить любовь.
Чтоб женщина любить не перестала –
Ее должны мы славить вновь и вновь.

Любовь неверная – беда
Не только двух людей, а многих.
Исток страданий их жестоких –
Фальшь в отношениях всегда.

В себя те влюбят без труда,
Дым напуская в томных вздохах,
Что бросят в горе: нет в убогих
Сердцах ни чести, ни стыда.

Презрения достойны эти
Лжецы, что пакостят везде,
Страданье сея и беду.

Им ни на том, ни в нашем свете
Быть места не должно нигде –
Ни в райских куцах, ни в аду.

Петь красоту любви не устаю
Всей силой дара, данного мне Богом.
И делаю – то хорошо ли, плохо –
Но от души. Всегда на том стою.

И чувств нежнейших в сердце не таю,
Красавиц воспевая, коих много
Живет в моей стремительной эпохе,
Собой украсив Родину мою.

Петь красоту любви не надоест
И не иссякнут тут слова мои,
Пока Чечня горянками горда.

Как лани стройные, как соловьи
Звонкоголосые, они всегда –
Достоинство народа, слава, честь.

Века бегут, но вечно молода
Любовь, что в каждом
новом поколенье,
Словно весна, находит обновленье
И в юность возвращается всегда.

В любви все есть: и счастье, и беда.
Измена, верность, удача, невезенье,
И на огне на чувственном горенье,
Что жжет, но не сжигает никогда.

Ни годы, ни трагедии не властны
Над искренней любовью, что, старея,
Лишь ярче и красивей расцветает.

Любви не испытывавшие несчастны:
Кто раз хотя б плененным не был ею,
Тот не живет, а только, тлея, тает.

Однажды удивленно вскинув бровь,
Словно крыло, ты искоса взглянула,
В мгновенье ока жизнь перевернула
Так, что быстрее стала биться кровь.

И вспахивая чувств сердечных новь,
Прошелся взгляд твой, и душа рванула
Ему навстречу. Понял я – проснулась
Во мне большая верная любовь.

У каждого из жителя планеты
Вот так всегда негаданно, нежданно
Любовь и просыпается. И это

Не кажется несколько
людям странным –
Когда жизнь освещается вся светом
Любви, Аллахом Милосердным
данной.

Когда мы в годы юные любили,
Мы не боялись ничего суда.
Из романтических красок без труда
Мы образы любимые лепили.

Хотя и безответны чувства были
Частенько все, но даже и тогда,
Тая в душе обиду, никогда
Врагами злейшими не расходились.

Хотя, чтоб строить
крохотный свой рай,
Чуть строже выбирали, но легко
Избранниц новых,
чтоб весь век гордиться,

Пренебрегая тем, что говорится,
Что о горячее раз молоко
Обжегшись, дуешь на холодный чай.

Жизнь каждого сложна,
словно экзамен,
Который строгим судьям все сдаем
Весь век свой – мало, много ли живем –
Решеньями своими и делами.

Сдавать его, о том не зная сами,
Мы начинаем в малом и большом,
Как только в детстве на ноги встаем,
Мир удивленно оглядев глазами.

И лишь от нас зависит –
сдать – не сдать
Экзамен тот. Должны мы для того
Трудиться, поднимаясь утром ранним,

Не ожидая с неба легкой манны,
Как Бог велит – помимо благ его
Возможности устроить жизнь искать.

Завидовать красавицам не странно
И воспевать их в песнях и стихах:
Они в толпе людей заметны, как
На сером фоне мартовском тюльпаны.

Все линии их лиц и стройных станов
Отточены до совершенства так,
Что видят все в изящных их чертах
Самой природы облик филигранный.

Один лишь недостаток, что всегда
Красавицы разборчивы не в меру,
И потому, к несчастью, может быть,

Весь век свой одинокими прожить
Придется, потеряв влюбленных веру
Или на время, или навсегда.

Мусаева Малика

Т1аьххъара де

Дийцар

*Нохчийн цхъа а бехк боцуш чубалийначу т1амо
къоналла лачкъийначарна массарна а...*

Урокаш чекхъевлла дикка хан яра, амма цхъайтталг1а классера зудабераш ц1а даха сиха дацара. Т1ехъарачу парташна гобина цхъаа-м къастош дара уьш, йоккха г1овг1а эккхийтина. Классан куьйгалхочо т1едиллинера кхарна уьтгалг1а классаца КВН д1аяхъа кечам бан. И г1уллакх ерриг классана т1едиллинера, делахъ а божабераш реза ца хилира и «ловзарш» лелон. Уьш баккхий бара, аьлча а, царна шаьш хетара. Хьалхарчу сентябрехъ сийлаллин гобоккхуш а юкъа ца бевлира уьш, шаьш и х1умнаш лелон кегий дац, аьлла.

Ткъа зудабераш, к1ентий ма бац вайна г1о да-н аьлла, х1уммаь г1айг1анехъ дацара.

– Вай кхушарахъ дешча довлуш ду. Цундела вай цхъа башха х1ума дагадаийта деза, вайн къовсадаларш х1инцалц хиллачарехъ тера хир доцуш, – шена хетарг элира Маринас.

– Царна «вызов» ян еза! – куьг ирхкхуссуш, мохъ туьйхира Хедас.

– Нийс абоху. Кехат яздан деза. Т1аккха иза урокехъ д1адала а цаьрга.

Хедас аьлларг массара а реза хиларца т1ейцира. Х1инца и г1уллакх муха дича бакъахъ ду къастон дезаш дара. Х1орамма шена хета-хеттарг олура.

– Урокехъ кехат д1адолуйтур дуй вайга хъехархоша?

– Суна хаьа! Церан физика урок йолчу хенахъ д1адала деза и кехат. Раиса Сайд-Алиевнас вайна довдийр дац.

Раиса Сайд-Алиевна кхеран классан куьйгалхо яра. Цо физика урок лора кхарна а, кхечу классашна а. Цхъа шо бен дацара иза Ростохара ц1а еана.

Оцу йоццачу хенахъ берашна ша езаялийта хиира хъехархочунна. Шен болх дика хууш а, берашца йолу юкъаметтиг лелон хууш а яра иза. Дешархошна т1е мохъ хьобкхуш т1едал дацара Раисин, амма цуьнан урокехъ, цхъадош т1ехтиларна кхоьруш санна, тийна лара бераш.

– Кехат говза яздан деза, мелла а самукъане хила а деза.

– Собар дайша, масала, уроке чу даьхъна кехат: со шуна кехат дохьуш еьна, аьлла д1алур ду вай? – ша кехат эцна яхана сурт х1оттош, хаьттира Хадишта.

Беларан г1овг1а елира класса чохъ.

– Вай царна кара кхосса деза, уьш дуэле кхойкхуш, – Мадина, гуттар санна, массарел самукъане ю тахна.

Цкъа а дог ца дог1уш, олаелла гина а яц и йо1классерачарна. Д1ааьлларг беге дерзадо цо. Дош-даше даьлла шиь къовсавелча, царан барт бан сихло гуттара а. Ткъа цунна духьало ян лур а ма яц...

– Кара? Муьлха кара?

– Т1аьрсикан кара.

– Х1ан-х1а. Боксерийн кара!

Юха а белар.

– Хьо бакъ лоб! И дан деза вай!

– Боксерийн кара мичара дера ду вайна?

– Аш бакъал боху?

– Боху. Самукъане хир ма ду.
 – Тхан вешин ду боксерийн каранаш.
 – Оршот тдийнахь, хьо ишколе йоглушехь схья да цхьа кара. Тлаккха вай кехат каранаш дихкина, церан урокехь класса чу кхуссур ду.
 – Собар! Ткъа и кара «кхосса» мила глур ю?
 Цлеххъана массо а дласоцу.
 – Со! – урокехь санна куьг хъалаойбу Мадинас. – Амма, ас туйтмлаьжиг юхур ю.
 – Хлу туйтмлаьжиг? – хотту массара цхьатерра.
 – Бен а яц, со цаевзичхъана.
 Юха а белар.
 – Дпаялахь, хьо дера евзар яра царна, ахь шиь туйтмлаьжиг юьйхича а.
 – Хлуммаь дац, йовзийта, сан юьхь гуш ца хилчхъана.
 – Дик ду. Хинца вай кехат яздан деза.
 – Кехат оршот дийнахь длакхачо деза цаьрга. Вай сихо ян еза, – массо хлуманна тлехь кхачо езаш йолу Марина ю глуплакх сихха чекхдаккха лууш.
 – Лайлаь, хъан почерк хаза ю, кехат ахь яздан деза.
 – Вайн тлаьххъара КВН ю-кх хлара, – корта ластош, юккъашха йистхуьлу Хадишт.
 – «Тлаьххъара» ма алахь. И дош цадезаш яла йоллу со, – оьглаз даханчу берах терра йистхуьлу Хеда.
 – Дик ду тлаккха. Вайн ишколехь тлаьххъара КВН... – «ишколехь» боху дош дахдеш, леррина олуХедас.
 Кехат юх-юха а яздо, мухха а яздича а, массера цхьа барт ца хуьлуш. «Тлаьххъарчу» КВНе кхочуш. Говза яздина хила дезаш дара кехат.
 Эххар а, цара бох-боххург дан клордийначу Лайлаа, цха бен доцуш сана олу:
 – «Мы вызываем вас на дуэль», – аьлчхъане ца долу иза?
 – Все гениальное просто! – цлоцкъам саттадо Маринас.
 Цу тлехь сацам бо кхара.
 – Хинца Раиса Сайд-Алиевна цла яхана хир ю. Оршот дийнахь, цунах дага а девлла, кьовсадалар дладахъа кечам бийр бу вай.
 Шайн-шайн тлоьрмигаш схьаэцна, класса чуьра арадевлира зудабераш. Юха, ишколан уйтлаьх а лаятта цхъана пхеа минотехь. Эххар а, «гур ду вай», олуш шишша-кхоккха цхъана йоьдуш, дласа бахара уьш.
 Дешаран кхин цхьа клира а чекхдели. Кхана клиранде дара – цхьайтталгла декабрь. Цхьа эзар исс бле дезткъе дейтталгачу шеран цхьайтталгла декабрь; оршот дийнахь керла клира доладала а дезаш.
 Хлаь, керла клира... Амма, дешаран клира хир дац иза. Дешаран клира кеста долалур дац. Я доладелчи а, зудабераш кхин цхъанакхетар дац урокехь. Иза кхара ишколехь цхъана даьккхина тлаьххъара де дара, цу дийнахь тлаьххъара урок а. КВН а хир яц. Кхеран тлаьххъара КВН хьалххехь хилла, чекхьяьллера. И шот де кхеран жималлин тлаьххъара де дара, тлаьхъа йоглуш кьоналла а йоцуш.
 Кхана, клирандийнахь, дешархоша гуттар сатуьйсуш долчу клирандийнахь, тлом бара. Цу тламо лачкьийра кхеран кьоналла, сатийсамех чим беш, ойланаш дуьне мел ду яржош, кхеран ишкол чу глаский охъа а ховшуш. Классан пенах кхозучу уьн тлехь тлаьххъара яздина йозанаш а дуьссуш: «10-гла декабрь. Классера болх».

2017 шо

К 500-летию белорусского книгопечатания**Алесь БАДАК****Край света**

1

На станции с названьем «Хоть куда»
Я очутился на исходе лета.
– Куда? – кассирша глянула приветно.
А мне б лишь не туда, где ждет беда...
И я махнул рукою:
– На край света!

– Поторопитесь, ибо поезд ваш
Отходит, да, всего через минуту.
Я взял билет,
Еще не веря чуду.
Сказал «спасибо»
И бегом – под вальс,
Что плыл из репродуктора как будто.

2

А поезд мчал на запад, на восток.
А поезд мчал на юг и мчал на север.
Я сам себе и верил, и не верил.
В вагоне – я. А кто еще? Никто.
Лишь воздух за окном знакомо серый.

«Я здесь один?» – я вслух себе сказал
Иль проводницу вдруг спросил об этом.

Она в ответ:
– На край земного света
Кто путь себе серьезно выбирал?!
Ну, разве... вы – унылые поэты.

3

В купе струился поднебесный свет.
А проводница, старясь виновато:
– Купала мне читал
вот здесь стихи когда-то...
– О, Бог ты мой! Когда, коль не секрет?
– А в сорок первом...
Да, в начале марта...

Здесь был Рембо,
когда свой Шарлевиль,
Грезя свободой призрачной, покинул.
Петрарка был, когда искал причину
И ненависти нашей, и любви.
А что нашел – забытую долину.

Дуьненан йист

1

Цкъа «Мичча а дла»
боху станци йолчу
Со аьхке йистте йолуш нисвеллера.
Кассиро соьга аьхна: «Мича?» – эли.
Со-м – мичча а,
са хлугтур доцчу холча...
– Дуьненан йистте! – балдех арадели.

– Же яма, шун церпошта ю д'айоьдуш,
Д'айолало и нийсса минот яьлча.
Билет а эцна – сайна х'оттарх «аьлча»
Ца тешаш –
вальсан мукьам лорах тоьгуш,
Д'аиккхира со, «баркалла» а аьлла.

2

Церпошта – малхбале а, малхбузе а,
Церпошта – кьилбе, кьилбаседе хьаьдда.
Со-м кхоччуш ваьлла
вацарийца кхетта.
Со – чохь. Кхин соьца –
цхьа а? Вац ванне а.

Ткъа корал арахь – х'аваь, мокха-даьгна.

«Со-суо ву?» – ас и сайгга хьаьттинера
Я хьаьттинера теьха проводнице?
– Дуьненан йистте кхача луург, дийцал,
Хьо вацара? – цо хьогтура, – шу-м дера –
Поэташ – г'айг'а г'ийла еш хиллийца.

3

Купе чу Йена серло йаьршаш т'ера.
Ткъа проводницас – бехкала шен хенах:
– Купалас ешна суна цхьана хенахь
Кхузахь шен байташ.
– Маца-те и?
– Дера...
И – б'аьсте... шозткъе хьалхарчу шарера.

Рембо а кхачна ма ву кхуза, кьаьсташ
Шен Шарлевилах, маршонна деш
нийят,
Петраркас ша а кхузахь лехна хилла
Вайн безамийн, цабезамийн бух-хьоста.
Д'атесна тог'и бен ма яц карийнар-м.

Я слушал проводницу и глядел.
Лицо ее менялось поминутно.
Старушка в ней и девушка подспудно
Встречались, как порой
в речной воде –
Небесный мрак со светом обоюдно.

4

Я ложечкой мешал холодный чай.
Я слушал и не слушал проводницу.
– А вы зачем теперь свою столицу
Решили променять на дальний край,
Куда не стоит даже торопиться?

– Все надоело.
Может, посмотреть,
Коль все ж смогу, на этот мир из дали,
На все его тревоги и печали
Со стороны иль с краю...
Мне б суметь...
Быть может, и пойму...
Хотя – едва ли...

5

– Ах, Боже, за беседу такой
Мы остановку чуть не пропустили, –
Вдохнула проводница, – погрустили...

И вот я на тропинке полевой –
Мне весь простор
Отчизны возвратили!

– А как же тот обещанный мне край,
Край света?! –
я кричал вослед вагонам.

Лишь птичий грай
поднялся над перроном
И сквозь него услышал:
«Вот ваш край!»
Иль, может, «рай», –
кричали из вагона.

Любови и печали край родной!
Я без него вдруг в мире заблудился.
Вернулся, словно заново родился.
Вновь стал я им, а он – как будто мной.
Об остальном – забыл или забылся?

Ладобггуш Iара со цу проводнице.
Юохь мин-минотехь цуьнан хийцалора.
Ткъа суна цуьнан суьртехь элуш гора
Цкъа – йоккхастаггий,
йоШий – жимма Iийча.
Сай, бодий санна – кийрахь хин татолан.

4

Со, Iайгаца сайн шийла чай а кегош,
Ладобггуш цуьнга я ца доьггуш, Iара.
– XIун лобху ахь
цу хьайн шахьарал арахь?
Дуьненан йисте кхалха оила хьеггол
Мах кхочуш XIума иза делахьара-м...

– Ма кIордийна-кха дерриге а, маржа...
Дуьнене, цунна генна йистте ваьлла,
Дахьаьжна цкъа,
ва цунна бале даьлларг,
БIаьргьэшара тIедалийна,
схьахаржа-кх...
И довза а... и девзаш-м мила ваьлла?

5

– Сан Дела, маьIаргонна, –
проводницас, –
Къамеле девлла,
тIехвоккхур-кха вай хьо. –
Садаьккхи доккха, йокькуш соьца
гIайгIа...

Байн арахь лаятгаш ву со,
хеташ хIинца,
Схьадуьхьал беьча санна
сайна Даймохк!

– Дуьненан йист ткъа? –
хаттарца со кхойкхуш,
Перронехь гIаьтти олхазарийн гIовгIа,
Цу юккьеш:
«И – хьан ирзу!» дарий, хьовха,
ДIалилхинчу вагонаш чуьра кхайкхош.
Я «ирс ду» баьхна хилла хир ду довха.

Ва декъалий, ва декъазий сан мохк, хьо!
Со хьуна херехь лелла, тил а велла.
ЦIавирзина со, цIенна цIин а велла.
ДIаййна хьох, схьаййна яьлла – сох хьо.
Кхин мел дерг
хIинца-м суна диц а делла.

Горечь опавшей листвы

Листья опавшие в парке сгорают –
Дым поднимается, тает в просторе.
Словно на небо душа отлетает,
Полная смутной печали и горя.

Ветер костер отгоревший раздует –
Дым встрепетается и путь загородит.
Тихо в него я войду и почую:
Палой листвы
Душа в меня
Входит.

Буду по парку бродить,
как бездомный,
С музыкой ветра и горечи слившись.
А на душе – непонятный, бездомный,
Горький осадок – памяти, листвев...

Ты не стой у ветра на пути.
Разве ты не видишь, что за ветер?!
Крышу он вчера разворотил,
Да и ныне многое наметил.

И тебя пронижет он насквозь
Силою безжалостной и страшной.
Ты еще узнаешь боль и злость,
Как от ран от схватки рукопашной.

И еще подумаешь, что с ним
Свой последний миг живешь на свете.
Он и душу выдует, как дым,
Он и дух развеет на планете.

Свет

Вдруг света все меньше душе, –
Вдруг мраком она ощущает,
Что зло прорастает уже,
Сквозь сердце мое прорастает.

Теперь и в душе злу простор.
Она опустела – как вышла.
И если бояться злу, то
Лишь света, что все-таки свыше.

«Мне света!» – кричу... Тишина.
«Мне – света!» – а улицы немые.
Мне – света иль даже – огня,
Что все разрешает проблемы.

Га дожарх йолу гайга

Генех дАкъаьстина гАш догу бешахь,
Кур хьалагГуьттуш бу,
хАваэжь баьржаш,
Хеталуш: ийалург, и – са ду теша,
Шен гайга-балица дАкъхелхаш Гаьрша.

Ще марсайоккхур ю мохо, хЛуп-аьлла,
Кур гГоттуш дохк санна,
лоцур бу некъ а.
Меллаша цунна со дАчохьаваьлча,
Хеталур, гАшшийн
са чукхийдаш неках.

Цадоцург санна, со лелар ву бешахь,
Мох къаьхьа белхочу гайганах ийна.
Гаш тЕра бухьюйлунш,
дагна тЕе лешаш,
Хир иза, мэкханах кЛоргга чукхийдаш.

Варий, механ некъ ма лацалахь.
Ца го хьуна, хАй, и муха мох бу?!
Селхана цо тхов баьхьира дА,
Хьажалахь, кхин мел цо тЕклелдоккхур.

Кьинхетамза хьох а хьаьрчар и,
Цецах санна, дегАх хьан чекхбуьйлунш.
Гур ду хьуна: цунах чов а хир,
Куьйга йинчух – дера хьегАюьйлунш.

Ойлаян а кхиалур ву хьо:
Кхулуш дерг, и – де хьан тАьххьарлера.
Мохо са хьан кГуьрах хьалахьор,
ДА а хьоцур – дуьне мадду лела.

Серло

Серлонах хьаьгна ду са, –
Боданехь кхиьна и доГу:
Зуламо летадеш къа,
Сан деган пхенех чекхдохуш.

Кийрахь а и маьрша ду,
И бассабелла го дела.
Зуламна кхераме – хЛун?
Серло – и еца тЕеленарг.

«Серло!» – и орца ду сан.
«Серло!» – ва къора-м бу урам.
Серло аш луо суна, я
Ще – иза онда ю цул а.

Валерия Радунь

За что я люблю тебя, осень?
 За облака-одеяла?
 За утро, которого мало?
 За желтые листья, как проседь?

За что я люблю тебя, осень?
 За то ли, что ты – не лето?
 За песню, что недопета
 И ветер продолжить просит?

За вечер, что грусть приносит?
 Иль за начало конца?
 А может, за тень без лица?..
 За что я люблю тебя, осень?..

Сложно вычислить след дождя.
 Сложно утро искать в потемках.
 Сложно солнце тушить, уходя,
 И по камню ступать негромко.

Просто легче дышаться стало,
 Стало больше простора свету,
 Просто синее небо попалося
 В западню из ажурных веток.

Просто низко висит звезда
 Над стрелою прозрачной крана,
 Просто помнится, никогда
 Не бывает для осени рано.

Когда ветви совсем обнажатся,
 Когда осень придет бытия,
 Постарайся не обижаться,
 Это просто причуда моя.

Это небо безжалостным ливнем
 Зарыдает без боли, без сна...
 Ведь любви не бывает счастливой,
 Только горькой бывает она...

Хьо суна марзъеш хІун ду, гуьйре?
 И, юргІа санна, мархаш хъан?
 И гуттар йоца йолу Іуьйре?
 Я можа-къоьжа гІаш-те хъан?

Хьо суна марзъеш хІун ду, гуьйре?
 Хьо аьхке яцар ду-те, я
 Хъан хаьдда йиш, и юха уьйре
 Мехашца яхна, деньлар?

Я суьйре, гІайгІанашка лоцу?
 Я юьхь йигар ахь дерзаре?
 Я ІиндагІ, юьхь-сибат а доцу?
 Хьо езар, гуьйре, хІун ду-те?

ДогІанан лар, еший, яьржа,
 Бодашкахь – Іуьйренан тай а.
 Малх чу ца озало, маржа,
 ТІулга тІехь ког а ца байло.

СадеІар атгачу даьлла,
 Серлонна шорделла доза,
 Гаьннашлахь галморзахьяьлла,
 Куьг кхочехь стигал а кхозу.

Седа а сегаш бу кранан
 Чордачу цхьамзанан баьрччехь.
 Аьлла-кха: хеназа цхьа а
 ХІума дац, гуьйре тІекхаьччехь.

ГІа доьжна, га беркьадалахь,
 СхьахІуттуш гуьйренан хан,
 Ларлолахь цунах вас яларх,
 Амалехь хир иза сан.

И стигал, къа хьарчо хьаьхна,
 Йоьлхур ю, чов ца еш кхин...
 Безам, и-м ца хуьлий аьхна,
 Къаьххий бен ца хуьлу и...

Елена Стельмах

Птица Счастья

Надо мною птица низко пролетела,
Люди не заметили, им какое дело?

Крыльями взмахнула –
счастье приземлилось,
На моей ладошеньке
все оно вместилося.

Хрупкое, лучистое,
трепетное, нежное –
В дождь, в мороз ждала его,
верила в надежду я.

Замерла, не смея и пошевелиться.
Милое, родное,
дай хоть подивиться!

Как нам быть с тобою,
счастье-незадача?
На беду иль радость мне эта удача?

От любви сияю – опьянила встреча,
Кто-то тихо-тихо трогает за плечи...

Надо мною птица низко пролетела,
Люди пусть судачат, мне какое дело!

Важность

Слишком высокую цену знала,
Расфуфыренной дамой сияла,
Мнила себя большой недотрогой –
Куча снега посреди дороги.
Всех в умении жить поучала,
Пока мокрым асфальтом не стала...

Максим Богданович

Я хотел бы встретиться
с Вами на улице
В тихую синюю ночь
И сказать:
«Видите эти крупные звезды,
Ясные звезды Геркулеса?
К ним летит наше солнце,
И несется за солнцем земля.
Кто мы такие?

Ирсан олхазар

Олхазар сан дегге охьадеанера,
Нахана ца гуш и, бала боцуш церан...

Туйхира цо тёмаш –
дакъя доруш ирсан,
Тарделира дерриг кераюккье и сан.

Экама, са-сирла,
кхобуш даг чохь ховха,
Цуьнга сан сатийсам Iай а бара бовха.

Цец а яьлла,
кхобруш кьахко, метгахьяьлла,
Хыйжира со цуьнга, ойла ловзаяьлла.

Ас хьо стенга дилла-даккха деза те, ирс?
Оцул аьтто балар – лаа-гара те и?

Юьхь сан серлаяьлла,
безаман цё летта.
Цхьамма-м белш сан хьейо,
ялаеш со метта...

Олхазар-м сан дегге охьадеарийца,
Суна бен а дац-кха,
наха хIуьа дийцарх!

Куралла

Мах а цо ша-шена безза озьнера.
ЛипIарсакьяьллачу йобIан даг тIера
Тарьелла кеп а шен – массарел тоьлаш –
Лаьтгара некъя тIехь
лайн йоккха оьла,
ХIора а – хуунчах – Iан-ваха Iамош,
Ешна, асфальта тIехь ша дIасаIанналц.

Лаьара-кх хьобца цкья урамехь латга
Тийначу сийначу буса,
Деш хатгар:
«Хьажал, дIо даккхийчу
седарчийн ковра
Гой хьуна – Геркулес тобанах жовхIарш?
Царна тIе боьдуш бу хьуна вайн малх а,
ТIаьххье – дьне а.
Вай муьлш хуьлу тIаккха?

Только путешественники, –
попутчики среди небес.
Зачем на земле ссоры и склоки,
боль и горечь,
Если все мы вместе летим
К звездам?»

Некъахой, вай –
некъанакъостий Гаьршахь.
Амма ткъа хIунда ду
лаьтга тIехь даьржаш
Питанаш, девнаш,
вай хIитгадеш холчу,
Некъ хилча цхьаьна вайн –
Седарчий долчу?»

Максим Танк

Мать послала к сыну думы
Ранней ранью;
Возвратились эти думы
К ней ветрами.

Мать послала к сыну слезы,
Запечалясь;
Темной тучей эти слезы
Возвращались.

Мать послала к сыну песню,
Ждет ответа;
Черным вороном вернулась
Песня эта.

Прилетает ворон, кричат
У колодца:
«Ты не жди напрасно сына, –
Не вернется».

Он и рад бы возвратиться,
Да не волен:
Обвенчался он с рябиной
В чистом поле.

Обвила его, сердечная,
Корнями,
Принакрыла его алыми
Ветвями».

И шумит, шумит рябина
Под горою,
Охраняя сон солдата –
Сон героя.

Нанас ойланаш дIахийци –
КIанте кхийлам,
Ненан ойланаш цIайирзи,
Мехаш хилла.

КIант ган хьаьгна, нанас бIаьрхиш
ТIаьхьахьаьрки.
Мокха мархаш хилла, бIаьрхиш
Юхадаьрки.

Нана, илли тесна кIанте,
Жобпе хьийжи,
Гаьржа хьаргIа хилла, илли
Юхадирзи.

ГIуна юххе хиьна, хьаргIа
Iеха хIоьгти:
«КIант хьайн эрна ахь ма ларве,
ВогIур мьогтуш».

ВогIур-м вара иза, амма –
Маьрша вац-кха:
Датгано и эрна арахь
Да ма лаьцна.

Маракъевлина и цо шен
Орамашца,
Кхалор еш, тIетесна цунна
Шен цIен гIаш цо».

ДIасатехкаш лаьтга датта
Басе йолчоьхь,
ГIенийн гIарол хилла, гIенийн –
Турпалхочун.

Мария Кобец**Маме не спится**

Снова быстрой синицей
Прилечу я к матуле...
Что-то маме не спится,
Хоть давно все уснуло:

Все волненья, тревоги,
Как от них ей отбиться?
И забот слишком много –
Снова маме не спится.

Материнского дома
Окнам вечно светиться!
Словно к месту святому
К ним иду причаститься!

У березы за хатой
Багровеет зарница...
Может, я виновата,
Что матуле не спится?

Ласточка, быстрая птица,
Может, поможешь ты мне,
Тайной прошу поделиться,
Прощебечи хоть во сне:

Ты подкажи – я поверю,
Край заповедный – он где?
Там доброта и доверье
Не открывают беде.

Вольная ты, словно ветер,
Ведаешь, верно, ответ:
Где-то осталось на свете
Счастье мне?
Или нет...

Сон

В раздумье радостном весны
И в майском гуле беспокойном
Мне снятся радостные сны,
Зарницы между веток хвойных.

Мне снится лодка на реке,
Седой легенды облаченье,
Моя рука в твоей руке,
Воды неспешное теченье.

И нежный шепот вешних трав,
Рассветом розовым напетый,

Нанна наб ца кхета

Мáса хьоза хилла,
ГПор со нана йолчу.
Хир и, метгахь Илларх,
Наб ца кхеташ, холчахь.

Набаро батийна,
Чуъра мел берш Iехкарх,
Ненан дагчу тийнна
Кхийда сема бехкаш.

Ненан корехь йогу
Серло – сан са кхобуш.
Нанна те со йогу –
Карладаккха тоба.

Це ю дитташ теъха,
Анайистах леташ...
И сан бехк бу теъха –
Нанна наб цакхетар?

Чегардиг, – олхазар мáса –
Орца хьан оьшура-кх, маржа:
Бастахьа къайленан хьаса,
Тешамна, эшахь, ган харжий.

Хьехахьа – туьйранехь буйцу
Исбаьхьа мохк болчу кхача
Яра-кх со доггах сатуьйсуш,
Хила и догийна дацарх.

Мох санна, маърша хьо деца,
Хьан хила тарлора жоп а:
Цхьанхьа а дуй ирсан декъах
Дáкъа – со юьхьгайчу хIотто?

Ган

Са ойбуш, еьна къона бIаьсте,
Са хьовзош, оила – гIайгIане.
Сан гIенийн кхиэлаш кхоах хьобстуш
Ю анайисташ сирла-цIен.

Сан гIенийн гIевлангахь – хин кема,
Цхьа къена дийцар дуьзна шех.
Хьан кераюккъехь Илла Iемаш,
Сан куьг ду – хи ду цунна теш.

Бай-арахь бецаш техка ховха,
Са-эвхье цIийло анаюх...

И ты... ты все ладонь держал
Во сне, теплом твоим согретом...

Ткъа ахь, сан гІенаш чуъра йовхо
Ца йойтуш, къубылу кераюкъ.

Микола Купреев

Журавли печальные мои –
новое прощанье проплывает.
Вновь над Щарой¹
чарами растает
зов ли, стон моей былой любви?..

Боже мой, сюда еще вернусь я?
Ты меня, как птицу,
позови! –
прилечу под окна Беларуси...

...Тихий вечер, осень на земле.
Что-то шепчет клен через окно.
Том Купалье². Бульба³ на столе.
И несет соседка Ганна молоко...

Сегодня умер человек.
А я вчера его обидел.
Как же мне завтра
пройти мимо дерева,
что он посадил
у моей дороги?..

Пимен Панченко

Когда закатится солнце,
На небе зажгутся звезды,
И в каждой росинке вспыхнет
Таинственный синий свет, –
Ты любишь и жизнь, и солнце,
И всех, кто любит восходы,
Ты любишь росы, и сосны,
И звезд загадочный след.

Когда закатится сердце,
Уже не зажгутся звезды:
Тебя отвезут, зарюют –
Лежи себе, – слеп и глух...
Заплачут жена и дети.
И внуки уронят слезы,
А впрочем... У них – и солнце,
И жизнь, и цветущий луг.

Тийна, гІайгІане сан гІаргІулеш –
Лелла дели керла дІасакъастар.
Хъаьгна хир я хир-те лазам беш –
Щара¹ долчошь безаман чов ястар?..

Маржа, хиъча – юха вогІур вуй со?
Олхазаре санна,
Кхайкхалахь! –
Пома вуссур вара-кх Беларуссе...

...Тийна суьйре, гуьйре – лаятта тІехь.
Маьлкъазо а корехь цхъаь а-м боху.
Том – Купалин². Бульба³ –
стоьла тІехь.
Ганна-лулахо а шура йохъуш йогІу...

Стаг вели тахана.
Селхана цунна ас йинера вас.
Сан некъа йистехь цо доьгІначу
диттана юххешха
муха со вала-те
кхана?..

Малх дІачукерчича, стиглахь
Седарчий летар ду чиркхех.
ХІора тхин буьртиг а денлур,
Серло луш цхъа сийна-сирла.
Дахар а, малх а, и гІаттар
Дезарш а хъуна товш хир-кха.
Тхиш а хир хъуна товш, – дитташ,
Седарчийн лар туьду тир а.

Дог дІачукерчича эххар,
Седарчий кхин гучудевр дац:
Хъо, хъалаайина, хъур ву,
Лаятта дІавуллур ву кІоргга,
Зудий хъан, бераший доьлхуш,
Доьзалийн бераш а... Царна-м
Малх буьсур, дахар а, бай а –
Зазашлахь – хъежа ца кІорддол.

Герой

Сердито сказал: «Вставай, пехота!
Мы не на пляже, а на войне...»
И лег на проволоку. И рота –
Все двести сапог, провонявших потом,
Прошли по его спине.

Не он, а другие в атаку бежали,
Гранаты бросали в блиндажи.
Кололи фашистов, танки сжигали
И знамя победное водружали
На завоеванные рубежи.

А он, свои кости от ржавых колючек
Едва оторвав, со стоном глухим
Свалился в траву, и болью жгучей
Пронзило и травы, и ветер, несущий
Прохладу с валдайских озер и равнин.

Турпалхо

Иза тЕчевхира: «ГПатга, пехота!
Хи йистехь ма дац вай – тІам тІехь...»
Сера тІе вижира бертал. ТкЪа ротас –
ХЪацарша юъзначу шина бле этко
Некъ бира шайна
кІел тесначу букъ тІехь.

И воцуш, кхин бара хЪаьвддарш атаке,
Гранаташ кхиссинарш
блиндажаш йолчу,
Фашисташ аьттаберш,
ягийнарш танкаш,
Толаман байракхаш ийинарш леккха,
Даймехкан дозанаш юха схьадохуш.

ТкЪа иза, оззийна схьаяьхна серан
Мекхачу кЮхчалшна
тІера шен межеш,
Дап-аьлла узарца вуьйжира бертал,
Буций, хин тогІехь
гулделла, схьагІерта
Механ хІой чахчадеш лазаран эвно.

Франциск Скорина

По природе своей
звери, бродящие в пустынях,
знают свои норы;
птицы, летающие по воздуху,
знают гнезда свои;
рыбы, плавающие по морю и в реках,
помнят истоки свои;
пчелы и им подобные, обороняющие
ульи свои,
не забывают их;
так и люди
помнят те места, где появились на
свет и
где были вскормлены, и питают
к ним великую привязанность.

Аренгахь лела
ва акхарой
лелийца шайн бенаш девзаш;
хІаваэьхь лела
ва олхазарш
лелийца шайн бенаш девзаш;
хин-чІерийн, ва хІорда-чІерийн
изэсехь а – шаьш девлла меттиг;
мозий а, шайн накхарш лардеш,
сакх-сема гІаролехь хыйза;
адам а кхоьллина иштта:
ша диний, ва кхиьний меттиг ца
йицьеш,
деха и, орамех сица дІаййна.

Гочийнарг АХМАТУКАЕВ Адам

¹ Щара – Беларусь-махкара хи.

² Янка Купала – белорусийн литературин классик.

³ Бульба – картол (белорусийн магтахь).

Ахмадов Муса**Выше гор****1-я часть***Действующие лица:*

ГОЙСУМ
БАХА
МААШ
1 СЫН
2 СЫН
1 ЮНОША
2 ЮНОША
3 ЮНОША
АБДИ
МАСА
БАЙБЕТАР
1 ЖЕНЩИНА
2 ЖЕНЩИНА
ЭЛСИ
НАЖА
КАЙСАР
1 ДОЗОРНЫЙ
2 ДОЗОРНЫЙ
1 СУДЬЯ
2 СУДЬЯ
3 СУДЬЯ
КЮРА
ГОВДА
БЕРД

1-я картина*Кузнец, Элси. Кузня.*

Элси работает над кинжалом, бьет по нему молотом. Входит кузнец, останавливается, наблюдает за ним.

ЭЛСИ. *(завидев кузнеца)* Доброе утро, дядя!

КУЗНЕЦ. Да благословит тебя Всевышний, Элси, над чем ты это трудишься каждое утро?

ЭЛСИ. Вы сами меня учили, дядя, кто рано встает, тому и Бог подает.

КУЗНЕЦ. Верно, с утра работа спорится. Но сегодня ты пришел раньше обычного, я слышал звон наковальни задолго до рассвета.

ЭЛСИ. Сегодня я закончил свою работу. Смотрите! Что скажете об этом?
(отдает ему кинжал)

КУЗНЕЦ. *(внимательно изучает кинжал)*. Все по воле Всевышнего! Удивительная работа!

ЭЛСИ. А что здесь удивительного, дядя?

КУЗНЕЦ. Удивительно то, как скоро ты овладел кузнечным мастерством! Хорошая работа, Элси. Теперь ты настоящий кузнец!

ЭЛСИ. Благодарю Вас дядя, если я и стал кузнецом, то в этом только Ваша заслуга.

КУЗНЕЦ. С этого дня ты будешь работать в этой кузнице! Я уже слишком стар для этого дела.

ЭЛСИ. Как же я справлюсь, если Вас не будет рядом?!

КУЗНЕЦ. Время покажет. Найдешь себе помощника, обучишь его... И помни, Элси, кинжал должен храниться в ножнах... смастери себе ножны!

ЭЛСИ. Хорошо, сегодня же начну.

КУЗНЕЦ. И еще... никогда не вынимай кинжал из ножен без серьезной на то причины и не говори ничего понапрасну.

ЭЛСИ. Хорошо, именно так я и буду себя вести. Я должен идти ...

КУЗНЕЦ. Куда ты собрался ни свет, ни заря?

ЭЛСИ. Я хочу окунуть кинжал в ручей до восхода солнца.

КУЗНЕЦ. Тогда ступай, поделись своей радостью со всем миром.

(Элси уходит)

КУЗНЕЦ. Никому из людей не дано постичь божественную тайну мироздания! Как же все просто, когда ты молод! Как сладка жизнь, как светел этот мир, пока ты молод! Сердце Элси наполнено радостью. Да продлит Всевышний его молодость! С тех пор, как он осиротел, рано потеряв родителей, он тянулся ко мне, стал приходить в кузницу. Сегодня он стал кузнецом.

В давние времена мои предки построили тебя, кузница, из гранитного камня и теперь ты не опустеешь с моей смертью. Элси сохранил огонь в твоём очаге. Все эти сорок лет ты была мне вторым домом.

С древних времен возвышаешься ты над аулом. Эти знаки, что оставлены на твоих камнях моими предками... Что они означают? Сколько бы я ни думал, я не смог постичь их тайну.

Когда-нибудь люди постигнут смысл твоих знаков, моя кузница! В твоих стенах до сих пор живет память о твоих кузнецах, тепло их рук. А теперь и тепло моих рук присоединится к ним.

2-я картина

Элси прибыл к ручью, окунул кинжал в воду.

ЭЛСИ. Сейчас на вершине горы покажется солнце. И, когда его первые лучи отразятся в струях этого ручья, появится она...

АМАТА. Доброе утро, Элси.

ЭЛСИ. Да благословит тебя Всевышний, Амата! Как только восходит солнце, все кругом просыпается. И этот ручей, продрогший от ночной прохлады, уже сверкает в его первых лучах и все быстрее несет свои воды на равнину... А птицы, которые прятались от темноты в деревьях и кустарниках, пьют, словно родниковую воду, эти первые солнечные лучи, приветствуя их звонкой трелью... Все меняется в природе, когда появляется Солнце. И в моем сердце все меняется, когда появляешься ты, Амата.

АМАТА. Где ты находишь столько красивых слов, Элси?

ЭЛСИ. Эти слова рождаются сами по себе.

АМАТА. Не знаю, чему ты учился в кузнице, но в одном я уверена, ты стал очень красноречивым.

ЭЛСИ. А в кузнице я научился этому, смотри! *(показывает кинжал)*

АМАТА. Что это за кинжал?

ЭЛСИ. Первый кинжал, сделанный моими руками.

АМАТА. Какой красивый!

ЭЛСИ. Дядя похвалил меня, он назвал меня мастером и сказал, что теперь я могу работать самостоятельно.

АМАТА. Значит, ты не зря трудился все это время.

ЭЛСИ. Вот уже семь лет, как я хожу в кузницу... и к этому ручью... все

это время я ждал, когда будет готов мой первый кинжал, чтобы сказать тебе несколько слов.

АМАТА. Я слушаю тебя, Элси. Это должны быть очень важные слова, раз ты ждал этого часа семь лет.

ЭЛСИ. Обещай мне здесь, у нашего ручья, что этой осенью выйдешь за меня замуж.

АМАТА. *(смеясь)* Хорошо, что ты ковал кинжал, а не меч... ведь чтобы выковать меч, нужно намного больше времени, тогда бы, возможно, я и не дождалась этих слов.

ЭЛСИ. Не переводи мои слова в шутку! Обещай мне!

АМАТА. Это была не шутка, а упрек. Ты мог бы сделать мне предложение, не дожидаясь того, что твой кинжал будет готов. Элси, я выйду за тебя, Ведь кроме тебя никто мне в этом мире не нужен.

ЭЛСИ. Благодарю тебя, Амата. Пусть Всевышний благословит тебя, ты сделала меня счастливым! Вместе мы создадим свой очаг.

АМАТА. Мне пора, Элси. Теперь у меня появится много хлопот перед свадьбой. *(уходит)*

ЭЛСИ. Вот какое оно счастье! Благодарю тебя, Всевышний, за то, что сбываются мои мечты! *(пьет воду из ручья)*. Ручей моего счастья, как мне насытиться тобой!

3-я картина

ГОЙСУМ. Аллах Всемогущий, Всемилостивый! Защити меня от тревог и сомнений! Пошли мне успокоение, огради меня от всего дурного, от потерь и несчастья! Пусть мое предчувствие будет напрасным!

БАХЪА. Мир вашему дому, Гойсум! Гостей принимаете?

ГОЙСУМ. Да пребудет и с вами мир! Как я могу не принять тех, кого я сам пригласил?! Добро пожаловать!

МААШ. Да благословит Всевышний твой дом!

ГОЙСУМ. Проходите, присядем здесь. Ты садись сюда, Мааш, а ты займи место повыше, Баха.

(гости садятся)

БАХА. Как поживаешь, Гойсум? Здоровье не подводит?

ГОЙСУМ. Хвала Всевышнему! Чувствую себя хорошо, несмотря на прожитые годы. А как вы поживаете?

МААШ. Хвала Всевышнему! Все у нас хорошо.

БАХА. Гойсум, для чего ты пригласил нас? Не случилось ли чего плохого?

ГОЙСУМ. Ничего плохого не случилось. Неделю назад я посылал вас к Элаху в качестве сватов...

БАХА. Да, он принял нас с почетом, проявил уважение.

ГОЙСУМ. Это потому, что вы отличились красноречием.

МААШ. Дело не в нашем красноречии, а в том, что Элах чтит обычаи предков.

ГОЙСУМ. Это правда, и все же, одна половина успеха зависела от вас, а другая от Элаха.

БАХА. Возможно, это так.

ГОЙСУМ. Как бы то ни было, в продолжение начатой вами миссии молодежь поехала за дочерью Элаха, Аматой. А вас я пригласил на свадьбу.

МААШ. Хорошо, что пригласил. В нашем возрасте нужно чаще встречаться по поводу и без повода.

ГОЙСУМ. Почему ты так говоришь?

МААШ. Да потому, что все меньше становится людей нашего возраста, круг общения становится все уже и уже. Кто знает, сколько нам еще осталось встреч...

ГОЙСУМ. Да продлит Всевышний наши годы...

БАХА. Амин, общение с друзьями украшает нашу жизнь, а отсутствие такого общения лишает ее смысла.

МААШ. Амин! Пусть Всевышний благословит молодых, пусть невестка принесет счастье в ваш дом!

ГОЙСУМ. Спасибо, да услышит вас Аллах! В давние времена, когда я был еще ребенком, мой дед Губнак так же собирал своих товарищей на свадьбу. Помню, как он рассказал им одну легенду.

БАХА. Что это была за легенда, Гойсум?

Гойсум. Это было сказание о наших далеких предках, о любви, уважении и благородстве. Если вы хотите, я расскажу вам эту легенду...

МААШ. Конечно, хотим, Гойсум. Расскажи.

БАХА. Твой рассказ может принести нам только пользу, а ты лучше нас знаешь, как важно распространять полезные знания среди людей.

ГОЙСУМ. Тогда слушайте. В древние времена среди чеченцев был такой обычай: раз в год созывали молодых мужчин у подножия скалы, чтобы проверить их на готовность к защите своего аула на случай внезапного нападения врага. Пришедшего последним на этот призыв ожидало жестокое наказание...

4-я картина

КАЙСАР. Достопочтенный Нажа! Род – это ручей, берущий свое начало в горах. А что нужно воде, чтобы не исчезнуть, растворившись в песках и камнях? Ручью необходимы берега и русло... Обычаи наших отцов – это и есть наши берега, люди рода опираются на них.

НАЖА. Обычаи придуманы людьми, Кайсар, в согласии со временем, в котором они жили. Но время не стоит на месте, оно меняется, а вслед за ним меняются и древние обычаи...

КАЙСАР. Обычаи отцов – это мудрость, накопленная веками. Если ты считаешь нас мудрее наших предков, то ты ошибаешься. Совет старейшин никогда не примет этого... Никто не разделяет твоего мнения.

НАЖА. Я уверен, что с годами моих сторонников станет больше.

КАЙСАР. Время покажет... а сейчас пора... Зажигайте сигнальные огни на башнях, пусть дозорные с самыми звонкими голосами созывают людей с высоких холмов и башен.

НАЖА. Они давно наготове и ждут нашего приказа...

КАЙСАР. Пусть начнут созывать людей.

(слышны голоса)

1 ДОЗОРНЫЙ. Люди, слушайте! Враг идет на нашу землю! Собирайтесь! Собирайтесь на площади у высокой башни.

2 ДОЗОРНЫЙ. Собирайтесь!

КАЙСАР. Спешат, собираются воины, готовые дать отпор врагу в жестоком бою... Тот же, кто прибудет последним, станет добычей глубокой пропасти. Кто же это будет?! Дозорные, будьте бдительны!

НАЖА. Вон там скачет опоздавший всадник!

КАЙСАР. Приведите его! Пусть предстанет перед судом пришедший последним в час, когда его родина в опасности... Пусть все узнают его имя!

1 СУДЬЯ. Кто ты? Откуда? Расскажи о себе!

КЮЙРА. Да благословит вас Всевышний в этот предрассветный час, старцы! Я сын Алама, Кюра, из аула, что на Каменном склоне.

2 СУДЬЯ. Ты сын достойного отца.

3 СУДЬЯ. Но ты поступил недостойно, опоздав на сход воинов.

НАЖА. Что же помешало тебе прийти вовремя?

КАЙСАР. Какой бы ни была причина, это уже не важно... Его следует сбросить с самой высокой скалы... Ему выпала горькая участь – быть погребенным в глубокой пропасти...

1 СУДЬЯ. Погоди, Кайсар, не спеши! Для Совета все важно. Поведай нам, юноша, причину своего опоздания?

КЮЙРА. Я оказался в плену сладкого сна и поэтому не услышал дозорных. Другой причины нет.

БЕРД. С вашего позволения, почтенные старцы, я скажу за него.

3 СУДЬЯ. Сначала скажи, кто ты?

БЕРД. Я, как и Кюра, из того же аула, что на Каменном склоне. Почитая наши традиции, из уважения к вам он вынужден скрывать правду...

КУЙРА. Не стоит и тебе об этом говорить!

НАЖА. Рассказывай, что он скрывает от нас!

БЕРД. Мы живем с ним по соседству... Вчера в его доме зажегся семейный очаг, поэтому он опоздал.

НАЖА. Это серьезная причина...

КАЙСАР. Это не причина, Нажа, когда Родина в опасности, когда враг стоит у дверей твоего дома!

1 СУДЬЯ. Верно говорит Кайсар.

2 СУДЬЯ. Я согласен с этим.

3 СУДЬЯ. Когда твоя земля нуждается в защите, не может быть уважительных причин. Всадник, который не спешит за водой в час, когда дом объят огнем, не заслуживает и своего коня!

КАЙСАР. Итак, мы все сошлись во мнении. Сбросьте его в пропасть!

2 ДОЗОРНЫЙ. Стойте! Стойте! Он не последний! Там вдали показался еще один всадник!

КАЙСАР. Не может быть! На что он надеется, прибыв тогда, когда даже ящерицы от солнца поползли в кусты?

2 ДОЗОРНЫЙ. Он не подгоняет коня, можно подумать, что он на свадьбу едет!

НАЖА. Странные вещи происходят этим утром... Освободите связанного! Кюра, сын Алама, ты свободен!

(развязывают)

1 ДОЗОРНЫЙ. Опоздавший прибыл!

КАЙСАР. Приведите его, пусть предстанет перед Советом.

1 СУДЬЯ. Пусть расскажет о причине!

КАЙСАР. Не стоит напрасно тратить время! Все видели, как неторопливо он приближался, пренебрегая нашими обычаями.

НАЖА. Все же не будем спешить, пусть расскажет, кто он?

ГОВДА. Имя мое – Опоздавший. Зачем вам знать обо мне больше этого?

1 СУДЬЯ. Кто дал тебе право задавать вопросы? Назови нам свое имя!

ГОВДА. Я – Говда, сын Дабы. Я из Каменного склона... Жил там до сегодняшнего дня...

2 СУДЬЯ. Почему ты опоздал на сход воинов?

ГОВДА. Я всегда опаздываю... Такова моя участь... Я опоздал увидеть предрассветное небо, опоздал прикоснуться к живительной силе утренней росы, до того как ею утолили жажду лучи утреннего солнца... Я опоздал увидеть, как пробивается цветок сквозь снег на вершине горы...

1 СУДЬЯ. Он очень красноречив... Жаль, что ему выпала участь исчезнуть в чреве глубокой пропасти.

НАЖА. Совету нет дела до того, куда ты опаздывал до этого дня, почему ты опоздал сегодня?

ГОВДА. Прежде я опаздывал, не желая того, но сегодня я опоздал по своей воле.

КАЙСАР. Разве ты не знаешь, какая участь ждет опоздавшего на сход воинов?!

ГОВДА. Знаю. И все же я решил прийти последним...

2 СУДЬЯ. Впервые слышу такое... Расскажи нам, с чем связано такое решение?

ГОВДА. До этого дня я был одним из первых. Но сегодня я пожелал стать последним.

НАЖА. Так поведай нам, что случилось?

ГОВДА. К чему это? Ведь все знают, что ждет меня, какой бы ни была причина.

1 СУДЬЯ. Никто не может знать, какое решение примет Совет старейшин. Расскажи правду.

ГОВДА. Почтенные судьи! Простите, что я нарушаю обычаи отцов, говоря о своем сокровенном. Каждый из вас был когда-то молод, каждый любил этот мир, залитый солнечным светом. Вчера вышла замуж та, которая последние годы была смыслом моей жизни. Зачем скрывать боль, которую я испытал?! Мое сердце разрывалось на части, я метался как раненый волк... Когда услышал призыв дозорных, я начал собираться, чтобы прибыть на эту площадь в числе первых.

Но меня остановил голос моего сердца: сегодня опоздает тот, в чей дом вошла твоя любимая... Пусть опоздает, значит, такова его судьба, мелькнула в моей голове мысль... Но потом другая мысль овладела моим сознанием: если он опоздает, то моя любимая станет несчастной... Хочешь ли ты этого, Сердце? Если нет, то мы с тобой опоздаем, обратился я к своему сердцу и прибыл к подножью горы, спрятался в кустарнике и ждал, пока конь Кюры не пронесся мимо...

(наступила тишина)

1 СУДЬЯ. Разве такое возможно...

2 СУДЬЯ. Ни разу в жизни не слышал ничего подобного.

3 СУДЬЯ. Нам нужно принять решение, тщательно обдумав его поступок...

НАЖА. Нам нужно время, чтобы обсудить услышанное.

1 СУДЬЯ. Дозорные! Уведите Говду, сына Дабы, в башню, пусть дожидается решения Совета старейшин.

(члены Совета собираются)

2 СУДЬЯ. Пусть каждый выскажет свое мнение.

КАЙСАР. Поступок юноши свидетельствует о слабости наших сыновей. Виданное ли дело?! Он опоздал, чтобы не разбить сердце девушки! Слышали ли вы когда-нибудь, что волк пощадил повстречавшуюся ему косялю? Он опоздал, и его следует сбросить с высокого обрыва в глубокую пропасть. Этот слабак иного не заслуживает!

1 СУДЬЯ. Я не согласен с тобой!

2 СУДЬЯ. Я тоже не согласен.

НАЖА. Я прошу слова! Мы сегодня стали свидетелями необычного поступка, ни мы, ни наши предки до седьмого колена не видели ничего подобного. Смысл произошедшего глубже самой глубокой пропасти, а достоинство этого поступка выше самой высокой горы.

2 СУДЬЯ. Это правдивые слова, Нажа.

1 СУДЬЯ. Верно, слова, с которыми согласно мое сердце.

2 СУДЬЯ. Все, что ты сказал сегодня, справедливо!

3 СУДЬЯ. Я согласен с каждым твоим словом. Выноси Решение, Нажа.

НАЖА. Пока среди нас есть такие благородные и мужественные юноши, как Говда, сын Дабы, нам не страшен никакой враг. Поэтому Совет должен отменить этот древний жестокий обычай.

1 СУДЬЯ. Верно.

2 СУДЬЯ. Без сомнения, это правильное решение.

3 СУДЬЯ. Сегодня сама правда выбрала тебя своим глашатаем.

КАЙСАР. Стойте, не торопитесь! Если не принести пропасти жертву, она отомстит нам.

1 СУДЬЯ. Пропасть – это тьма, а скала – это камень. Мы их не боимся.

КАЙСАР. Но как же наш древний обычай?!

2 СУДЬЯ. Если ты не согласен с Советом старейшин, то можешь выйти из него!

КАЙСАР. Как я могу не согласиться с вами?!

2 СУДЬЯ. Нажа, пора огласить решение, люди ждут.

(Нажа идет к людям. Раздается бой в барабаны)

НАЖА. Эй, люди, эй, люди! Совет старейшин вынес решение. Пока среди нас есть такие благородные и мужественные юноши, как Говда, сын Дабы, нам не страшен даже самый жестокий и коварный враг. Поэтому с этого дня мы отменяем обычай, согласно которому опоздавшего на призыв сбрасывают с высокой скалы в черную пропасть.

(Радостные возгласы).

– Воистину, мудро и справедливо!

– Да будет благословлен Совет старейшин!

НАЖА. Теперь все расходитесь! Пусть все узнают о решении Совета старейшин. Пусть каждое утро будет таким же добрым для нас.

5-я картина

ГОЙСУМ. Наш народ видел многое на своем веку. Эту историю я услышал, будучи очень маленьким. Я пытался осмыслить ее, как умел. Сначала мое сердце не верило в это. Как такое возможно?! Ведь все люди мечтают о победе любой ценой, но эта легенда была об особенном человеке... Такие, как он, рождаются один раз через два поколения. Хвала Всевышнему! Жертвовать жизнью ради счастья любимой, подчинив свое сердце разуму, может не каждый.

МААШ. В наше время такое и представить трудно.

БАХА. Как бы то ни было, это хороший пример для наших детей.

(входит сын Гойсума)

СЫН. Отец, можно обратиться к тебе?

ГОЙСУМ. Говори.

СЫН. Сельчане хотят начать свадебное торжество, они спрашивают вашего разрешения.

ГОЙСУМ. Баха, Мааш, что скажете?

БАХА. Надо разрешить.

МААШ. Конечно, на то это и свадьба! Пусть начинают, пусть будет шум и веселье!

ГОЙСУМ. Иди и передай слова наших гостей.

6-я картина.

Свадьба. Танцы, слышен выстрел.

1 МУЖЧИНА. Уже везут невесту!

2 МУЖЧИНА. Музыканты не жалейте инструменты!

(девушки поют)

(вводят невесту)

1 ЖЕНЩИНА. Какая красивая, как бы не сглазить.

1 МУЖЧИНА. Прочь, нечистая сила!

(стреляет в воздух)

2 ЖЕНЩИНА. Пусть вместе с тобой в этот дом придет счастье!

(стелет перед ней ковер)

3 ЖЕНЩИНА. Да будет слаще меда твоя речь!

(дает ей ложку меда)

1 ЖЕНЩИНА. Пусть ты принесешь благополучие в этот дом и одаришь его хорошим потомством.

(передает в руки невесте маленького мальчика)

2 ЖЕНЩИНА. Хватит ее держать, пусть невеста займет свое место.

(проводит невесту за занавес, начинает петь танцевальную песню, танцуют, неожиданно песню прерывает крик)

ДАУД. Помогите! Помогите!

СЫН. Что за крики? Что случилось?

ДАУД. Убили! Убили!

СЫН. Кого убили?

ДАУД. Твоего брата!

СЫН. Кого?!

ДАУД. Твоего старшего брата – Тойсума!

СЫН. О чем ты? Его невеста только что вошла в наш дом, а сам он вон в том доме, что на опушке.

ДАУД. Мы ехали на свадьбу через эту опушку. Там под большой грушей двое дрались на кинжалах.

СЫН. Кто эти двое?

АБДИ. Элси и Тойсум.

МАСА. «Не вмешивайтесь», – сказал Элси. То же сказал Тойсум.

ДАУД. Мы не стали им мешать и наблюдали со стороны. Элси уловчился и нанес Тойсуму смертельный удар. Мои товарищи связали его и привели сюда.

СЫН. Где он? Где? *(рвется вперед, его останавливают мужчины)*

ГОЙСУМ. *(появляется в центре)* Кого связали? Кого привели?

ДАУД. Убийцу твоего сына, да простит Всевышний его грехи. Они дрались в лесу на опушке, я и два моих товарища видели, как он убил Тойсума.

ГОЙСУМ. Где эти двое?

МАСА. Здесь, Гойсум. Да пошлет Всевышний тебе терпения!

АБДИ. И я здесь. Да смилостивится Всевышний над Тойсумом!

ГОЙСУМ. Вы подтверждаете сказанное вашим товарищем?

МАСА. Это правда, Гойсум. Мы привели убийцу сюда.

ГОЙСУМ. Приведите его сюда.

(приводят Элси)

АБДИ. Вот он.

МАСА. Этим кинжалом он убил Тойсума.

СЫН. Отец, позволь мне отомстить за брата?

ГОЙСУМ. Не спеши, у меня есть к нему вопрос. Элси, скажи мне, что плохого сделал тебе Тойсум? За что ты его убил? У тебя должна быть очень веская причина, чтобы лишить жизни невинного человека?

(кровник долго молчит)

ЭЛСИ. Какой бы ни была причина, это уже не имеет значения. Так получилось... а теперь вы можете забрать мою жизнь.

ГОЙСУМ. Говори, нам некуда спешить.

(молчание)

МААШ. Чего ты ждешь? Говори!

ЭЛСИ. С девушкой, на которой сегодня женился Тойсум, мы общались семь лет. Она обещала выйти замуж за меня. Но неделю назад ты послал сватов к ее отцу и отец девушки дал свое согласие, потому что ты уважаемый человек. Исполняя волю отца, девушка дала согласие, отказавшись от того, кого избрало ее сердце. Не в силах вынести этого я начал искать Тойсума...

БАХА. Если ты не смог вынести этого, то ты и жизни не достоин!

МААШ. Гойсум, да пошлет тебе Всевышний терпения, большое горе пришло в твой дом: свадьба сына обернулась его похоронами.

БАХА. Хорошо, что злоумышленник пойман.

МААШ. Теперь, Гойсум, пусть свершится возмездие. Каким бы ни было твое решение, мы поддержим тебя.

(протягивает кинжал Гойсуму)

ГОЙСУМ *(берет кинжал)*. Баха, Мааш, люди! В юности я слышал от старших, что в этой жизни самое страшное – это хоронить свое дитя. Сегодня я убедился в том, что это правда. Как же они были правы! Но самое страшное, когда твой сын погибает от чьих-то рук. Бог сотворил этот мир, чтобы испытать нас. Сегодня Всевышний испытывает меня! Хвала Ему, я смиренно принимаю это испытание.

Баха, Мааш, я знаю, что вправе отомстить за сына. Мое сердце требует возмездия! Однако мне нужно время, чтобы понять, как мне поступить. Я

должен все обдумать... Я обращусь с молитвой ко Всевышнему, и Он укажет мне истинный путь. А пока... отпустите Элси, сына Гарса. Он не спрячется под землей и не вознесется на небеса. Мы найдем его, когда он будет нужен. Невесту же пусть отвезут в дом отца, теперь она вольна в своем выборе.

Свадьба закончилась. Готовьтесь к похоронам. Так устроен мир, свадьба сменяется похоронами.

(Молодежь уносит свадебные принадлежности. Ставят с двух сторон скамейки, садятся люди, идут люди, выражают соболезнования).

7-я картина

Гойсум в доме молится.

ГОЙСУМ. Аллах Великий! Хвала Тебе! Я смиренно принимаю испытание, посланное мне Тобой! Как бесценно все, что сотворено Тобой: от травинки до звезды. Даже жизнь муравья бесценна для верующего. Всесильный Создатель, Всевидящий, Всеслышащий, нет Тебе подобного, не постижима тайна Твоя. Как страшно прервать жизнь создания Твоего, особенно человека. Слово Твое: убийство одного человека равно убийству всех, кто жили, живут и будут жить в этом мире. О Аллах! Слово Твое: тому, кто простит ради Тебя кровника, О Всевышний, тому будут прощены его грехи... А что, если Элси снова станет на путь зла?... Не лучше ли его остановить сейчас?! Аллах Великий, подскажи мне правильный путь!

8-я картина

Люди идут в дом Гойсума, во главе процессии идет кузнец Байбетар, увидев Гойсума, снимают папахи, встают на колени.

ГОЙСУМ. Люди, я прошу вас, встаньте!
(встает только Байбетар)

БАЙБЕТАР. Я поднялся, исполняя твою просьбу, позволь мне говорить.

ГОЙСУМ. Говори!

БАЙБЕТАР. Эти люди упали на колени перед тобой, потому что жизнь сотворенного Всевышним человека бесценна. Среди них не только наши односельчане, но и жители соседних и дальних селений, которые желают мирного исхода этого несчастья. Они все просят тебя простить ослепшего от обиды Элси, сына Гарса. Несчастный, он сожалеет о содеянном, хотя он еще жив, он больше похож на мертвеца. Поэтому мы принесли его в саване на похоронных носилках.

ГОЙСУМ. Мы поговорим, но прежде, Байбетар, пусть эти люди поднимутся. Мне стыдно видеть людей, стоящих на коленях передо мной.

БАЙБЕТАР. Они не встанут, Гойсум, пока ты не ответишь на их просьбу.

ГОЙСУМ. Я отвечу, когда они встанут.

БАЙБЕТАР. Пусть Всевышний благословит тебя, Гойсум. Люди, встаньте!
(встают)

ГОЙСУМ. Байбетар, не стоило приводить столько людей с собой, достаточно было, если бы ты пришел с двумя своими товарищами. Но ты чтить обычаи предков, пусть Аллах воздаст тебе за это. Хорошо, когда односельчане в горе и радости поддерживают друг друга. Смерть сына – это испытание, посланное мне Всевышним. Только Его я просил подсказать мне правильный путь. И Он ответил на мои молитвы. Во имя Аллаха, который нас сотворил и к которому мы вернемся, я прощаю Элси, сына Гарса.

Он может остаться жить в родном селе и работать в своей кузне. Но я запрещаю ему ковать оружие, отныне он сможет ковать только орудия труда. Мое прощение не освобождает его от участи, уготованной Всевышним, как и всех нас! Снимите с него саван!

Элси, тебе предстоит много работать до тех пор, пока тебя снова не завернут в него.

(слышен плач)

ГОЛОСА.

– Пусть благословит тебя Всевышний!

– Он святой, иначе бы он так не поступил!

– Его отец Къосам тоже обладал даром святого.

– Я слышал, что его дед Усама мог добрым словом излечить душевно больного.

– Корни человека всегда дают знать о себе.

БАЙБЕТАР. Гойсум! Да будет тобой доволен Всевышний и его Пророк (Да приветствует Его Аллах). Пусть в Судный день тебе все простится, как ты простил сегодня своего кровника.

(Поют назм, кровника освобождают от савана, один из сыновей сбривает бороду Элси.)

9-я картина

Амата идет к роднику.

АМАТА. Родник, мой родник...ничего не изменилось, ты, как и прежде, несешь свою прозрачную, целебную воду, как и прежде, первые лучи солнца пьют ее. Мама в детстве говорила мне: если увидишь дурной сон, его надо рассказать роднику, чтобы вода унесла все плохое далеко-далеко...

Мама, мама, если б ты была жива, я рассказала бы тебе о сокровенном, о том, что я дала слово Элси и сделала свой выбор... Мама, если бы ты была жива, ты рассказала бы это все отцу. Тогда отец не выдал бы меня за другого... и не было бы этого несчастья...

Это я во всем виновата... я не осмелилась рассказать все, как есть...это я во всем виновата...

Родник, мой чистый родник, теперь вся моя жизнь страшнее самого страшного сна. Унеси этот сон прочь, унеси этот тяжкий груз с моего сердца!

(поет)

Поднимаясь на высокую гору,
Спускаясь на ровную долину,
Укрываясь от глаз людских,
Буду плакать по тебе, любимый.

10-я картина

Гойсум. Слышно, как Элси работает в кузне.

ГОЙСУМ *(говорит с собой)*. Снова эти звуки... Даже ночью, когда кузница пуста, даже когда меня одолевает сон, молот бьет по моему сердцу, как по наковальне. Трудно с этим жить...Словно дрозд стучит в моей голове. Сердце, неужели ты хочешь, чтобы я нарушил свой обет?! Ты стало упрямым, как необъезженный конь. Если ты не смиришься, я сумею тебя усмирить, накинув на тебя уздечку. Мой отец говорил, что мужчиной может считаться лишь тот, кто имеет терпение там, где терпения уже не осталось. Сделать добро нетрудно, трудно прожить жизнь, не разрушая его. Аллах Великий, дай мне сил и терпения предстать перед Тобой, не нарушив свой обет!

(Умирает. Музыка)

ЭЛСИ. Гойсум! Гойсум, лучше б ты лишил меня жизни, чем обречь на такую участь! Лучше бы ты отомстил за сына!
(падает снег)

II часть

Действующие лица:

УЛБИ
МАТЬ УЛБИ
ПОЛКОВНИК
ЭЛСИ
1 СОЛДАТ
2 СОЛДАТ
ЧЕЧЕНЕЦ
КУМЫК
АВАРЕЦ
СТАРУХА
1 КАЗАК
2 КАЗАК
1 ГОРОЖАНИН
2 ГОРОЖАНИН
ЛЮДИ НА РЫНКЕ

1-я картина

Дом Улби и его матери Аматы.

АМАТА (*крутит прялку*)

Поднимаясь на высокую гору,
Спускаясь на ровную долину,
Укрываясь от глаз людских,
Буду плакать по тебе, любимый.

УЛБИ. Нана, ты пела эту грустную песню, когда я был маленьким.

АМАТА. Для меня ты и сейчас маленький. Приляг, сынок, отдохни.

УЛБИ. Нана, ты б хоть раз веселую песню спела!

АМАТА. Спою и веселую песню.

УЛБИ. И когда это случится?

АМАТА. Когда ты приведешь в наш дом сноху!

УЛБИ. Хорошо, нана, я сейчас же отправлюсь искать сноху для тебя.

АМАТА. А что ее так долго искать? В нашем селе немало девушек, нужно просто оглянуться вокруг.

УЛБИ. Это верно, нана. Но сегодня мне надо отлучиться ненадолго, а потом я все сделаю, как ты хочешь.

АМАТА. Сынок, ты не должен этим заниматься...

УЛБИ. Нана, разве ты забыла, как ты ласкала меня в детстве, приговаривая: «Ты будешь таким же мужественным, как абрек Вара, таким же удачливым, как абрек Вара». А помнишь, когда была засуха и не было урожая, а потом наступил голод? Тогда ты говорила, что абрек Вара ушел в набег, что он нам поможет. И он помог нам. Я пошел по его пути, нана.

АМАТА. Я все помню, сынок... Сейчас люди и о тебе так же говорят: «Никто не сравнится с Улби!» Это радует мое сердце. Но я не хочу, чтобы ты продолжал заниматься этим.

УЛБИ. Почему, нана?

АМАТА. Твой отец Устарха умер от внезапной головной боли, когда тебе еще не было и года. Ты мой единственный ребенок, я вырастила тебя в доме твоего отца, боясь разбить твое сердце, создав другую семью. Я не хочу, чтобы ты остался без наследника... Разве ты не знаешь, какой был конец у абрека Вары?

УЛБИ. Знаю. Его предали те, кому он доверял.

АМАТА. Я не хочу, чтобы тебя постигла та же участь. Найди себе другое занятие.

УЛБИ. Какое занятие, нана?

АМАТА. Мало ли... можно работать в кузнице нашего аула. Она вот уже десять лет, как закрыта.

УЛБИ. Кто закрыл ее?

АМАТА. Элси, сын Гарса. Он работал в ней, пока не умер Гойсум... потом ушел...

УЛБИ. Почему он ушел после смерти Гойсума?

АМАТА. Это долгая история, сынок, я тебе не раз о ее рассказывала...

УЛБИ. Это тот, кто убил в день свадьбы жениха девушки, которую он любил? Но как можно было из-за этого убить человека?

АМАТА. Убил... Потом много людей пришло в дом Гойсума с просьбой простить Элси. Они стояли на коленях перед ним. И Гойсум простил убийцу сына, обязав его работать в той кузне.

УЛБИ. А что стало с той девушкой?

АМАТА. Она не вышла за Элси. Спустя несколько лет она вышла замуж за мужчину с соседнего села. Но она так и не смогла забыть того, кого любила и пела одну и ту же песню:

Поднимаясь на высокую гору,
Спускаясь на ровную долину,
Укрываясь от глаз людских,
Буду плакать по тебе, любимый.

(Заплакала)

УЛБИ. Так что ж она не вышла за любимого?

АМАТА. Сын мой, любовь девушки, словно посуда из тонкого стекла: заденешь ненароком – разобьется. В сердце той девушки она разбилась. А ее любимый с тех пор не проронил ни слова, приняв обет молчания. Он работал в своей кузнице, пока не умер Гойсум. А потом ушел. Десять лет прошло с тех пор, как погас очаг в кузне. Зажги его, сынок, ведь в нашем ауле очень нужен кузнец.

УЛБИ. Хорошо, нана. Я сделаю все, как ты хочешь. Только не сегодня. Не так это и просто в один день разорвать узы с верными товарищами и встать на другой путь. Но я обещаю тебе, нана, что скоро я исполню твою волю.

АМАТА. Только бы ты не опаздал, сынок...

УЛБИ. С помощью Всевышнего не опаздаю. А сейчас мне надо успеть в условленное место.

АМАТА. Пусть Аллах оберегает тебя!

УЛБИ. Не волнуйся, нана, я ненадолго.

2-я картина

Площадь в Кизляре, толпа людей, ставят виселицу.

ЧЕЧЕНЕЦ. Дрова! Кому дрова?

1 КАЗАК. Эй, чеченец, по чем дрова?

ЧЕЧЕНЕЦ. 10 рублей за телегу дров.

1 КАЗАК. Дороговато... почему не продашь свои дрова полковнику?!

ЧЕЧЕНЕЦ. А зачем полковнику мои дрова?

2 КАЗАК. Чтобы сооружать виселицы для ваших абреков (*смеется*).

ЧЕЧЕНЕЦ. Смейся, сколько хочешь, но без моих дров ты замерзнешь.

1 КАЗАК. Мы и без твоих дров найдем, чем согреться... Эй, кумык, корова твоя молодая?

КУМЫК. На пять лет моложе меня...

1 КАЗАК. А молока дает?

КУМЫК. Дает, если доить до осени, можно ведро молока надоить.

1 КАЗАК. А для чего ты такую корову на базар приволок?

КУМЫК. Да потому что плохая!

(*люди смеются*)

2 КАЗАК. Паша, оставь этих горцев, ты над ними подшучиваешь, а они над тобой смеются.

1 КАЗАК. Да, с этими шутки плохи, гляди, вот иаварец со своей солью приехал. Эй, аварец, что кроме соли есть у тебя еще? Если всю соль у тебя купить, то весь Кизляр можно засолить. (*смеется*)

АВАРЕЦ. Чем тебе моя соль не нравится, рябой? Без моей соли молоко ваших коров как вода из лужи.

СТАРУХА. Эй, казак, не покупаешь соль, купи у меня носки шерстяные. Из шерсти черной овцы, целебные носки. Будешь носить – никогда не заболеешь.

2 КАЗАК. Я ж сказал, что для здоровья у нас есть лекарство.

СТАРУХА. Да чтоб вы захлебнулись этим вашим лекарством!

1 СОЛДАТ. Расступитесь, люди! Расступитесь!

1 ГОРОЖАНИН. Скажи, солдат, что случилось?

2 СОЛДАТ. Ничего такого, абрека-чеченца изловили.

2 ГОРОЖАНИН. Что его ждет?

1 СОЛДАТ. То, чего он заслуживает, то и ждет!

1 ГОРОЖАНИН. А чего он заслуживает?

2 СОЛДАТ. Повесят волка.

2 ГОРОЖАНИН. Ведут, ведут!

1 СОЛДАТ. Расступитесь! Расступитесь, люди!

2 СОЛДАТ. Расступитесь, сказано вам!

КУМЫК. Как же его поймали?

2 КАЗАК. Солдаты убили его коня, а он отстреливался, пока не кончились патроны, так и поймали.

СТАРУХА. Бедный, он ведь чей-то сын.

(*Ведут Улби, на голове мешок. Полковник идет впереди*)

ПОЛКОВНИК. Снимите мешок с его головы. (*мешок убирают*)

УЛБИ. Хвала Всевышнему, я еще раз увидел солнце!

ПОЛКОВНИК. Что ты бормочешь там себе под нос? Можешь говорить громче, другой возможности сказать что-либо у тебя уже не будет.

УЛБИ. Я благодарил Всевышнего за то, что еще раз увидел солнечный свет.

ПОЛКОВНИК. А ты знаешь, что видишь его в последний раз?

УЛБИ. Знаю, полковник.

ПОЛКОВНИК. Ты и твои товарищи думали, что вы безнаказанно будете угонять скот, грабить царскую казну! Но у русских есть такая поговорка: сколько веревочке не виться, а конец будет. Нечего голову задирать! Тебе должно быть стыдно передо мной и перед этими людьми.

УЛБИ. Нас всех ждет конец, полковник. Я не совершил ничего, чего должен стыдиться. А скот и казну мы раздавали беднякам, тем самым, кого вы и ваша власть оставили без земли, которая их кормила. Себе мы не оставляли ничего.

ПОЛКОВНИК. Не будет бедным тот, кто будет работать. Надо трудиться, а не ждать, пока с тобой поделятся другие.

УЛБИ. На камнях, которые вы нам оставили, урожай не соберешь, сколько ни трудись.

ПОЛКОВНИК. Молчать! Разговаривать ты вижу горазд. Если тебе есть что сказать, говори последнее слово.

УЛБИ. Последнего слова у меня нет, но есть последняя просьба.

ПОЛКОВНИК. Что за просьба?! Говори!

УЛБИ. Я прошу тебя, полковник,пусти меня на один день домой. Завтра в это же время я вернусь, и ты приведешь приговор в исполнение.

ПОЛКОВНИК. Ты что?! Ты меня дураком считаешь или сумасшедшим?

УЛБИ. Напротив, ты прослыл на Кавказе человеком справедливым и мужественным.

ПОЛКОВНИК. Каким бы я ни был, я не настолько безумен, чтобы волка в лес отпускать.

УЛБИ. А мой односельчанин Тима однажды доверился волку.

ПОЛКОВНИК. О чем ты, как можно верить волку?

УЛБИ. Так и поверил. Тима пас овец, когда к нему подошел волк и попросил одного барана, сказав, что у него нет сил охотиться на зверей. Тима ответил, что у этой отары есть хозяин и без его разрешения он не может дать барана. «Тогда ступай и спроси хозяина, а я посторожу овец», – сказал волк. «О чем ты говоришь, как я доверю овец волку?» – удивился Тима. И тогда волк сказал: «Пусть я буду хозяином, который, усадив гостя у дверей, сам сел на почетное место, если я притронусь хоть к одному барану из этой отары».

Посчитав его слова убедительными, Тима отправился к хозяину овец. Так мол и так, говорит, волк просит одного барана.

– С кем ты оставил овец? – возмутился хозяин.

– С волком, – ответил Тима.

– Ты с ума сошел?! Как можно доверять волку отару? – крикнул хозяин.

– Так он поклялся мне: пусть я буду хозяином, что, усадив гостя у дверей, сам сел на почетное место, если не сохранию овец.

– Да, так и сказал? Похоже, он говорил обо мне. *(потом гостю)*

– Проходи, гость, в дом, займи почетное место. *(сам пересел ближе к двери)*.

И сказал Тиме: «Тима, это особенный волк, ему можно и барана дать». Когда Тима вернулся, овцы паслись в целости и сохранности.

ПОЛКОВНИК. Красивая сказка!

УЛБИ. Полковник, иногда можно и волку доверять.

1 СОЛДАТ. Рассказывает басни, чтобы избежать наказания.

ПОЛКОВНИК. Разговорчики! Здесь говорю только я! Хорошо, абрек, я выполню твою просьбу, если кто-то из этих людей за тебя поручится. Но если ты не вернешься в назначенное время, твой поручитель будет повешен вместо тебя. Есть среди вас желающий поручиться за этого абрека? Если есть – выходи!

(Все молчат)

УЛБИ. Неужели на этой огромной площади нет ни одного, кто может поверить моему слову? *(тишина)*. Неужели нет никого?

(Из толпы появляется Элси)

ПОЛКОВНИК. Кто ты? Готов ли ты поручиться за него?

(Элси кивает головой)

ПОЛКОВНИК. Почему ты не отвечаешь на мой вопрос? Ты что немой? Кто-нибудь знает этого человека?

ЧЕЧЕНЕЦ. Я знаю его, это кузнец из Чечни, Элси его зовут....

УЛБИ. Элси, сын Гарса? Ты?!

ЧЕЧЕНЕЦ. Он дал обет молчания.

ПОЛКОВНИК. Ты можешь не говорить, главное, чтобы ты меня понимал, если этот абрек не вернется к... *(смотрит на часы)* который сейчас час? Половина двенадцатого. Так вот, если завтра к половине двенадцатого абрек Улби не вернется, тебя повесят вместо него, ты это понял?

(Элси кивает)

УЛБИ. Да благословит тебя Всевышний, достойный человек, я не нарушу свое слово! Обещаю тебе!

ЧЕЧЕНЕЦ. Улби, дай тебе Аллах сдержать свое слово!

ПОЛКОВНИК. Хватит разговаривать! Мы договорились. Солдаты, отпустите Улби, вместо него посадите в тюрьму этого несчастного. Посмотрим, чего стоит слово абрека.

(Солдаты отпускают Улби, задерживают Элси)

3-я картина

Элси в темнице.

ЭЛСИ. Аллах, сделай так, чтобы Улби не успел вернуться, удержи его! Пусть его конь замедлит бег, пусть на его пути возникнет преграда! Что это за шум? Неужели это стук копыт коня Улби? Но ведь еще не рассвело... Нет, так скоро он не вернется. Что это за стук? Это стук из моей кузницы... Десять лет я не слышал этих звуков... Этот молот снова бьет по моему сердцу... Гойсум, ты сохранил мне жизнь, но эта жизнь стала для меня мукой... Все отвернулись от меня. Даже Амата... Безумец, как я мог подумать, что она станет женой убийцы?! Я сделал нас несчастными... скольких я сделал несчастными...

Какая долгая ночь, такой же долгой была ночь перед утром, когда меня, обернув в саван, понесли в дом Гойсума. Ничего, скоро закончится ночь, скоро закончится моя жалкая жизнь. Амата, я не позволю снова разбиться твоему сердцу, завтра ты не потеряешь своего единственного сына, я окажусь на виселице вместо него. Аллах, возьми мою жизнь во искупление моих грехов. Наконец-то я избавлюсь от этих мучений.

4-я картина

ПОЛКОВНИК. *(Смотрит на часы)* Время идет. Приведите поручителя. Через десять минут наступит назначенное время: половина двенадцатого. Если к этому времени абрек не появится, я останусь в дураках, а поручившийся за него несчастный чеченец будет болтаться на виселице.

(Солдаты ведут Элси)

ПОЛКОВНИК. Ну что, Элси, абрек, по-видимому, не успевает ко времени. Жалешь о своем поступке?

(Элси качает головой)

ПОЛКОВНИК. У чеченцев есть одна интересная пословица, которая мне очень нравится: волк, которого подстерегает смерть, воет, взобравшись на вершину холма. Похоже, это о тебе. Скажи мне, Элси, что именно тебя заставило поручиться за этого абрека, ведь на площади было немало людей?

(Элси молчит)

ЧЕЧЕНЕЦ. Полковник, неспроста он задержался, может, что в пути приключилось с ним? Улби не из тех, кто нарушает слово.

ПОЛКОВНИК. Да уж, глупый чеченец, кажется, этот волк и тебя и меня обманул. Какой волк вернется, если его отпустить в лес?

ЭЛСИ. Полковник, приводите приговор в исполнение.

ПОЛКОВНИК. Надо же! Заговорил! Куда ты торопишься, глупец! Все! Время вышло, повесить его!

(Элси поднимает руки и молится, солдаты надевают ему на шею веревку и вешают Элси. Из толпы слышен крик)

1 ГОРОЖАНИН. Скачет! Скачет!

2 ГОРОЖАНИН. Успел, абрек Улби успел!

ПОЛКОВНИК. Освободите несчастного, пока он не испустил дух!

(Элси освобождает Улби прыгивает на ходу с коня).

УЛБИ. Прости меня, Элси, мой конь сильно устал, и я задержался, путь был очень долгим.

УЛБИ. Полковник, я готов принять наказание.

ПОЛКОВНИК. Не спеши, абрек, в объятья смерти. Один вопрос не дает

мне покоя. Если не получу на него ответ, всю оставшуюся жизнь буду думать об этом.

УЛБИ. Что это за вопрос?

ПОЛКОВНИК. Скажи мне, что за важное дело заставило тебя отправиться в родное село, оставив в заложниках этого несчастного, которого я чуть не повесил.

УЛБИ. Тебе что за нужда знать об этом?

ПОЛКОВНИК. Я исполнил твою просьбу, теперь и ты исполни мою, ответь на мой вопрос.

УЛБИ. Хорошо. Несколько дней назад моя мать запретила мне заниматься грабежами, сказала, что не простит меня, если я не откажусь от абречества. Нет ничего страшнее, чем умирать без материнского прощения. Я должен был ее увидеть, чтобы вымолить у нее прощение.

ПОЛКОВНИК. Она простила тебя?

УЛБИ. Простила, услышав, что я навсегда отказался от прежней жизни.

ПОЛКОВНИК. Ты сказал ей, что ждет тебя сегодня?

УЛБИ. Нет, я не стал разбивать ей сердце, рассказав это. Пусть об этом ей поведают люди. Теперь я готов к смерти.

ПОЛКОВНИК. Вот и хорошо, что ты готов. Теперь слушай, что скажу я. Слушайте меня, люди! Все вы сегодня стали свидетелями того, как мы повесили одного человека за одно преступление. Но я не могу повесить двоих за одно и то же преступление. Я освобождаю абрека Улби, потому что верю, что он никогда не нарушит слова, данного матери. Ты свободен Улби, начни новую жизнь!

КУМЫК. Верно говорят: полковник – человек чести!

СТАРУХА. Улби, поспеши к своей матери, как же она будет счастлива, увидев тебя!

2 ЖЕНЩИНА. Твоя щедрость и доброта спасли тебя от смерти.

КУМЫК. Смотри Улби, здесь больше не показывайся, кто знает, может полковник завтра передумает.

ЧЕЧЕНЕЦ. Пусть тысячи бед обойдут тебя стороной, Улби.

ЛЮДИ. Счастливого пути тебе!

– Да поможет тебе Всевышний!

УЛБИ. Спасибо, друзья! Да благословит вас Бог.

5-я картина

Элси и Улби в родном селе идут в кузню, зажигают огонь. Начинают работать. Слышны звуки молота. Музыка. Занавес.

Перевод с чеченского Зареты ОСМАЕВОЙ

Алвади Шайхиев**Когда ко мне приходит грусть...**

Затмением солнечным
 Сердце кольнуло.
 Я понял:
 С тобою случилась беда.
 И в дальнюю сторону
 Вдруг потянуло,
 Где в небе твоя
 Угасала звезда.
 Примчался.
 И снова я в недоумении:
 Спешил
 Без единой задержки в пути...
 Кто же успел
 Обогнать на мгновенье
 И эту беду
 От тебя отвести?

Твое сердце – что горный родник,
 Лишь тревога к тебе подкрадется –
 То слезинки бегут, и они
 Так грустны в ожидании солнца.

А когда это солнце придет
 И лучами веселыми брызнет,
 Родником твое сердце поет,
 Окрыленное радостью жизни.

Привычки осени

Скажи мне,
 Привычек осени
 Ты раньше не знала разве?
 С дождями и желтой листвою
 Приходит она на порог...
 Проснешься от листопада –
 И вдруг почувствуешь сразу:
 На наши сердца и дороги
 Незыблемо иней лег.

Скажи мне,
 Птицы надолго ли
 Свои покидают гнезда?

Весна не проснется разве,
 Природа не оживет?
 Неужто не вспыхнут больше
 На травах росинки-звезды?
 Неужто застынет иней
 И превратится в лед?

Скажи мне,
 Привычек осени
 Ты знаешь хотя бы немного?
 Неужто она поступит
 Нашим сердцам вопреки
 И нас выбирать заставит
 Совсем иную дорогу –
 И нам придется по жизни
 Случайные делать шаги!

Туман

Под вечер сгустился туман
 И поплыл над землею,
 И в нем заблудились автобусы,
 Люди, мосты.
 Весь город окутан
 Тяжелой густой пеленою...
 На Сунже я жил до сих пор.
 Ну а где была ты?

Все спутал туман...
 Я искал тебя долго и тщетно.
 В условленном «Космосе»

Так и не встретились мы.
Искал я тебя –
И прозренье пришло незаметно,
Когда я плутал
В переулках сгустившейся тьмы.

Туман не окутывал город...
Черта горизонта
Была мне видна
И во мгле догоревшего дня.
Туман этот
В сердце твоём разыгрался –
Вот он-то
И сбил так внезапно с пути
И тебя, и меня.

Когда ко мне приходит грусть
И на душе сомнений груз,
Я слабости своей не обнаружу.
Чтоб увидеть никто не смог
Моих сомнений и тревог,
Иду я в горы – успокоить душу.

А если счастье подошло
И песней на сердце легло,
И я увидел солнце сквозь ненастье,
Спешу я к матери своей,
Чтоб с нею разделить скорей
Мне одному доставшееся счастье.

Я закалил характер свой
В горах, где каждый склон – крутой,
Где вьет гнездо орел над облаками.
Но не забыть мне одного:
Ведь замок счастья моего
Построен материнскими руками.

Волны

О, как похожи волны на людей –
Они бурлят, вскипают неспроста ведь.
Я знаю, что характеры морей
По ним всегда легко себе представить.

Мне по душе их неумный нрав,
Сплоченность их
в безудержном напоре.
Как хорошо, волной высокой став,
Почувствовать себя частицей моря!

Но это так непросто –
Ведь волна
Живет до той поры, пока вскипает.
Живет, пока движением полна,
Остановившись, сразу погибает.

Ну что ж,
Пусть у волны короткий век,
Я был бы счастлив участью такою:
Знать, чем сильнее и круче мой разбег,
Тем дальше пропасть мертвого покоя.

На побережье

Взмахнет крылами ветер над водой –
И около косы береговой
Вздывает море
Волн седые гривы.
И, с миром слившись, ощущаю я,
Как бьются волны, гнева не тая,
И слушаю их яростные взрывы.

И вдруг вдали родились две волны –
Стремительны, безудержно вольны,
Они резвятся в молодом задоре:
То сблизятся, то разбегутся враз;
И кажется, до самых брызг сейчас
Насыщено любовной негой море.

Понять бы, как рождается их взлет!
Ведь и моя душа среди невзгод
Изведала любовные порывы.
... Но вновь ярится ветер над водой –
И около косы береговой
Вздывает море
Волн седые гривы.

Случилось так:
Не написав строки,
Однажды упустил из жизни день я.
Теперь пишу и рву черновики,
Встречая за работой день рожденья.

Поднять бокал спокойно не могу...
О сердце, как жестоко наше бремя...
Друг перед другом мы сейчас в долгу.
Друг друга мы простим –
Простит ли время?

Кто не горел, тот попросту коптил.
 Что может быть на свете бесполезней!
 Тот день, что однажды упустил,
 Сегодняшней не наверстаю песней.

Друзья меня пусть строго не винят
 За то, что не зову их в этот день я;
 Перед собой я очень виноват –
 Мне всех не счесть ошибок и утрат...
 Я погрущу один в свой день рожденья.

Окончен день – и под глазами
 Морщины легли, как тени
 Тобой осиленных подъемов
 И неприступных с виду круч.
 И лишь неугомонный ветер
 Куда-то рвется в исступленье,
 Стараясь погасить скорее
 Закатный запоздалый луч.

Дорога горбится понуро,
 Скала в объятиях заката
 Уже уснула,
 В полумраке
 Теряется грядущий путь.
 Когда в такой унылый вечер
 Душа сомненьями объята,
 Петля ошибок совершенных
 Тебя готова захлестнуть.

Атланты

Это было, мне кажется, было:
 Пыхало зловещее пламя,
 Наземь рухнуло грузное небо,
 И земля утонула в пыли.

Вы твердите, что это неправда.
 Что ж, готов согласиться я с вами:
 Наши плечи – подпорки для неба,
 Наши ноги – твердыни земли.

Берега

Я берегам сочувствую всегда –
 Вода
 Их разделяет, как вражда.
 Поговорить друг с другом неужели
 Они еще ни разу не сумели?

А может, волны – вроде ультразвука –
 Им помогают понимать друг друга,
 И между берегами с давних пор
 Идет неслышный людям разговор?

Нет, если б так, они б уже давно
 Сошлись,
 Как у людей заведено,
 И время коротали бы в беседе,
 Не как друзья – хотя бы как соседи.

Спросили у слепого:
 – Ты привык
 К тому, что мир
 Укутан в темноту?

– Я б жизнь отдал,
 Чтоб зрячим стать на миг,
 Чтобы увидеть
 Мира красоту.

У зрячего спросили:
 – Ты привык
 К сиянию мира
 В солнечном цвету?

– Ослепнуть надо
 Хоть на краткий миг,
 Чтобы постигнуть
 Мира красоту.

На что я право получаю
 При расставании с тобой?
 Вздохнуть: «Прощай!» –
 Кивнуть: «Прощаю!» –
 Махнуть на прошлое рукой.

Что ж, мы не ангелы!..
 И, право,
 Тебе я вовсе не судья.
 Но за собой такое право
 Отныне оставляю я:

Чтоб знать неискренности цену,
 Чтобы впросак не попадать,
 Чтоб не забыть лицо измены,
 Тебя порою вспоминать.

Имею ли я разве право
Хулить свой век
И свой удел?
Грешно ведь обижаться, право,
Что зелен плод, пока не зрел.

Я – человек.
Не я ль повинен,
Что этот век такой шальной
И что над мрачной бездной ныне
Шар балансирует земной?

Я – человек.
Не я ль в ответе
За каждый новый день Земли?
Чтоб века нынешнего дети
Войти в грядущий век смогли?

Ступить и шагу невозможно,
Не повредив земных оков:
Как много мелюзги в испуге
Спешит отпрянуть из-под ног!
А я б хотел качаться плавно
В воздушной люльке облаков,
Коль с притяженьем круговерти
Однажды справиться бы мог.

Соломинка, с которой сладить
Упрямо тщится муравей,
Перо, оброненное птицей
В немилосердную пургу,
Свинцово давят мне на плечи
Незримой тяжестью своей –
И я клонюсь к земле все ближе
И распрявиться не могу.

Мне боль моя не кажется такою,
Чтоб от нее мне не было житья.
Гораздо больше, душу беспокоя,
Страшит меня доверчивость твоя.

Тревожит, как беспечно ты, родная,
Спешишь навстречу
завтрашнему дню,
Ранимости своей не сознавая,
Как бабочка, летящая к огню.

А тот ли я, кто всех тебе нужнее,
Кто от невзгод житейских оградит?
Ответить я на это не сумею –
И потому душа моя болит.

Мне в сердце вонзилась щемящая боль неспроста:
Растаял сегодня на улицах снег без следа.

Его чистоте я завидовал день ото дня –
Сегодня же он погибал на глазах у меня.

На помощь я звал, но остался мой зов без ответа...
Неужто всерьез никого не встревожило это?

И я растерялся среди равнодушных людей,
Как будто расстался с надеждою лучшей своей.

Я все понимаю – природы закон основной:
Один умирает, рождается к жизни другой.

Но к сердцу щемящая боль подошла незаметно:
Неужто исчезну когда-нибудь так же бесследно?

Ибрагим Юсупов**Мой путь**

Я твердо знаю, выбирая путь:
 Бессмертные души не только в хлебе.
 Синице журавлем когда-нибудь
 Стать суждено судьбой
 в высоком небе!

Пусть в одиночку одолеет он
 Вершины жизни в трепетном усилье,
 Мои напевы будущих времен
 Неся к рассвету на могучих крыльях!

Пурге сомнений злых наперекор
 И тяге вниз – к равнинному уюту,
 К священной высоте заветных гор
 Журавль тот мечту поднимет круто!

Мечта моя, в дороге помощи!
 По крутосклону я спешу недаром.
 Милее мне над пропастью шаги,
 Чем праздная ходьба по тротуарам!

О совесть-ноша, как ты тяжела!
 Бреду с тобой нехоженой тропею.
 Но остаются за скалой скала,
 Как вехи одоленья за спиною!

Долой об осторожности слова!
 Порыв души сильней,
 чем голый разум!
 Натянута стремленья тетива
 Опасностям навстречу до отказа!

Злоба врагов за трудный мой поход
 Пускай сегодня – главная награда.
 Я знаю, что когда-нибудь народ
 Поймет мои свершения как надо!

Я верю, что из каждого раба,
 С коленей не встававшего от века,
 Звездой путеводною судьба
 Освободит на волю человека!

За это подставляю нынче грудь
 В пути-бою под выстрелы-наветы.
 Не в брюках, не в усах мужчины суть,
 А в том, чтоб свет
 принес он белу свету!

Что пыль дорог, что горный камнепад!
 Сквозь бури, расстояния и годы
 Я знаю твердо: нет пути назад
 Идущему за правдой и свободой!

Лети, журавль! В грядущее лети!
 Неси надежду гордую Отчизне!
 Уже он близок – мой конец пути...
 Конец пути, но продолженье жизни!

Зима! Дай снега – меж родимых гор
 Я сотворю тех гор родных сестер!

О небо! Синевы хрустальной дай –
 Раздвину разом горизонта край!

О скалы! Подарите мне камней –
 Настрою башен родовых вдвойне!

Чинара! Подари своих семян –
 И зашумят леса, как океан!

То будет родина моя точь-в-точь!
 Чем наваждение это превозмочь?

Поэт! Убавь своих мечтаний прыть –
 Нет, родины второй не может быть!

Как горы в небо – так выросла в меня
 Моя неповторимая Чечня!

Когда в тумане тонет Сахалин
 И ночь спешит опять на смену дню,
 Ко мне приходит сон всегда один,
 А в нем я вижу маму и Чечню.

Без их благословенья я б не смог
До края света проторить свой путь.
Отцовский я завет всегда берег:
«Ты родину в пути не позабудь!»

Чечня моя! Нет памяти верней,
Чем песен сына твоего полет!
И даже сахалинский снеговой
Ручей любви к тебе не заметет!

Не чернилами –
 кровью пишу эти строки.
Только так я могу их доверить бумаге!
Пробудить бы земли
 животворные соки,
Чтобы в песни мои добавляли отваги!
Чтоб на пашне моей –
 заповедных страницах –
Видит Бог, я сейчас
 перед совестью честен –
Урожаю добра суждено колоситься
Полновесным зерном
 нескончаемых песен!

Чтобы в недрах земли эта буйная сила
Никогда под пером моим не иссякала,
Я готов перелить
 всю до капельки в жилах
Кровь свою в стихотворную
 силу орала!

Я клянусь в этом памятью
 рода глубинной,
Там, где пращурьы ждут
 окончания жатвы!
О суровые стражи, родные вершины,
Очевидцами будьте
 торжественной клятвы!

Знать не буду вовек тишины и покоя,
Сколь отмерит судьба
 до конца, до обрыва!
Пусть на благо Чечне
 и на счастье людское
Плодоносит моя светоносная нива!

Пусть подольше продлится
 страда вдохновенья,
Чтобы там, за последнюю
 самой чертою,
Знал: в наследство иным поколениям
Я оставить сумел не пустое – святое!

Разве я был рожден
 на любимой Отчизне,
Чтобы воду толочь
 бесконечную в ступе?
Буду верить и там,
 по ту сторону жизни:
Обязательно время поэтов наступит!

Буду ль я среди них?
 лишь Всевышний и Строгий
Знает это, заботясь о мире и благе...
Не чернилами –
 кровью пишу эти строки.
Только так я могу их доверить бумаге!

На листе на желтой кровь калины
Кажется недолго ярко-алой –
Ветер заповедную картину
Прячет за осенним перевалом.

Журавли своей прощальной песней
Разрезают серость небосвода.
Вот и нам бы так держаться вместе
Даже в час разлуки. Не выходит...

Хладнокровно, мерно, не для виду
Гасит дождик пламя листопада.
Знаем ведь: нелепую обиду
Прятать в глубине души не надо...

Падают кровавые дробинки –
Дань калины ветреной погоде.
Вроде, по одной идем тропинке,
Но все дальше осень нас разводит...

Вот уже и листья облетели
И который день не видно солнца.
Кто виновен в этом? Неужели
К нам былое лето не вернется?

Белая мысль

Твой взгляд в моем сердце
 из ласковых строк
 Заветную песню о счастье зажег.

Во сне улыбаешься – это тепло
 Той песни мечтою моей принесло!

Услышишь ли эти слова наяву?
 Надеждой в твоё пробужденье живу!

Завидую участи трепетных строк –
 Сгореть, лишь коснувшись
 пылающих щек!

Узнать, что тебя разбудила весна, –
 За это сгореть – разве это цена?

Судьба, ты пути мои благослови
 На жаркую жертву во имя любви!

Рамзану Дуриеву

Серая мысль утонула в тумане.
 Синяя – в море нырнула волной.
 Черная мысль
 черноземом пусть станет.
 Белая мысль да пребудет с тобой!

Пусть наградит она ласковым светом
 За доброту, за любовь, за труды,
 Животворящим стремительным летом
 Соком медовым наполнив плоды!

Верю, что горечь в них не заведется,
 Нет червоточины в наших сердцах!
 Белая мысль – незакатное солнце –
 Будет светить
 нам всю жизнь до конца!

Нана*

Яблоня святая – наша нана,
 Продолженье наны – семь детей.
 И на сердце нашей наны – рана,
 Коль одна болеет из ветвей.

Наша нана – добрая неделя,
 У которой семь счастливых дней.
 Жить они без наны не сумели б...
 Что мы – ветви – без ее корней?

Перевод с чеченского Юрия ЩЕРБАКОВА

*Нана – мать по-чеченски.

Шамсуддин Макалов**Одиссея беглеца****Повесть****Глава 1****Семья**

Лето 1950 года. Нанашу исполнилось четырнадцать лет. Эта граница между детством и юностью похожа на раннюю весну. В его глазах был еще неузнанный мир, детская наивность и, конечно, вера в жизнь. Он был похож на молодого орла, у которого только-только стали крепнуть крылья. Семья жила в поселке Иссык, недалеко от Алма-Аты. Жила в нужде, в небольшом старом домике в четыре окна, с просторной, светлой клетью, где дети любили спать в летние ночи. В клетке пахло мятой, шиповником и другими травами, которые пучками были развешены по стенам. Жили, еле сводя концы с концами. Нанаш до сих пор помнит синеватую, водянистую кашу, которую он, несмотря на постоянное чувство голода, насильно заставлял себя съедать. От хлеба, полученного на карточки, к обеду не оставалось ни крошки. Поэтому часто приходилось пить один чай, откусывая от сахара по маленькому кусочку, как учила мачеха. Но, надо сказать, не так-то часто бывал в их доме сахар. Спал Нанаш в старой избушке во дворе, похожей на лесную сторожку. Избушка была тесная, давно не беленная, с небольшим оконцем, недавно застекленным вместо бычьего пузыря. Большую часть избушки занимала русская печь. Она была для мальчика и кроватью и столом. Там же находились его учебники и тетради. Его гордостью были часы-ходики с двумя гирьками, подаренные дядей из Караганды. В комнатухе все было по-хозяйски прибрано, а на стене висели фотографии отца и матери. Молодой отец был в папаче, а мать, видимо, снималась в ту пору, когда только вышла замуж. Говорили, что раньше в этой комнатухе жила русская старушка, которую дочь после войны увезла в Россию.

Мать Нанаша умерла еще дома, до нашего выселения. Нанаш смутно помнил, как она лежала в углу на кровати, похожая на скелет, обтянутый желтой кожей, как женщины в черном рвали на себе волосы, горестно причитали...

Спустя шесть месяцев после смерти жены Асхаб, отец Нанаша, женился на вдовушке из соседнего села. У Асхаба, кроме Нанаша, было еще четверо детей: два мальчика и две девочки с бритыми наголо головами. Это был один из методов борьбы со вшами, коих было очень много, в связи с чем людей косил сыпняк. Каха (так звали мачеху), чтобы уберечь его от дурного глаза, повесила ему на шею бусинку-амулет. Нанаш всегда видел в ее глазах льдинки. Она не любила его, как своих детей. Была не сдержана на язык. Ходила по дому, бормоча ругательства. Доводила Нанаша до слез. Она выводила из себя даже невозмутимого мужа. Асхаб иногда кричал на нее: «Говорят тебе, заткни глотку! Я тебе руки и ноги переломаяю, трешотка окаянная! Заруби это себе на носу: я с тобой посчитаюсь!» Однако она знала мягкотелость мужа, и эти угрозы ее не пугали. И Нанаш, конечно, это знал.

Когда он вспоминал свой первый школьный день, в памяти прежде всего возникала старая школа и огромный двор: горячая земля, усыпанная ореховой

скорлупой; его голые подошвы до сих пор сохранили сухой жар нагретой солнцем земли. А грамоте он научился легко. Ни разу не подвергался, как некоторые, наказанием линейкой. На уроках слушал внимательно, в своей избушке выполнял старательно все задания, и учителя всегда хвалили его за прилежность к учению и способности. Он звонко, четко, без единой запинки читал стихи. Больше всего он любил уроки чтения, особенно нравились сказки, мифы и легенды. За один присест он прочитал сказку Ершова «Конек-Горбунок», мифы Древней Греции «Герои Эллады». Ему хотелось быть похожим на Геракла и совершать, как и он, подвиги. С возрастом его увлекли рассказы о путешественниках. Из класса в класс он переходил с хорошими отметками. Хорошо решал задачи. Ученики-лентяи у него всегда списывали. Ученье давалось ему без особого напряжения, и в школу он бежал с радостью. Не хуже казахских детей болтал по-казахски. Однако мачеха не радовалась за него, потому что ее дети учились слабее, хотя Нанаш им помогал готовить уроки. Всегда, если надо, был тут как тут. Когда братишка свалился в тяжелейшей скарлатине, он усердно ухаживал за ним, за два километра бегал за лекарством в единственную аптеку в поселке.

Отец разъезжал по разным колхозам, работал в какой-то строительной бригаде и мало бывал дома. Приезжая домой, он привозил иногда чай и сахар, куски ситца и одежонку для детей, однако Нанашу из этого мало что перепало. Каха почти все прятала, чтобы после отъезда мужа перепродать. А если в доме пропадало что-нибудь, сразу обвиняла пасынка или его друзей. Нанаш, как мог, защищал себя и своих товарищей. Ему неприятно было слушать незаслуженные упреки, но от природы он не был обидчивым и редко жаловался отцу. Перед отцом он робел, почитал его, любить же особо не любил – из-за мачехи. Зная, что семья существует на небольшие заработки отца, Нанаш решил подзаработать денег хотя бы на одежду и на период летних каникул пошел работать к мельнику. Трудился добросовестно и усердно. Слушал монотонный шум жернов, как вертится вода под лопастями мельничного колеса. Приятно было видеть, как из желобка тонкой струйкой бежит мука, распространяя пряный запах.

Когда отец в очередной раз приехал домой, и семья села ужинать, Каха поставила на стол большую баранью голову, которую Нанаш днем приготовил к варке. Отец аккуратно изрезал ее длинным ножом и стал раздавать составные части. Нанашу достался бараний глаз. Но когда отец вытащил из кармана пиджака чекушку водки, Каха разозлилась и начала ругаться.

– Не пей! Хочешь прилипнуть к бутылке, вместо того чтобы вырваться из нищеты?! Ты видишь, в доме нет ни хлеба, ни масла, ни денег, чтобы в магазин сходить! А ты, приезжая домой, сидишь в пивной, пока тебя не выгонят. А дети твои голодные, – закричала она и вырвала из рук Асхаба бутылку.

Затем взяла ее за горлышко и с размаху разбила о косяк. На пол брызнули осколки стекла и водка. Асхаб начал бушевать. Он бросил на пол тарелку и яростно топтал ее, словно это был его враг.

Каха была права. Дети, действительно, бродили по соседям, когда в доме есть было нечего. Хорошо, что двое младших ходили в детский садик. Нанаш не выносил ссоры, он не мог слышать, когда при нем мачеха ругает отца. Нанаш, взяв свою долю и кусочек лепешки, ушел в огород, где созревали огурцы. Его тоже тревожило то, что отец стал все чаще прикладываться к рюмке. По-разному, думал он, люди относятся к своим отцовским обязанностям. Иные бегут от них, другие равнодушны – мол, вырастут, сами о себе позаботятся. А он хотел, чтобы все отцы были образцовыми, а детство у детей – безоблачным.

Нанаш был складный парнишка с умными темно-зелеными глазами, нос был с легкой горбинкой. По породистому, удлинённому лицу, бледному, как мел, струился пот. Голова его с кудреватými черными волосами была запрокинута,

и он смотрел в небо. В это время лето было в разгаре. Кругом жужжали пчелы, стрекотали кузнечики, летали бабочки, шептались о чем-то листья, воздух был наполнен ароматом цветов и липы. Прямо над собой, в ясном ночном небосклоне, он видел Малую Медведицу, похожую на ковш. Он с детства любил смотреть на звезды. В эту ночь их было много.

Через некоторое время послышался голос семилетней сестренки Седы:

– Нанаш, иди пить чай. Отец уже успокоился.

– Скажи, что не хочу. Сыт по горло, – махнул он рукой.

– Вот противный, – произнесла Седа. Так любила говорить и ее мать.

На душе у Нанаша было паршиво, он чувствовал, как что-то подкатывает к горлу. Он опять посмотрел на звезды, вспоминая былое. Вспомнил рано ушедшую мать. «Мама, мамочка, почему ты так рано оставила меня? Как мне без тебя плохо! Почему смерть разлучила нас? Я знаю, мама, у тебя были такие слова, которые ты мне хотела сказать, но не сказала, потому что тогда я был несмышлениш. Я помню, перед самой смертью ты хотела меня обнять и подарить конфетку; но не смогла, конфетка выпала из твоих рук, а меня кто-то оттащил от тебя. Помню, кто-то сказал: «У Нанаша больше нет матери. Он потерял одно крыло».

Это была любовь матери к своему единственному ребенку. О, как ничтожен этот тесный темный мир в сравнении с величием материнской души! Своих сводных братьев и сестер Нанаш любил, но они из-за мачехи боялись особо общаться с ним. Отца он жалел. Он был бесхарактерный, слабый духом, боялся жены и потакал ей. А для смелости стал выпивать. Такое положение претило Нанашу. Он стал задумываться над своей жизнью, ощущать, что стоит на развилке дорог. По какой из них идти? Куда? Он так хотел увидеть родные величавые горы, у которых во время насильственного переселения народа были опущены тяжелые ледяные веки – не могли видеть горе своих сородичей. Они запечатлелись в его воображении в основном по рассказам старших. А сам смутно помнил, как высылали в Сибирь. Помнил причитания женщин, плач детей, лай собак, грубые окрики, протяжный вой паровоза и перестук вагонных колес... Целый народ высылали! Вагоны, предназначенные для перевозки скота, были переоборудованы для людей, но так, что людям было хуже, чем скоту. Они и были скот – пища для Сталина.

Нанашу казалось тогда, что он видит дурной сон. Он видел, как в углу на заплеванном, загаженном полу кричал новорожденный. Женщины окружили роженицу. А давно не бритые мужчины молча, недвижно, опустив головы, сидели на нарах. Их считали предателями. «Нашла чучмечка время рожать!» – орал конвой.

Нанаш сейчас задавал себе вопрос: почему Сталин не знает, что виновен бывает человек, а не весь народ? Вместо того, чтобы людей разных национальностей превратить в единое целое тело, он без жалости отсекал его части.

Почти каждую ночь Нанашу снились горы. Они плакали никогда не замерзающими слезами родников. Он мыслями был с ними, лицом к лицу с голубой заоблачной далью, и гордые орлы вязали над ней тугие петли. Однажды ему приснилось, что собрался в дорогу, берет свою сумку, идет к двери и вдруг мачеха преграждает ему на пороге путь:

– Куда ты собрался? Что я скажу твоему отцу? Я знаю, где твои мысли. Решил убежать от нас тайком. Знай, дальше мечты дело не пойдет. В жизни часто бывает не так, как мечтается. Разве о такой жизни я мечтала? А ты весь в отца. Он тоже сбежал от нас, хотя работу можно было найти и дома.

Нанаш что-то хочет сказать ей, но язык не слушается, словно онемел, и он проснулся. На душе заскребли кошки.

На следующее утро Нанаш слышал, как отец, заложив руки за спину, меря шагами комнату, извиняющимся тоном говорил жене:

– Слушай, жена, – начал он, – отнесись к моим словам посерьезнее... Больше пить не буду. Я обязательно соберусь с силами. Всех одену, всех обую, построим новый дом. Я не хочу, чтобы у детей осталась обо мне плохая память. Вот увидишь, я стану совсем другой. Плохо ты меня еще знаешь.

– Планы хоть куда, – пробурчала Каха, – ничего не скажешь. Но я боюсь – дальше слов дело не пойдет. А пора бы знать меру.

Такие клятвенные заверения Нанаш слышал от отца не раз. Но на сей раз хотелось верить.

В это утро, позавтракав огурцом из огорода и напившись чаю с сушеными ягодами, Нанаш ушел удить рыбу. Ночью он плохо спал, болела голова. Ежась от утреннего холодка, он шел к речке с удочкой и банкой с червями. Какая радость встречать раннее утро, прислушиваться к голосам, к разнообразным звукам просыпающейся земли! Ярко светит солнце, серебрится под ногами роса, над цветами летают бабочки, в кустах поют птицы. Увидев его, трусливый зайка бросился в кусты.

И вдруг его осенило: а ведь я, да и все мы – часть природы! Часть этого огромного, прекрасного мира с землей и небом, с цветами и деревьями, со зверями и птицами. От этой мысли у него появилось ощущение здоровья, перестала болеть голова, возвращая уверенность в своих силах. Даже улетела куда-то грусть, что против воли заползает в душу. Смотри, как синеют васильки, мелькают полевые астры, с вышины слыша трель голосистого жаворонка, Нанаш подошел к речке, сел на свое заветное место у заводи, насадил червяка на крючок, закинул леску в воду и стал с нетерпением следить за поплавком. И, о радость! Не прошло и пяти минут, как поплавок дернулся и первая рыбка затрепетала на крючке. Через некоторое время к нему со своими удочками подошли Муса и Джубан. Это были друзья его детства, хорошие и верные товарищи. Учились хорошо, были умны. Муса отличался озорными, блестящими глазами, взглянув на него, нельзя было удержаться от улыбки. Он умел потешать ребят, от него все время ждали какой-нибудь выходки. А Джубан умел делать поплавки, вытачивать стрелы для луков, мастерить ловушки, любил петь узбекские песни. А все вместе любили играть в лапту, прятки, догоняшки, ловить на поле майских жуков. Они летели, словно истребители, на бреющем полете: гудели, вырывались из рук, перебирая лапами, старались раскрыть крылья. Ходили вместе на чабанскую точку, где работал отец Мусы. Там Нанаш научился ездить на лошади, а через некоторое время уже и скакать, как лихой наездник.

Наловив рыбу, они сварили уху на костре, купались в речке, много говорили, играли, смеялись, заражая друг друга весельем. Нанаш и сегодня помнит этот смех, и ему радостно сейчас, через десятки лет, знать, что все это было, они дурачились и потешались, счастливые своей юностью. Красивая это была дружба, светлая и неповторимая, как сама юность. Они были разными и в то же время очень похожими друг на друга. Каждый чем-то выделялся.

Лишь поздно вечером Нанаш с небольшим уловом возвратился домой. В доме было несколько мужчин из соседних домов. Каждый раз, когда отец приезжал на побывку домой, они по вечерам собирались у них, чтобы услышать последние столичные новости. Ему задавали один и тот же вопрос: «Асхаб, что слышно? Не говорят ли, что нас домой отправят?» Беззубый старик в папахе говорил:

– Нас погнали сюда, как гонят с гор отару на зимние пастбища, и половина отары погибла в пути от холода, болезней и бескормицы. Где же Аллах, где же правда времени?..

Нанаш внимательно прислушивался к их разговору, который в основном был о Кавказе. Говорили о родной земле, о могилах предков, просили Всемогущего Аллаха вернуть их домой. С верой в Него они надеялись на лучшее. И Нанаш тогда понял, что надежда, хотя бы самая неразумная, несбыточная, необходима, как воздух и хлеб.

Произнося: «Маржа я!», соседи расходились по домам. В этот вечер в смятенной душе Нанаша долго шла жестокая борьба. Но наконец созрел план: скрыв от родных свои намерения, он решил тайно поехать на Кавказ, увидеть родные места и каждое утро первым встречать солнце... Как это прекрасно – увидеть солнце, когда для других оно еще скрыто за горами! Хотя трудно было предугадать заранее, что его там ждет. И доедет ли туда вообще. Он не задумывался над этим, а просто стал понемножку копить деньги на дорогу. Ему присуще было идти на риск, правда, в соответствии с его возрастом к этому примешивалась изрядная доля озорства. Беспокойная его натура требовала настоящего, серьезного дела. К нему еще не пришла расчетливая осмотрительность зрелости. «Хватит, с меня довольно! – сказал он сам себе. – Теперь я не спрошу ни у кого, как мне жить дальше. Сам все решу за себя. Не нужны мне ничьи советы, ничья помощь! Решение мною уже принято». Только своему близкому другу Мусе он сказал, что хочет драпануть на Кавказ.

В этот вечер он даже написал стишок о домике, что остался в горах:

Горный домик стоял
Вдали от дорог,
Неприметная крыша
И стертый порог.

В нем сейчас паутину
Вьет, наверно, паук.
На чужбине хозяин
Страдает от мук!..

Его тяготила жизнь в отчем доме. Им овладела жажда путешествий. Ему захотелось увидеть Кавказ, родное Аргунское ущелье, которое до высылки было населено многими родами. А главное – увидеть родное село Чани-Юрт, которое он помнил смутно. Знал, что там течет быстрый Аргун, образуя глубокое ущелье. Он хотел взглянуть на этот домик, где мать когда-то качала его в люльке. И Нанаш стал тайком готовиться к отъезду.

Глава 2

Путник должен быть в пути

Нанаш ставил перед собою цель увидеть Кавказ и родные места. Как только отец после побывки вновь уехал на работу, он решил собрать свои нехитрые пожитки и тронуться в путь. Нанаша провожал его закадычный друг Муса, с которым он делился сокровенными мыслями. Они были сверстники, окончившие семилетнюю школу. Жили по соседству и учились в одном классе. Их дома разделял лишь невысокий плетень. Им казалось, что они ближе, чем братья. Мать Мусы хорошо пела и играла на гармошке, хотя не имела музыкального образования. Нанаш часто слушал ее. Во многих ее песнях была тоска по родине. И это, несомненно, помогало выжить. Раны лечились песней.

Я бежала к ручью напиться,
Услышала, как пела птица.
Ой, не пела она – стонала.
До воды я не добежала.

Я пред птицей остановилась:
«Что с тобой, скажи на милость?
Как и ты, я печальна тоже,
Может, наши печали схожи?»

Застонала печальней птица:
«Не поймешь ты меня, девица,
Люди крылья мне подломили,
От гнезда меня отлучили».

Я сказала: «Бедняжка птица,
Ты мне можешь во всем открыться,
В языках наших есть отличие,
А печаль – что моя, что птичья:

От мест родимых отлучили,
Душу здесь мою сгубили».

Поющая и играющая на гармошке женщина по-своему прекрасна. Он видел, как песенные звуки меняют ее облик, делают выше, стройнее. Послушать ее приходили даже старики. «Ты пой, Айшат, – говорили они. – Твоему голосу радуются наши сердца». Нанаш почти наизусть знал все песни Айшат. Они настроили его на «вольность», на то, что ему необходимо увидеть родные места.

До этого Нанаш ни разу не покидал Иссык. Только один Муса знал о его отъезде. Об этом Нанаш сообщил ему накануне, когда они вечером сидели у Мусы на веранде и грызли семечки. Муса вначале не поверил:

– Во дает! Сам додумался? Это же очень рискованно. Как говорит мой отец, шайтан не дремлет и всегда ищет путь, как бы сбить с верной дороги человека. Не иди на поводу у шайтана. Поистине, шайтан – наш враг. А какую боль ты причинишь своим близким?! Ты подумал об этом? Кроме того, могут, как щенка, за шкирку снять с поезда. У тебя же нет разрешения. А деньги? А тебе надо ехать и ехать. Короче, раз твоего отца нет дома, давай поговорим с моим отцом. Он как раз дома сегодня. Вернулся недавно со своей чабанской точки. Сидит у себя на молитвенном коврике и перебирает четки. Послушай его совет. Пойдем.

Нанаш отрицательно закачал головой.

– Не надо дядю Усмана беспокоить. Мы сами с усами. Я все равно уезжаю. У меня ностальгия, брат, ностальгия. Тоска по родине. Песни твоей матери меня настроили. Все может быть, но отступать не в моих правилах. Я не хочу, чтобы из-за меня поднялся переполох. Ты лучше проводи меня завтра утром.

– Нанаш, мой брат, зачем искать на свою голову приключений? Ты лучше подожди, пока отрастут эти усы.

– Да брось ты! – не выдержал Нанаш. – Ты старше меня всего на месяц, а речь как у нашего директора Павла Васильевича.

– Что – брось? – вспыхнул Муса. – За тебя боюсь, дурень. Ты же мне ближе брата. Нам же с тобой еще только по четырнадцать лет. Остуди, пока не поздно, свой пыл...

Все эти доводы Мусы, которого больше всего беспокоила предстоящая разлука с другом, не убедили Нанаша. Его, всецело охваченного мыслью о Кавказе, невозможно было переубедить, к тому же по молодости он жаждал романтических приключений. Поэтому все, что впереди, манило и привлекало его. По молодости в нем было много дерзкого и самонадеянного высокомерия. У него было желание «обогнать» как можно больше ребят своего возраста и достичь некой туманной вершины. Сказать: смотрите, вот какой я – Нанаш! Был на Кавказе, увидел родные места, увидел мир. Готов на новые подвиги. Не то что вы! Уже в этом возрасте он выработал для себя некий кодекс или первую философскую систему. У него был свой мир и свое восприятие. Спорил, доказывал...

– Брат мой, – улыбнулся Нанаш, облизнув языком губы, – не бойся за меня. Помнишь, как наша литераторша Элина Дмитриевна рассказывала нам про поэта и бунтаря Гордона Байрона, который на юного Лермонтова произвел глубокое и сильное впечатление? Так вот, если этот Байрон, светило века, погас в цвете лет в святой борьбе за вольность какого-то грека, неужели я не могу погибнуть за вольность родного вайнаха? Прошла сквозь меня его тяжелая рана.

Горячие глаза его словно бы вглядывались во мглу времен.

– За это и я готов сложить голову. Твои слова потревожили мой ленивый мозг, – подхватил его слова Муса. Он вздохнул с благородной улыбкой на губах.

– Вот видишь, мы думаем одинаково, – ткнул его в бок Нанаш. – Так что, не тревожься, мой друг, гони от себя дурные мысли. Я не останусь там насовсем... Мир не без добрых людей. Как-нибудь доеду и вернусь. Главное, верить в себя, и добьешься всего, чего захочешь. Помнишь, так говорил наш учитель истории? И вообще, как дальше жить – это уже мои проблемы. Я хочу сам через все пройти, сам ткнуться во все носом. Хочу испытать все, что мне на роду написано. Короче говоря – найти себя. Люблю встречный ветер. От него характер становится жестче.

– Зато нос может покраснеть, – сыронизировал с улыбкой Муса.

– Пустяки.

– Ну раз так... Воля твоя, – Муса положил ему руку на плечо. – Может, ты и прав. Может, все по-твоему и будет. Даст Бог, вернешься, напишешь стихи про наш сказочный Кавказ и удивишь нашу школу, и будут они переходить из уст в уста. Главное, от тебя будет Кавказом пахнуть. Представляю себе альпийские луга, густо усеянные ромашкой; башни, ущелья и родники; лесные чащи; наши горы с розовеющими снегами. Ведь часть наших сердец осталась там. Я восхищаюсь твоей смелостью. Да поможет тебе Всевышний! Пусть будет прям твой путь!

Широкие губы Мусы растянулись в мечтательной улыбке, а глаза весело искрились.

– Про стихи заранее сказать трудно, но знаю, что они должны быть героические, зовущие. Ведь поэт делает поэтом чувство родины. И они потребуют от меня несколько мучительных вечеров, а вот до родного края постараюсь добраться. Если на машине добраться нельзя, пешком по крутой тропе доберусь. Я не хочу здесь умирать подобно выброшенной волной на берег рыбки, пока не увижу наш родной край. Ты знаешь, сколько дум передумал я, ворочаясь на своем паднаре? Наш народ жил в горах. Мы были народом гор. Муса, я так хочу посмотреть на эти горы, на родную землю и вернуться, если получится, к началу учебного года! Сначала я поеду в Караганду. Там живет мой дядя Бай-Али. Он шахтер и хорошо зарабатывает. Он в прошлом году приезжал к нам. Знаешь, какой он красавец – истинный кавказец! У него открытое, всегда веселое лицо смелого горца. Вот о таких

были сложены поэмы Пушкина и Лермонтова. Я попрошу у него немного денег и поеду дальше.

– Поедешь, если он тебя одного отпустит. Черта с два!

– А может, и он поедет со мной. Поживем – увидим...

До станции надо было идти километра два. На улице было жарко и безветренно. По дороге, ведущей от базара, они видели, как, прихрамывая на одну ногу, с невозмутимым спокойствием семенил ослик, на котором степенно восседал живописный аксакал, толстенький и небольшого роста, – казалось, сам Ходжа Насреддин пожаловал в поселок. Самое смешное, на седле перед ним был перекинут тучный, совершенно белый козел. Старик, не обращая ровно никакого внимания на уличную толчею, удерживал своего козла.

– Эх, будь у тебя сейчас такой ослик, – смеялся Муса, – доехал бы ты до Кавказа без всякого билета. Как на выставку повез бы этого козла.

– Я согласен, – сказал Нанаш, – если этот ослик угонится за поездом.

В это время козел неожиданно резко рванулся, спрыгнул с ослика и стянул за собой седока, который успел схватить его за заднюю ногу. Но козел ловко вырвался и тут же побежал в придорожные кусты. Нанаш и Муса со смехом побежали на помощь. Аксакал был бледен от ярости, бранился на родном языке. Друзья подняли старика и быстро поймали козла, которого аксакал с размаху огрел камчой. Затем он, поблагодарив за помощь, вновь засеменял на своем ослике. Они обошли рынок, от которого в такую жару изрядно пованивало. По дороге видели убогие дома, стены которых, угрожавшие обвалиться, были подперты бревнами. Наконец вышли на привокзальную площадь. Тяжести не было, кроме истрепанного чемоданчика Нанаша, обмотанного веревкой. Над небольшим вокзалом висел блеклый от времени лозунг «Дело Ленина и Сталина победит!» Поезда проходили, предупреждая о своем появлении отдаленным нарастающим гулом, затихающим вдали. В небольшом зале вокзала было десятка два человек. В углу, сидя на низком стуле, играл на гармошке одноногий инвалид, видимо, вчерашний фронтовик. Рядом стояла недопитая кружка бочкового пива:

До последнего выкрика

Я держался в бою.

До последнего вылета

Нес гармошку свою.

А теперь вот живу

Я без хаты в нужде,

Лишь осталась гармошка

В обгоревшем чехле...

Видно было, что он действительно находится в большой нужде. Почти на голое тело в такую жару была одета старая солдатская шинель. Казалось, что лишь эта шинель явилась ему наградой за завоеванное кровью счастливое будущее. И таких было немало. Ему кидали монетки. Нанаш с Мусой, естественно, не могли стоять в стороне. Они горячо сочувствовали калеке и тоже бросили ему по несколько медяков. Затем друзья некоторое время читали в таблице расписание: названия городов и станций, часы и минуты прихода и ухода поездов. После чего Нанаш стал в очередь за билетом до Караганды. Поезда на этой станции были только проходящие. Здесь они останавливались

сменить паровозы или пополнить углем паровозный кузов. После покупки билета Нанаш снова пересчитал остаток своих денег.

– И много осталось? – спросил Муса.

– Денег много, да кошелька нет, – отшутился Нанаш.

Но Муса знал, что для дальнего пути их очень мало; и он решил еще раз попытаться переубедить друга, чтобы сдал билет, пока не поздно, и вернулся домой.

– Не поворотить ли тебе оглобли, пока не поздно? – сказал он. – Давай лучше съездим с тобой на Иссык-Куль, порыбачим, покатаемся на лодке, увидим парящих над водой чаек. Говорят, там красивые, прекрасные места. Можем объехать округу путем Пржевальского. А Кавказ пока для нас неприступная крепость, которую еще предстоит штурмовать.

– Друг мой, давай больше не будем говорить об этом. – ответил Нанаш. – Я должен ехать. На Иссык-Куль поедем как-нибудь потом. А сейчас путник должен быть в пути. В дорогу, в дорогу!

Нанаш решил, что поступает твердо и разумно, значит, правильно, и нечего больше рассуждать, долг человека поступать согласно своим убеждениям. Переубедить его было невозможно. Он был в том возрасте, когда жизнь улыбается весенней улыбкой.

Спустя два часа Нанаш уже стоял у своего вагона. Желающих ехать было немало. Многие были со своими мешками, чемоданами и всяким барахлом. На перрон встречающих и провожающих пускали только по билетам. У Мусы был надорванный охранником картонный билет. На прощанье друзья крепко обнялись.

– Да поможет тебе Аллах счастливо добраться! Напиши, как только доедешь. Я очень буду ждать твоего письма, как соловей лета.

– Хорошо, соловей, напишу. Жди. Только вот что: сегодня нашим ни гугу. Завтра скажешь. Скажи, что уехал к дяде в Караганду. Приедет отец, конечно, поворчит. Но постепенно пройдет его гнев, как жар остывающего уголька.

– Хорошо. С одной стороны, я завидую тебе, Нанаш: увидишь Кавказ, родные места, но, с другой стороны – ох, как боюсь за тебя! Дальняя поездка. Да и жалко с тобой расставаться. А вот и твой поезд.

Нанаш увидел медленно приближающийся поезд. Даже издали было видно, что он обвешан гроздьями людей. Он видел, как несколько подростково-оборванцев, цепляясь за мелкие выступы, лезли на крыши вагонов. А другие в лохмотьях и в папиросном дыму провожали их с песней:

Не стыдись и не краснея,
Заберемся в любой мы дом;
Ни рубля и не копейки,
Ни гвоздя не оставим в нем.

Черный ворон, черный ворон,
Стародавний спутник наш.
Мы измаялись чахоткой,
Голод, холод косит нас...

– Не водись с такой шантрапой, – предупредил Муса.

– Муса, мой брат, не бойся. Ты же знаешь, я не был размазней: если меня начинали бить, давал достойный отпор. Я их не боюсь. А так, как говорят, двум смертям не бывать, одной не миновать... что будет, то и будет. От своей судьбы не убежишь, ее не обгонишь. Не знаю, как тебе, но мне кажется, что наша жизнь

как слепое зеркало. Только путешествия и могут его промыть, сделать чистым, ясным. Мне тоже жаль с тобой расставаться, даже на время.

– Давай промывай, промывай свое зеркало. Ты этим хочешь только оправдать свою поездку, – с оттенком недоверия сказал Муса.

Поезд останавливался только на пять минут. Не успел Нанаш сесть, как гулкий толчок со звоном буферов прокатился из края в край поезда, затем он гаркнул и тронулся. Муса смотрел вслед и кричал:

– Счастливого тебе пути! Возвращайся скорее! Удачи тебе, удачи!..

Нанаш махал ему рукой из медленно уплывающего вагонного окна. А потом взмахи его руки растаяли вдали вместе с поездом. В переполненном общем вагоне духота, комары, беспокойная суматоха на остановках, у многих пассажиров в руках котелки и чайники. Нанаш все время смотрел в окно. Состав выстукивал припев вечной дорожной песни: «Тук...тук...тук...» За окном весь день кружилось небо, плыли села и аулы, поля, речки с лугами. Вечером, после захода солнца, состав помчался стремительнее, оставляя в объятиях летней ночи станции. Нанаш перекусил с мужиками, которые ехали на работу в Джекказган, и играл с ними некоторое время в дурака. Затем мужики выпили и начали играть на деньги. Ругались и кидались друг на друга. Они успокоились лишь после появления проводницы.

Нанаш задремал, прислонив к виску ладонь, сначала помня сквозь дрему, где он, потом заснул. Во сне он видел отца, который яростно курил и, размахивая руками, кричал на жену: «Добилась своего, добилась? Несчастный я! Думал, Нанаш заменит меня в трудную минуту. Возьмет на себя заботу о братьях и сестрах. Он хорошо учился, и я верил, что ему повезет больше, и он будет сильнее меня». – «Сам виноват. Был бы достойным отцом, не ушел бы. А так, не стоит убиваться. Радуйся: на один рот стало меньше. Вернется. Никуда он не денется. Не красная девица. Вот себя мне жаль. Связалась с тобой. Видно, мать родила меня на муки и страдания...» Нанаш не мог разглядеть ее лицо, лишь слышал ее голос и как она прерывисто, с сопением дышала.

До Караганды Нанаш доехал лишь поздно ночью, но без всяких приключений. Проводница разбудила его и с треском открыла входную дверь, впусив свежий ночной воздух. Слышались крики пассажиров, гудки поездов. Он вышел на платформу, осмотрелся. Накапывал дождь. Ему некуда было торопиться, он решил дожидаться утра в залах вокзала. Хотя у него был дядин адрес, он не хотел ночью бродить по незнакомым улицам города, купил в ночном буфете два пирожка и устроился на скамье в глухом углу. Со всех сторон слышалось сопение спящих людей. Нанаш видел, как долговязый мент с журавлиными ногами шныряет среди пассажиров, добирается до него и как будто искоса присматривается. Нанаш сидел, уткнувшись в небольшую книжку «Герои Эллады» из мифов Древней Греции, которую вез с собой. Ему хотелось быть похожим на Язона, который отправился в Колхиду отнять у царя Этта золотое руно. Тем временем мент, попыхивая сигаретой, подошел и, вытягивая длинную шею, спросил:

– Прыщатик (на лице у Нанаша было несколько угрей), ты откуда и куда? И чего здесь торчишь?

– У нас в школе летние каникулы. Дядя пригласил к себе.

– А почему тогда ты здесь?

– Я не знаю город. Мне ехать в Ворошиловский район. Решил здесь подождать до утра.

– До утра, говоришь?! Врешь. Не придуривайся. Вижу лживые твои глаза. Я тебя, прыщатик, прошлой ночью видел здесь. Ты один из ловких карманников.

Любите вы здесь шмыгать по ночам. Я насквозь вижу вашего брата. С книжкой в руках караулишь жертву? Где... с кем ты?

От него пахло табаком и водкой.

– Какую жертву? Я не вор. Вы обознались. Вы меня не могли видеть. Я только приехал. И еду к дяде, – вскочил возмущенный Нанаш. – Что вам от меня надо?

– А ты, поганец, не знаешь? Хитрить со мной вздумал? Я тебя могу отсюда так шибануть... В КПЗ загнать, а там зубы проглотишь! – кулак его сжался. – Долго меня будешь помнить. Хватит свистеть! Что у тебя в карманах? Деньги, колючки... Положи на лапу.

Теперь Нанашу все стало ясно. Он был заодно с карманниками и ворами. От них он получал свою долю. Короче говоря, мент обобрал Нанаша, оставив ему лишь небольшую сумму. Уходя, кисло улыбувшись, сказал;

– Мне доводилось встречать всяких крыс. Если выкинешь удачный финт, сразу же смывайся. Уходи подобру-поздорову. Понял? А то могут намылить твою хрюшку.

«Вот же хамство, – думал Нанаш, – пристать к человеку ни за что ни про что. Ну и страж порядка! Сдается мне, что Муса был прав, осуждая мое путешествие».

К родственникам Нанаш попал только около полудня. Вокруг были черные от угля шахты. Он зашел в дом, построенный из необожженного кирпича, который находился на тихом, безлюдном переулке. Но его там ждала неудача. Оказывается, дядя Бай-Али был арестован за драку с корейцами. Дело дошло до поножовщины. Подобные распри нередко случались между хозяевами и спецпереселенцами. Бай-Али обвиняли в убийстве одного из корейцев. Затосковала душа Нанаша от этого известия. Он был сильно расстроен; сердце его до краев наполнилось горечью. Ему хотелось разреветься во все горло, но в присутствии Фатимы он этого себе не мог позволить. Было взрослое понимание, что он уже не маленький – скоро пятнадцать лет. И все же глаза его были красные от слез. «Такой уж я везунок», – со злостью подумал он. Несмотря на свою горе, жена Бай-Али Фатима радушно встретила его. Расспрашивала обо всем, угощала пловом, гороховым концентратом, сладчайшим чаем, и двое детей деликатно старались не очень смотреть, как он ел. Несмотря на его возражение, Фатима выкинула его изрядно поношенную, измятую одежду и надела на него обновку. Она работала в ларьке недалеко от дома. Когда она узнала, что Нанаш собрался ехать на Кавказ, она едва поверила своим ушам.

– Безумная идея. Как тебя отец отпустил?! – удивлялась она. – Ты так еще молод, неотесан. Что ты делаешь, одумайся! Оставайся лучше с нами. Ты нам сейчас очень нужен. Буду тебя хорошо кормить. На вечер приготовлю вермишелевый суп и курицу. Хорошо, что кончил семь классов. Ты можешь поступить в техникум. А хочешь, я найду для тебя работу? У твоего дяди здесь много друзей. Они уверены, что твой дядя этот злополучный нож использовал только ради самообороны. А так он на ножах ни с кем не дрался. У начальства был на хорошем счету. В прошлом году даже путевку дали в Дом отдыха. Однако с трудом дали разрешение на выезд. А ты, кстати сказать, зря забываешь, что мы спецпереселенцы. У тебя еще подростковый возраст, поэтому, видимо, на тебя не обратили особого внимания.

– А если обратят, я им буду говорить, что я армянин. На войне, как на войне, все средства хороши, – усмехнулся Нанаш и провел языком по пересохшим губам. – Пока что никто не приставал. Так что, тетя Фатима не надо меня уговаривать. И не надо тревожиться за меня. Я дал себе слово. Я обязательно вернусь и, наверное, останусь здесь с вами. И привезу путевой дневник.

– Но я боюсь за тебя! Если бы твой дядя был на свободе, он тебя ни за что не отпустил бы. И дал бы, наверно, по шее. Прошу тебя еще раз: одумайся! – она смотрела на него с просьбой – невысокая, с добрым лицом.

– Тетя Фатима, не надо больше об этом. Это решенное дело. Моя воля однозначна и непоколебима. Я ничего не могу поделать с собой. Меня тянет туда...

– Ты сумасшедший!

– Не я один, тетя Фатима. Безумие разлито вокруг. Разве не безумие переселять целые народы с родных мест? Где справедливость?

Незаметно для себя Нанаш провел в Караганде целых десять дней. За это время Нанаш познакомился с дальним родственником Фатимы, юношей лет семнадцати. Звали его Зураб. И ему Нанаш ненароком рассказал о злочищении, которое произошло с ним на вокзале, как его обобрал мент.

– Вот козел! Истошил, значит, убогий твой бюджет, – вознегодовал Зураб. – Вот такие у нас блюстителы порядка! Но ничего. У меня есть проворные друзья в городе, мы восстановим твою сумму. И этого мента мы проучим. Ты только покажи мне его.

Нанаш своим рассказом точно плеснул масло в огонь. «Чего ради я вдруг рассказал ему об этом?» – подумал он.

– Не-не-не, Зураб, прошу тебя, не делай этого. Не надо из-за меня подставлять ребят. Мне ваша помощь не нужна. Я и так доеду.

Зураб некоторое время смотрел на Нанаша, затем коротко сказал:

– Это мое дело.

И действительно, на следующий день Зураб принес небольшую сумму.

– Возьми, брат, – сказал он Нанашу, – клянусь Аллахом, они не ворованные. Ребята просто скинулись, кто сколько мог. Помнишь, в школе изучали вектор?

– Помню, – ответил Нанаш, не зная, куда он клонит, – он характеризуется численным значением и направлением.

– Пусть это направление приведет тебя к цели. Не трухай и не попадайся в грубые руки. Желаю тебе удачи. Да поможет тебе Аллах увидеть наш край!

– Все ясно, – улыбнулся Нанаш. – Спасибо за помощь. Ах да, – спохватился он, – передай от меня большой привет своим друзьям.

Затем Нанаш несколько дней разгружал вагоны в старом городе. Работал от зари до зари. В начале июля купил билет до Актюбинска. Фатима напекла ему пирожков в дорогу, ну, конечно, не обошлось без нотаций и советов. Когда Нанаш уехал, Фатима пришла к заключению, что Нанаш не вполне в своем уме, и виноватой в этом в первую очередь считала мачеху. Иначе его безрассудство, считала она, просто необъяснимо.

Продолжение следует.

Малика Азиева

Родилась в 1999 году в селе Дышне-Ведено Чеченской Республики. Там же в 2016 году окончила СОШ № 2. В настоящее время является студенткой филологического факультета ЧГПУ. Поэзией увлечена с детства, любимые поэты: А. Ахматова, М. Цветаева, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, Р. Рождественский и др. Первое стихотворение написала в четырнадцать лет на чеченском языке. Публикуется впервые.

Блэкаут*

Вконец истасканные,
Слова все же сказаны –
У кого-то украденные,
Увы, безнаказанно...
Влечение потушено
Рассудка дыханием.
Единство сломлено
Ударом сознания.
Верность истоптана,
Доверие украдено.
Клятводавание
Напрасно обронено –
Ибо нарушено!
Больно обмануто
Мое самолюбие...
Тыменялюбие...
Ятебялюбие...
Чувства истерзаны –
Все вырвано, включено...
Блэкаут. Кончено.
Навеки кончено!

Хотя бы коснуться

Да, улыбнулся... ртом.
Но глазами забыл улыбнуться!
А счастье – опять на потом,
В несчастье свое б уткнуться?

Ну что же... твой выбор, твой путь.
Если хочешь, можешь замкнуться
В любимом себе. Но... будь!
Жизнью к жизни успеи прикоснуться!

Если хоть в ком-то осталась душа,
Тогда не потерян век...
Значит, и жизнь на земле хороша,
Значит, хорош человек!

Уплывает детство навсегда

Ярким пламенем детство
Уплывает вдаль...
Говорю я себе:
«Лишь
немного жаль...
Жаль счастливых дней,
Клеверный успех...
Мамин поцелуй,
Ручейковый смех,
Что мне не вернуть...
Чистоты тех глаз
Жаль немного мне
И наивных фраз...
Все – как бы во сне...
Теплоты друзей,
Легкости в толпе,
Радостных огней,
Верности судьбе...
Тихих вечеров
Жаль немного мне,
Первых нежных слов,
Что храню в душе...
Лет веселых лик,
Память, нарисуй!

Время удержи,
Детство арестуй!

Словно корабли
Уплывают вдаль...
Я шепчу себе:
«Мне безумно жаль»...

Свидание

У звезды с Луной
Вечером свидание –
Будут в небесах
Признания, венчание...
Ну, а нам с тобою –
Только расставание...
Может, пара слов,
Полных лишь отчаянья...
Звезда с Луной покровы ночи
Украшили сиянием.
А между нами – все до точек...
Доказано твоим молчанием.

Уткнуться бы в маму,
Не контролируя времени бег.
Сбой случился в программе
Без тебя, мой родной человек!

Улететь бы, вернуться в детство,
Где тихо скрипит колыбель.
Без тебя изнывает сердце...
И не греет теплый апрель.

Никто не нужен

У кого-то на шесть персон
Завтрак накроют, обед и ужин.
У кого-то – на три или две персоны...
А у меня – на одну. Я одна.
Потому что никто мне не нужен,
Кроме...
Кроме Тебя.

На прощанье аплодисментов
обрушу поток,
Хоть ужасно играете роли –
В тягость изображать
постоянный восторг,
К каждому заново подбирать пароли.

Хватит мозгу моему сотрясений,
Придуманных о вашей жизни сказок!
Уйду без душу
стесняющих объяснений
От всех этих осточертевших масок.

Может, и благородны души у вас –
Не археолог – копать,
искать не хочу...
Продолжайте *казаться*
хоть тысячу раз!
Я границу меж нами навек прочерчу.

Жаль

Жестоко бьют твои слова
По ноющим ранам моим.
Эхом от них гудит голова...
Жаль, что так мною любим.

Ранит душу твой
равнодушный взгляд.
Все, что свято – терзает в нем.
Мое сердце горит... это просто ад.
Противопоказано быть вдвоем.

Такая пропасть между нами легла,
Такие груды из льдин...
Пусть даже скажут: «Сошла с ума...»
Закреть бы чувства на карантин!

*Блэкаут (англ.) – буквально: погружение во тьму; авария, сбой в энергосистеме.

Сулиман Мусаев

Из «Адлерской тетради»

Очерк

Я всегда считал, что Адлер – город. Оказалось, что это один из районов Сочи – города-курорта на черноморском побережье Краснодарского края.

Февраль. Семь часов утра. Еще темно. Поезд «Назрань – Адлер», устало вздрогнув, остановился. Вернее, это поезд «Минеральные Воды – Адлер», к которому в Мин. Водах прицепили два назрановских вагона. Через несколько месяцев, кстати, этот рейс почему-то отменили, и мы постепенно начали осваивать владикавказский рейс. В вагоне, несмотря на то, что едем из Назрани, одни чеченцы – в Сочи в преддверии зимней Олимпиады строительный бум, а наши земляки, как известно, зарекомендовали себя как одни из лучших строителей на постсоветском пространстве. Еще в шестидесятые-восьмидесятые годы, когда с трудоустройством титульной национальности в республике были большие проблемы, представители этой самой нации – их тогда называли «шабашниками» – застроили пол-Урала и Сибири и набрались опыта.

Выхожу на перрон. Еще темно. Прощаюсь со своим новым знакомым, Мовсаром. Он едет на Красную Поляну. Достаяю телефон и набираю Ваху. Это мой племянник, он уже несколько лет работает в фирме, в которую я еду устраиваться. На хорошем счету у них, в прошлом году даже окончил курсы в Москве по их направлению. Он должен меня встретить.

– Да, Сулиман?

– Ты где?

– Через минуту подойду. Стой на перроне, не отходи.

Несмотря на раннее утро, на перроне толпы народа. На вокзале одновременно несколько поездов. Пассажиры, встречающие, провожающие... Шум, гам... Захожу в ларек. Беру литровую «Фанту».

Молодая продавщица:

– Сто двадцать рублей.

За литровую «Фанту»? Делать нечего, расплачиваюсь. Меня предупреждали, конечно, что в Сочи все дорого, но не настолько же! Позже я узнал, что есть магазины, где цены дешевле, почти как в Чечне.

Вот и Ваха. Здравуемся, взаимные расспросы.

– Здесь, в ста метрах, мы и работаем, – говорит Ваха.

Ваха – по паспорту он Абубакар – стройный высокий парень, ему двадцать три. Под черной курткой футболка с портретом Рамзана Кадырова. Джинсы. Кроссовки. Тоже черные.

Идем по деревянному тротуарчику – я впервые видел такие в период юности, когда, будучи студентом Чеченского госуниверситета, во время каникул ездил в Пермскую область, на упомянутую выше шабашку к дядям – Арби, Айнди и Мяхди, они давно там жили и работали. После дождя улицы утопали в грязи, и приходилось перебираться по улицам по таким деревянным настилам.

Какие-то узкие переулочки, в которых тускло горят лампочки. Минут через десять выходим на небольшую площадь, здесь светлее. Стоянка такси. Подходим к армянину – плотному, коренастому, усатому.

– До «Мандарина» сколько? – спрашиваю я, со слов Вахи уже зная, в какой гостинице он живет.

– Это гостиница? – уточняет тот. Позже я узнал, что здесь имеется и развлекательный центр с таким же названием.

– Да.

– Четыреста рублей.

– Сто пятьдесят, – сказал как отрезал Ваха.

– Ладно, садитесь, – таксист понял, что мой спутник, в отличие от меня, знаком с местными тарифами.

Через минут двадцать подъезжаем к гостинице. Уже рассвело. Так как на рецепшене, кроме ночной дежурной, никого пока нет, сразу проходим в номер Вахи. Он живет на первом этаже. Шестиместный номер эконом-класса. Большой платяной шкаф у входа, напротив дверь в ванную, несколько тумбочек между кроватями, большой телевизор, круглый стол и четыре стула. На вешалке рабочая одежда. На кроватях спят рабочие. Скоро им вставать, самый сладкий сон у ребят, поэтому мы, стараясь не шуметь, тихо проходим к кровати племянника, которая стоит у окна. Тем не менее на двух кроватях заворочались, а один, с трудом разлепив глаза, сонно уставился на меня и, угадав новичка и решив представиться, выпростал руку из-под одеяла:

– Саня!

– Сулиман, – пожал я ему руку, но он тут же вновь уснул.

Через пару часов мы, перекусив, бодро шагаем в офис. Он находится на улице с поэтическим название – Тюльпанов. Поднимаемся на второй этаж. Нас встречает стройная миловидная девушка.

– Здравствуйте, Абубакар, – она уже знакома с племянником. – А вы Сулиман? – спрашивает меня.

– Да.

– Очень приятно. Меня зовут Маша. Вот перечень необходимых документов.

Я беру у нее листок и, пробежав его, недоуменно смотрю на Ваху: я кем устраиваюсь на работу – электромонтажником или работником секретного объекта? – список очень длинный.

В общем, не все необходимые документы у меня оказались в наличии, – предоставил, недостающие обещал привезти с отпуска.

– Смотри, Сулиман, под твое честное слово, хотя это не в наших правилах. Поверю тебе, ведь ты писатель, – в ворохе документов, что я вывалил ей на стол, и мое писательское удостоверение. – Кстати, как правильно: Сулейман или Сулиман? – ну, к этому вопросу я давно привык. Пришлось еще сходить на рынок фотографироваться – нужны две фотокарточки.

Впереди целый день. И Ваха свободен: из-за моего приезда он отпросился. Гуляем по городу. Адлер напоминает город из сказки. Крошечные, по нашим меркам, но очень красивые дома. Двухэтажные, примерно пять на шесть метров. Разве такое можно представить в Чечне?! Дороговизна земли. Но дома очень красивые, почти игрушечные. Дворы тоже маленькие. И везде – пальмы, пальмы, пальмы... Или мне так кажется, я впервые вижу пальмы. Раз даже подошел, пощупал чешуйчатую кору. Заходим на рынок. Бог мой, чего тут только нет! Больше половины фруктов (или это ягоды? овощи?) вижу впервые. Ароматы пряностей. Набрав всякой всячины, возвращаемся в гостиницу.

После обеда опять сходили в офис – я должен был получить рабочую форму. Но в тот день ничего не получилось. Кабинет, приспособленный под склад, оказался закрыт. Попросили прийти завтра. Побывали на море. Пустынный пляж. Волны лениво накатывают на берег. Над водой кружатся чайки. Кафешки, рестораны закрыты. Все это навеивает печаль. Ничто не указывает на то, что через пару месяцев здесь будет не протолкнуться. Сфотографировались для порядка и вернулись к себе.

Вечером поднялся на четвертый этаж. В четырёхста четырёхнадцатом номере живут четверо чеченцев: Адам, брат Вахи, Бекхан, мой односельчанин и бывший ученик, Руслан и Сираджин. Эти двое из Грозного. Они уже вернулись с работы, поужинали, и теперь каждый занят своим делом: кто сидит в телефоне, кто пьёт чай, кто складывает вещи в пакет, чтобы отнести на стирку. На первом этаже соседней гостиницы стоят две стиральные машины, можно самому постирать, а можно отдать на рецепшен, заплатив сто пятьдесят рублей. Вышли на балкон. Моросит дождь. Сквозь туман мутно различаются очертания поросшей лесом вершины.

Чуть позже мы с Вахой спустились вниз, на рецепшен – мне ещё нужно определиться, где жить. Но свободных мест пока не оказалось. Работа здесь вахтовая, рабочие после смены – обычно сорок пять дней, но можно оставаться дольше – едут домой, в отпуск, на две недели. Так что в гостинице постоянно кто-то уезжает домой, кто-то возвращается обратно.

Через полчаса у нас появляется гость. Это Ибрагим Гаджиев. Познакомились. Ибрагим – смуглый, широкоплечий мужчина примерно моих лет. Он из Хасавюрта. Оказалось, он и собрат по перу. Ещё год назад работал внештатным корреспондентом в «Вестях республики». Узнав о проблеме, он воскликнул:

– Так я завтра домой уезжаю, в отпуск. Займешь мое место. Пойдем, с ребятами познакомимся, скажем заодно заранее, чтобы никого не подсеяли.

Фирма «Трест трансстрой» арендует три гостиницы. Напротив «Мандарина», через дорогу, расположилась гостиница «Диана», тоже пятиэтажная, позади нее третья, безымянная, которую называют просто – «Новая».

Назавтра, часов в десять, я опять отправился в офис, где получил «рабочку»: брюки, футболку, курточку, фуфайку, ботсы, сапоги и каску. Эта каска доставила мне немало хлопот. Она очень мешала, с непривычки было такое ощущение, что носишь на голове кастрюлю. Но без нее находиться на объекте запрещалось, и если тэбэшник (сотрудник отдела безопасности) видел тебя без каски, штрафовал сразу на пять тысяч рублей. Впрочем, через некоторое время я настолько привык к ней, что нередко возвращался в гостиницу в каске, забыв снять ее в бытовке, и вспоминал о ней, только собираясь в душ. Вернувшись к себе, я посидел некоторое время перед телевизором, потом отправился на прогулку. В гостинице было пусто, все находилось на работе.

Вечером, в половине седьмого, вернулись ребята. Со мной в номере трое: Женья из Ростова, розовощекий крепыш с длинными рыжими волосами, собранными в хвостик, спокойный и рассудительный Коля из Твери, Сергей из Курска, все свое свободное время проводящий с ноутбуком. Все трое работают на стадионе, мне же предстоит завтра выйти на железнодорожный вокзал. У фирмы здесь три объекта: стадион «Фишт» (где проходило открытие и закрытие Олимпиады), вокзал и очистные сооружения. Вообще-то, ее объекты раскиданы по всей стране, вплоть до Камчатки. Ваха в прошлом году провел в какой-то камчатской глуши, где и связи-то не было, почти пять месяцев. Каждую субботу их возили на грузовике за шестьдесят километров, чтобы они могли позвонить домой.

Работают в нашей фирме представители разных национальностей: русские, татары, казахи, турки-месхетинцы, кумыки, лезгины, белорусы... Чеченцев человек десять. Всего же в Адлере нас, трестовцев, более двухсот человек.

Звонит будильник, и я хлопаю рукой по тумбочке в поисках телефона, чтобы заставить его умолкнуть. Потом понимаю, что это не мой телефон, и встаю. Начинается мой первый рабочий день.

Позавтракав в столовой, в промозглой сырой темноте садимся в автобус. Два автобуса на стадион, два на вокзал и один на очистные. Едем минуту двадцать пять.

Тьма едва начинает рассеиваться, когда приезжаем на место. Все достают свои пропуска и проходят КПП. Я долго объясняю хмурому невыспавшемуся охраннику, что я новенький и у меня пока нет пропуска, и когда подошедший Ваха подтверждает это, меня пропускают. Идем по грязи ко входу в здание вокзала. Это здание, возведенное в стиле модерн, напоминает по форме огромную волну. Поднимаемся по узкой крутой лестнице на третий этаж. Все здание завалено мешками с цементом и разной строительской смесью, бочками, железяками, кирпичом и просто мусором и напоминает встревоженный улей. Визг, лязганье, жужжание разных рабочих инструментов, приглушенные пустотой голоса. Всполохи электросварки. Проходим на другой конец вокзала, спускаемся по еще одной крутой лестнице и выходим из здания. Оказалось, таким образом мы переходим железнодорожные пути. Позже мы чаще переходили прямо по рельсам, карабкась на платформы, которые находились на уровне человеческого роста. Я заметил, что часть рабочих, пройдя КПП, повернула налево, не заходя на вокзал, и сказал об этом Вахе.

– Они работают на морской части, а мы – на городской, – пояснил он.

Вокзал остался в ста метрах позади, и мы пошли чуть медленнее. Дальше путь лежал прямо по жиже, и я пожалел, что надел бутсы, а не сапоги. Ребята, осторожно ступая, шли по известной одним им тропинке через это болото. Наконец, пришли к вагончику, где хранился наш рабочий инвентарь. Попили, как было заведено, чаю и разберлись по объекту.

Это огромная огороженная забором стройплощадка, где трудится тысячи три-четыре, не меньше, человек из разных фирм. Здесь полный интернационал. Кроме представителей разных народов России, на объекте работают таджики, узбеки, молдаване, украинцы, сербы, немцы, американцы, даже северные корейцы...

Наша задача – проложить электрокоммуникации. Пока ведем подготовительные работы.

Рядом с вагончиком узбеки заканчивают работу над КТП – контрольно-техническим пунктом, или, как его здесь почти ласково называют, «катэпушкой» (или просто «тэпушкой»). Сразу от него начинается большая – метра три-четыре глубиной и до десяти шириной – траншея, которая должна выходить к зданию вокзала. Позже от нее прокопаем еще несколько траншей, поменьше. На морской части – она называется так потому, что совсем рядом берег моря – свои схемы и своя «тэпушка», но все наши траншеи сходятся к вокзалу. Так как море близко и грунтовые воды залегают неглубоко, за ночь траншеи наполняются водой, и мы должны ее откачивать и одновременно собирать в траншеях, на определенном расстоянии друг от друга, колодцы, через которые позже протянем кабель.

В первый день работы я отправился с двумя ребятами на дальнюю траншею с помпой откачивать воду. Мы потащили туда помпу, шланги, канистру с соляжкой, утопая по колено в грязи. Подготовили на выступе траншеи площадку и поставили на нее помпу. Надо сказать, что я понятия не имел, как работает эта штука. Паша, парень лет двадцати пяти, закинул один шланг – оказывается, он называется рукав – на дно траншеи, в грязную воду, второй, более длинный, за насыпь из грунта, и прикрутил их к помпе. Второй ушел куда-то с ведром

и вернулся с чистой водой. Потом залили в бак солярку, во второй бак воду и завели. Помпа затарахтела, шланги дернулись, и по ним пошла вода.

Мы провели у помпы целый день, следя, чтобы она не заглохла, рукав не забился грязью и, по необходимости, заправляя ее соляркой. Другие в это время устанавливали в траншеях колодцы, заделывая щели раствором, в это же время экскаватор удлинял траншеи, копал новые.

В час – обеденный перерыв. Кто-то принес обед с собой в сумке, некоторые отправились в столовую (правда, туда далековато идти), где за сто двадцать рублей кормят комплексным обедом, а можно отовариться в небольшом магазинчике, что находится неподалеку, для чего нужно перелезть через забор, стараясь, чтобы кто из начальства не заметил. Мы с Вахой и Бекханом сходили в магазин. Так начались мои трудовые будни на адлерском вокзале.

Территория вокзала напоминает разворошенный муравейник. Если подняться на верхние этажи здания и окинуть площадку взглядом, поражаешься масштабом стройки. Огромные краны, экскаваторы, снующие туда и обратно большегрузы напоминают инопланетных насекомых-мутантов из фильмов, копошащиеся на их фоне рабочие кажутся отсюда совсем крошечными. Везде стоит грохот, доносится свист электровозов, гвалт. Рядом с вокзалом новенькое шестиэтажное здание. Его возвели года два назад. Но оно не вписалось в проект Олимпстроя, и теперь подлежит сносу. Рядом с ним стоит громадная машина и какой-то штуковиной, напоминающей в стократ увеличенный перфоратор, крушит его. Вдоль и поперек стройплощадку избороздили траншеи. Даже не верится, что меньше чем через год здесь все будет готово к приему столь важного спортивного мероприятия.

К апрелю дожди стали досаждать реже, скоро совсем потеплело. Грязь подсохла, и скоро на объекте можно было ходить уже в рабочих кроссовках.

Через месяц во время обеденного перерыва уже ходили на море. Наплававшись в теплой воде, раскладывали прямо на берегу купленные в магазинчике продукты и грелись на майском солнышке.

Окончание следует.

Заур Ганаев

Я тайну полюбил...

Кофе остывает. Тают лица.
Веки наливаются свинцом.
Пусть ему сегодня не приснится
Смерть с ее простреленным лицом.

Свет горит. Дыхания не слышно.
Тень волной не пролилась на грудь.
Тает снег, рассыпанный по крышам...
И свеча, что некому задуть.

Когда небесное светило
Скользит в сиреневый закат,
Какая-то живая сила
Ворует мой усталый взгляд.

И я, теряя сон и угол,
Привычный телу в темный час,
Стремлюсь, испытываемый мукой,
Переманить ее тотчас –

Из липкой паутины мрака,
Из тьмы да в кровь, затем – в уста.
Из уст – копировальным знаком
Чернить белизну листа.

Но что есть жертва, что есть муки,
Когда терзаем не поэт,
А юноша, смешавший звуки
В стихе, не породившем свет?!

Такая глупая растрата
К утру невосполнимых лет...
Такая жалкая приплата –
За веру, что и он... Поэт.

Снова жизнь метнулась по наклонной...
Если наступила тишина –
Может, от отчаянности темной,
От ее горячего вина?

В тихом царстве заглубинной боли
Негде кануть, некуда поплыть;
Эту жизнь я вытерплю –
Доколе будет чем бумагу обогреть.

Усталость ли? Усталым – только сна,
Но мне не сон вылечивает душу.
Я тайну полюбил и втайне трушу –
Развеяться, всей тайны не познав.

Спокойствие?
Спокойна только смерть.
Хотя она, по-своему, мерило –
Я все ж не забирался на перила,
Чтоб с нею успокоиться посметь.

А счастье? Мгновение и страх
Незваного, случайности природы...
Так в приступе разлившиеся воды
Затапливают травы на лугах.

Пробуждение

Надень носки,
Создай иллюзию тепла.
Затем поспи,
Проснись со зла –
И обругай кровать.

Возьми тетрадь,
Портфель и плащ...
Будь злым, не плачь!
Не смей отчаиваться! Пусть
Одна лежит в постели грусть.

Покинь свой дом,
Забудь ключи,
На всех соседей накричи...
И пропади навеки. Прочь!..
Канув в октябрьскую ночь.

Аслан Джабраилов

Родился в г. Грозном 5 октября 1979 года. Окончил ЧГПИ в 2002 году, преподает английский язык в ЧУПО «Экономико-правовой колледж» и ГБПОУ «Грозненский педагогический колледж». Стихи пишет с 15 лет. Любит творчество таких русских и чеченских поэтов как: А.С. Пушкин, С.А. Есенин, У.Д. Яричев, М.Б. Гешаев; из зарубежных классиков предпочтение отдает Джорджу Байрону, Уильяму Шекспиру. Пробует свои силы в написании рассказов, сказок и коротких историй.

Размышления о жизни...**Терзания души**

В скитаньях долгих
и в бесцельных думах,
каскадом суетных
перипетий житейских в пляс.
С оглядкой в прошлый день,
без ропота и шума,
листаю памяти страницы каждый раз.

И в них, контрастом,
всей палитрой красок
мерцают и блестят, толкаясь в ряд,
мгновения судьбы без рифм и масок
и беспокойно душу теребят.

И в миг покоя на просторах грез,
как остров ослепительного счастья,
сквозь тернии и водопады слез
вчерашний образ мне уже не властен.

И смешно, и будто вовсе не всерьез,
мелодией давно забытой песни
Слова мои безмолвные звучат
в стране никем
не понятой, безвестной.

Смерть

Принять нам всем придется смерть,
навекы лечь в земную твердь,
и кару Божью принять –
за все мы будем отвечать.
И слезы вовсе ни к чему,
все это позднее «тону»...
Где был ты раньше – помани.
Попробуй жизнь теперь верни!

Дружба

Друг всегда познается в беде.
В этом случае – он настоящий.
Ты пройдешь с ним невзгоды везде:
он отзывчив, он прост, ненавязчив.
Время мчится, и циферблат
все стирает – года и здоровье,
но твой друг с тобой рядом, как брат –
делит все и делами, и кровью.
Нет по жизни дурного конца,
и не будет тревог и печали.
Пока бьются мужские сердца,
они скованы дружбой из стали.

Подаяние

Одетый в лохмотья, без дома и рода,
он молча стоял и смотрел на людей.
Усталую руку тянул он народу,
от них ожидая каких-то грошей.
Но люди проходят, как будто не видят,
что кто-то так жалостно
просит помочь.
Он сильно устал.
Стал просить уже сидя
и тихо уснул в холодную ночь.
И, может, во сне ему виделось счастье,
богатство, семья и желанный покой...
Лишь снами он рвал оковы несчастья
и умер отвергнутый черствой толпой.

Изгой

В его жизни нет
светлых, счастливых
минут,
он извечно один –
без семьи и покоя.
И иные в душе его
мысли живут...
Лишь глаза его
боль и страданий
не скроют.

Годы

Словно птицы года мои
вдаль улетают,
унося за собой все бывшее:
и радость мою, и печаль.
Мне давно уж за тридцать,
думы, память
тихонько ветшают,
не давая опомниться
сердцу
сквозь тугую вуаль.
Кем я только
не грезил по юности
стать в одночасье!
Сколько глупых, абсурдных
я дел натворил.
Но, всему вопреки,
неизменно стремился
я к счастью,

и свой малый отрезок,
полагаю, не зря я прожил.

Природные мотивы

Дуют ветры буйные,
шелестит трава,
речка тихоструйная
тянется едва.
Замело дорожки
свежею листвою,
и уснули птицы
под ночной луной.
Лес. Кругом лишь
тишина.
Светит одиноко
полная луна.

Молодость

Жизнь пройдет, как бы нам
ни хотелось
в этом мире тернистом
пожить.
Все пройдет, как весенняя
спелость –
молодым нельзя
вечно быть.

Лирика

Ароматом цветов,
ярким солнечным светом,
в тихом летнем саду
две орбиты сошлись.
Легкой поступью осень
пришла незаметно,
и, погасши, они
в тот же час разбрелись.
Лишь обрывками в памяти,
эхом пестрится
фраза – «свечи погасли
и чувств больше нет»;
для любви этой яркой
мы закроем страницу –
но на сердце всегда
будет солнечный свет.

Малыши

Ушки, глазки, милый ротик,
ручки, ножки и животик.
Ангелочки во плоти –
лучше просто не найти!

Каждый шаг, игривый возглас,
дивный смех, неловкий жест.
Беззаботный резвый возраст,
детства кроткого расцвет.

Вы как радуга, как солнце,
неба звездного парад.
Сердца чуткого оконце
и души радушный взгляд.

Начистоту

Высшая степень
любого деяния
благом воздастся
иль будет грехом –
для терпеливых
большим воздаянием
и для беспечных –
Страшным судом.
Как же циничны
и жалки душою
все, кто безудержно
рвется грешить.
Что им запреты
или устои –
дай только вдоволь
зла наплодить.
А если честно,
к чему тут примеры –
все мы на равных
погрязли в грехах.
Дай нам, Всевышний,
знать во всем меру,
даруй покаяние
и помощь в делах!

Совет

Встречайтесь, радуйтесь,
ликуйте!
И не жалеите пышных фраз,
входя в неистовый экстаз,
себя быть вместе обязуйте.

Наплюйте на упреков тьму,
но начеку быть не во вред,
И на расспросы: «Что?», «К чему?»
Не стоит измышлять ответ.

Держите планку над собой,
тем самым ставя цели снова –
не быть алтарною овцой
иль обреченным быть в оковах.

И, наконец, лжи постыдитесь,
и черной зависти, и лести.
Они, как зла творенья, вместе –
погибель наша – воздержитесь!

Лидия Довлеткиреева

Выше гор

Чтобы вода из горного источника не растворилась в песке, не затерялась в камне, нужна колея, нужны берега...

Обычаи, унаследованные от наших предков, и есть эти берега, они-то и удерживают людей в одном русле...

М. Ахмадов

Перефразируя великого поэта и артиста, скажем: «Выше гор могут быть только горы», и горы эти – многовековая башня традиций и обычаев, возведенная семью праотцами, благодаря которой не накрыли чеченский этнос волны времени с их бурными историческими перипетиями.

30 июня Чеченский национальный драматический театр им. Ханпаши Нурадилова отметил закрытие 86-го театрального сезона спектаклем по пьесе народного писателя ЧР Мусы Ахмадова «Выше гор», лейтмотивом которой и являются слова, вынесенные в эпиграф.

Концентрация этнического мировидения в полотне драмы столь велика, что можно было бы использовать этот спектакль как художественное пособие по чеченской ментальности. Так вот они какие, оказывается, эти чеченцы! Вот, что они ценят и что осуждают, чем руководствуются в своих поступках, что владеет их сердцами и умами, что движет их по дорогам жизни.

В пьесе Мусы Ахмадова каждое слово весомо и является камнем той самой нравственно-этической башни, которую драматург-зодчий, трансформировав сквозь собственное творческое сознание, искусно моделирует для читателя и впоследствии – зрителя. Помогают ему в этом фольклорные тексты, являющиеся «исповедью народа» и представляющие собой образцы высокой культуры. Сюжет и словесная ткань пьесы сотканы из жемчужин чеченского устного народного творчества: легенды об опоздавшем на воинский сбор; легенды об отце, простившем убийцу сына; притче о волке, которому доверили отару овец; а также пословиц, поговорок, устойчивых образных выражений, сравнительных оборотов, ярких общеязыковых и индивидуально-авторских метафор, коими богата речь персонажей.

В различных эпизодах драмы зрителю открываются все новые и новые фрагменты национальной психологии и этики. Словно пазлы, соединяясь, они создают удивительную, сложную картину чеченской ментальности: древний обычай «орцане кхайкхар» («призыв о помощи»); мудрость Мехк-кхелла; свадебный обряд и обряд прощения кровника во всех их тонкостях и глубокой символичности каждого шага и слова; красота взаимоотношений влюбленных сердец – Элси и Аматы – на фоне чистого горного родника; значимость концепта «слово» («дош») в различных жизненных ситуациях: девушка дает слово возлюбленному выйти за него замуж; дочь жертвует своим счастьем, чтобы отец сдержал слово перед людьми; слово оставить опасную абреческую тропу дает матери и Улби; он же обещает царскому полковнику вернуться на собственную казнь...

Зритель получает наглядное представление о том, какую полярную пару в национальном сознании составляют такие этические константы, как «собар» (терпение, выдержка) и «сихалла» (нетерпеливость). Именно «сихалла» – молодая горячность – превратила благородного, лирически одаренного кузнеца Элси в кровника, перечеркнула не только невинную жизнь Тойсума, но и сделала несчастными Амату, старика Гойсума, самого Элси. У Элси есть «двойник» — опоздавший из первой легенды – Говда, которому выдержка (собар) позволила обуздать зависть и гнев и спасти жизнь сопернику ради счастья любимой девушки. Благодаря иману (вере) и собару (выдержке) Гойсум

Сцена у родника: Амата (П. Мезиева) и Элси (А. Цингиев).

смог с честью преодолеть ниспосланное Всевышним испытание, достичь высоты человеческого духа и простить убийцу сына. Внутренняя борьба героя, его мучительный выбор, страдания от потери сына, поиск пути, угодного Создателю, психологически точно переданы игрой легенды чеченского театра и советского кино Дагуна Омаева, особенно в драматичном монологе-молитве. И если в «Легенде об Уленшпигеле» пепел Клааса «стучал» в сердце героя как напоминание о необходимости возмездия врагу и борьбы с ним, то здесь каждый удар молотом по наковальне прощенного Элси символизирует благородство Гойсума и увеличивает меру моральных мучений как отца убитого, так и самого Элси, для которого дальнейшая жизнь стала наказанием и опущенной судьбой возможностью очищения через душевную боль. Дихотомия Добра и Зла – одна из центральных в постановке.

Иман (вера), тешам (доверие), собар (терпение), дош лардар (верность данному слову), кьинхьегам (труд), нана кьинтерьяккхар (прощение матери), кьинхетам (милосердие), уьйра (приятель во взаимоотношениях) и многие другие этические формулы бытия, благодаря мастерским композиционным решениям, ненавязчиво формируют у зрителя представление о чеченском микрокосме. Каждый концепт, как элемент данной мозаики, открывает нам тайну национального характера и ментальности, дает доступ к духу народа. Конечно, все эти нравственные ценности можно считать общими для всех народов. В то же время в своем семантико-символическом наполнении они имеют отличительные особенности, специфичные для ментальности и национального характера, культуры и традиций. В спектакле показано, в чем заключается уникальность и неповторимость этих категорий, их чеченское своеобразие, таким образом, содержание общечеловеческих ценностей для широкого зрителя обогащается.

Отрадно, что, стараниями и талантом всех без исключения создателей спектакля «Выше гор», столь насыщенная ментальными вкусами и запахами драматическая фантазия автора получила блистательное сценическое воплощение. Режиссура, сценография, игра артистов (задействована вся труппа), музыкальное оформление, костюмы, декорации... – весь творческий инструментарий Чеченского национального театра максимально сработал на раскрытие авторского замысла! В результате – искренние слезы зрителей, покидавших зал в состоянии пережитого катарсиса, овации артистам, реплики «Браво!» и, между собой, «Не смогла сдержать слез!», «Очень сильно!», «А ты не хотел идти!»...

Невозможно не отметить игру талантливейших артистов, причем на равных с мастерами проявили себя и молодые участники коллектива. Петимат Мезиева, заслуженная артистка ЧР, сыгравшая Амату в юности, восхитила не только

Абрек Улби (С. Ахмадов) и мать Амата (З. Багалова).

красотой, но и способностью очень естественно выразить разнообразные чувства своей героини: умело используя интонационно-голосовые средства, она передает недолгое счастье любящего и любимого сердца в сцене у родника, в свадебном обряде – сдержанность и душевная боль девушки, вступающей в брак не по любви, создаются автоматизмом ее действий, скованной мимикой и бледностью (то ли искусный грим именно для этой сцены создал такое впечатление, то ли артистка настолько вошла в роль, что действительно побледнела), и, наконец, в самообвинительном монологе у родника она также достоверно передала гамму эмоций всеми имеющимися в распоряжении артистки вербальными и невербальными возможностями коммуникации...

Звезда чеченской сцены, заслуженная артистка РСФСР Зулейхан Багалова, казалось бы, сыграла эпизодическую роль Аматы в зрелом возрасте. Но эту роль никак нельзя назвать ролью второго плана, потому что в контексте спектакля архетипическая роль Матери весьма многосмысловая, диалог Аматы и Улби – одно из важнейших звеньев сценария, ведь на нем завязана дальнейшая кульминационная сцена, объясняющая поведение героя. З. Багалова, как опытный и талантливый мастер сцены, смогла быть одновременно запоминающейся и в то же время незаметной, то есть не выпячивающей себя на фоне главного героя третьей части – абрека Улби. Такую игру можно, без преувеличения, назвать утонченной и деликатной. И если Багалова была выразительна в тихой женственности своей героини, то ее партнер, заслуженный артист ЧР Сулейман Ахмадов, напротив, был выразителен в яркости и мужественности созданного им образа. Духовная эволюция Элси также была очень убедительно отображена тандемом заслуженного артиста ЧР Аюба Цингиева и народного артиста ЧР Бай-Али Вахидова.

В спектакле, как было отмечено выше, задействована вся труппа, поэтому и роли второго плана, и роли с несколькими репликами и даже без слов стали настоящими подарками для театралов, которые, несмотря на профессиональный грим, узнавали своих любимых артистов: народного артиста РСФСР Муталипа Давлетмирзаева, заслуженную артистку РСФСР Раису Гичаву, народных артистов ЧР: Амрана Джаммаева, Мовсара Атаева, Санухат Хакишеву, Успана Зубайраева, Хожбауди Исраилова, и молодых звезд, заслуженных артистов ЧР: Шерипа Джабраилова, Рамзана Умаева и других.

Эффектные костюмы и декорации, над которыми работали известный чеченский художник Султан Юшаев и молодой художник театра Ахмед Салгереев, оригинальное музыкальное оформление спектакля произведениями народного артиста КБР Мурата Кабардокова, безусловно, способствовали более глубокому восприятию зрителем происходящего на сцене действия.

Музыка удивительным образом создавала ощущение вечности, плавной перетекаемости времени, без резких переходов, ведь события разворачивались в разные исторические эпохи, пред нами предстали три поколения чеченцев, причем даже далекие языческие предки.

Ощущение волшебного воздействия спектакля на зрителя возникает во многом благодаря великолепной режиссерской работе народной артистки, заслуженного деятеля искусств ЧР Хавы Ахмадовой, которая, как показывает творческий результат, очень профессионально чувствует индивидуальность актера, умеет отследить, как в его игре отражаются авторские и режиссерские замыслы, ставить перед артистами и всеми службами, работающими над спектаклем, правильные задачи.

Одна из находок постановки – символично-архетипический образ кузнеца (мастера, творца, труженика, созидателя) и кузни, которым открывается и закрывается спектакль, создавая композиционное рондо и расставляя нужные акценты. В первом эпизоде перед нами предстают молодой подмастерье Элси и его Учитель – опытный кузнец, а в финальном аккорде спектакля мы видим уже пожилого, прошедшего через молох жизненных испытаний Элси, и ставшего на путь Созидания молодого Улби. Это сюжетное кольцо образует пару «молодость» – «старость», «энергия, сила» – «опыт, мудрость», подчеркивая преемственность поколений, непрерывность передаваемых от праотцов этических идеалов, духовное взросление героев.

Вообще, весь спектакль изобилует удачными режиссерскими и сценографическими решениями, которые позволяют зрителю ощутить причинно-следственную связь времен, придают динамизм повествованию и имеют подспудные знаковые смыслы. Так, солнце в различных картинах, то обогрешное красным цветом, то ярко-желтое – важный цвето-световой прием, который также символизирует цикличность явлений, происходящих в разные исторические периоды, но взаимообусловленных звеньями общих судеб, ценностных категорий, непреходящей борьбы Света и Тьмы.

Продуманы мельчайшие детали, нацеленные на усиление зрительского восприятия и придающие зрелищность постановке. Например, тайные солярные знаки вайнахских башен (петроглифы) на декорациях и на костюмах старейшин чеченского Мехк-кхелла, тоже работают на концепцию спектакля, подчеркивая вневременность поднимаемых проблем и вопросов, незыблемость нравственно-этических установок, значимость культурных традиций. Сценические спецэффекты в виде дыма, создающего ощущение исчезающего в исторической дымке фрагмента спектакля, имитация снега и другие «фишки» – все нацелено на максимальное погружение в идейный замысел этого художественного произведения, в котором Вечность является одним из главных героев.

Хочется надеяться, что драма «Выше гор», ставшая событием 86-го театрального сезона Чеченского национального театра им. Х. Нурадилова, будет иметь яркую сценическую жизнь и радовать новые поколения зрителей.

Гость редакции

«От правды жизни к правде художественного слова»

В этом году известному чеченскому литературоведу и литературному критику Казбеку Байсаловичу Гайтукаеву исполнилось 80 лет. В течение долгих лет он работал в Чечено-Ингушском государственном университете и Чечено-Ингушском педагогическом институте, входил в высший профессорский состав. С 1997 по 2002 гг. являлся председателем Союза писателей Чеченской Республики. Автор многочисленных научно-исследовательских работ по русской и чеченской литературе.

Сегодня Казбек Байсалович – гость нашей редакции.

Муса Ахмадов. Казбек, мы с Вами знакомы давно. Вы были моим университетским преподавателем, затем и наставником в литературе. Вы известны в широких литературных кругах. Но все же расскажите нашему читателю о себе, своих корнях...

Казбек Гайтукаев. Лестно слышать – «наставник» от литератора-гуру. «Университетский преподаватель» – это так. Правда, на филологическом факультете нас было 58 человек, подвизавшихся в преподавании гуманитарных дисциплин, и среди них немало достойных упоминания...

При разговоре о корнях нельзя исключить соблазна дать памяти увести себя в неблизкие пласты прошлого. Прежде у меня брали анкетные данные. Их можно найти в Интернете. Там нет подробностей, которые сегодня предлагается включить в паспортные данные по пятому пункту... Я придерживаюсь традиций почитания памяти пращуров, по крайней мере, последних «семи отцов», а это порядка двухсот лет составной части истории народа.

Полагаю нужным определиться сразу: в параде тайповых сходок, съездов и прочих чаепитий девяностых участия не принимал принципиально. Вайнахи уже со времен и в результате большой Кавказской войны выросли из родовых пеленок, осознали себя нацией: исторические обстоятельства и катаклизмы объединили и сформировали чеченскую нацию. Попытки реанимировать сегодня родо-племенные отношения непродуктивны и лишены перспективы.

Для краткости самоидентификации, наверно, было бы удобно ограничиться ссылкой на поэта и моего друга Магомеда Дикаева, к сожалению, рано ушедшего из жизни: «Нохчо ву со!» («Чеченец я!»), имея в виду то содержание, которое он вложил в это стихотворение. Однако без некоторых деталей из жизни ближайших предков, отца с матерью тоже, видимо, не обойтись.

Корни моих родителей самые что ни на есть чеченские. Точнее, даже ичкерийские, как это с недавних пор стало модно говорить и писать. Отчасти, как мне представляется, эта мода возникла не без влияния лермонтовского «Валерика»: «...Из гор Ичкерии далекой // Уже в Чечню на братний зов // Толпы стекались удалцов». Название «Ичкерия» – искаженное (чиновниками-переписчиками) от кумыкского «Ичин ери» – «Внутренняя территория», «Нохчмохк» – по-чеченски. Мать моя, Белита, столбовая ичкерийка – саясанка из семьи Пайзуллаевых, известных тем, что один из их предков, Бешто, был сподвижником миссионера Ташу-хаджи (Воккха Хьаьжа), который, как гласит предание, первым в Чечне принял имама Шамиля... Судя по сохранившейся фотографии 1933 года и семейной легенде, Белита тянула, по меньшей мере, на голливудскую звезду первой величины (на сыновний взгляд тоже). Последнее ответвление (гар) по мужской линии ведет себя от Таба, Табин-некъи из Билтоевых. Ни более известные представители этого рода – Таймин Бийболат,

Казбек Гайтукаев

который в новейших изысканиях литературоведов подозревается в отцовстве Михаила Юрьевича, и Инарла Орца, дослужившийся до чина генерала в личной охране Александра II. Другие, кого не назвал, надеюсь, простят меня...

Об отце, Байсало, не могу сказать даже забавы ради: «юрист». Ему дважды пришлось прервать учебу на рабфаке как «кулацкому сыну»... Его отец Дака благоразумно для своего политически смутного времени отправил одного из шести старших сыновей, Гезамахьму, к богослову в Х1аьнджи (Н1ан1и, ныне Махачкала) для получения исламского образования, а младших, вместе с двумя дочерьми, отдал, согласно большевистской партийной программе «ликбеза», учиться в советскую школу...

Время, действительно, было более чем смутным: после революции и гражданской войны по всей стране шли зачистки от «классово чуждых элементов». В Чечне они были на порядок жестче. Красные эскадроны без усталости рыскали по городам и весям, выслеживая врагов новой власти. Люди, оставляя обжитые места, постоянно перемещались с места на место в поисках безопасности. Случалось, женщины рожали на ходу, пеленали на бегу. Думать о должном уходе за новорожденными не было времени. Показательно – тогда в Чечне получила новое дыхание песня времен антиколониальной борьбы с известным рефреном: «Ласта, ластва, букар цхьамза Ведана аре, я Капказ...» («Размахнись, размахнись, горбатый штык, о Кавказ»).

После исключения из грозненского рабфака отец, поменяв фамилию на имя деда – Гайтукаев, отправился в Ростов-на-Дону для продолжения учебы, но «мощ» («язык», в смысле донос) последовал за ним и туда. Таштемир Эльдарханов (1870 – 1934), известный общественно-политический деятель – просветитель, перемещенный на тот момент с должности Председателя национального совета при крайисполкоме СК в руководители ОНО, призвал его к себе и с искренним огорчением, как вспоминал отец, сообщил: «Декъаза къам ду вай: «мощ» кхуза а кхаьчна хьуна т1аьхьа. Цкъачунна ц1а ваха дезар ду хьан...» («Несчастный мы народ: даже здесь тебя настигли доносчики. Предется тебе на время уехать домой...»). Таштемир по-отечески посоветовал удрученному студенту-неудачнику: «Зуда а ялайай, дешар д1а ма тасалахь...»

(«Женившись, не забрасывай учебу...»). Однако судьба распорядилась по-своему. Их поженили – Белиту и Байсало. И у них народилось восьмеро детей, шесть мальчиков и две девочки, столько же, сколько у деда... Сохранить удалось только четверых сыновей. И, памятуя о наставлениях первого чеченского просветителя, родители сумели дать нам, своим детям, высшее образование... Этим, без всяких скидок, мать с отцом совершили свой родительский подвиг. На их долю выпало жить, сказать точнее, выживать во времена «раскулачивания», «большого террора» и катастрофы 1944-го – «чеченского холокоста», сравнимого с еврейским, когда по пути и на чужбине вымерло до половины депортированных вайнахов. Вот и задумываешься, «кому на Руси жить хорошо» было, какому поколению наших предков...

Муса Ахмадов. 23 февраля 1944-го года... Вам 7 лет. Насколько хорошо Вы помните этот день? Ваши детские впечатления?

Казбек Гайтукаев. Да, мне было неполных семь лет. В тот день 23 февраля закончилось «моего детства счастливое неведение» (Шайхи Арсанукаев). Нас вывозили из Уцмиюрта, последнего нашего дагестанского убежища... Людей охватила растерянность и тревога от внезапной «черной вести» («лаьржа кхаь») – «Нас выселяют!». Казалось, тревога хозяев передалась и домашней живности... Когда громоздкие студебеккеры, скользя по мокрому бездорожью, едва успели повернуть за поворот, раздались частые хлопки выстрелов. Это солдаты готовились пообедать теперь уже бесхозной домашней «дичью», стреляли по гусям, курам, индейкам. Видно было, как белые гуси взлетали над плоскими крышами саклей-временок и падали, сраженные боевыми пулями. Дворняжка Дамка, с которой мы дружили, долго бежала за нашим грузовиком... С тех пор у меня особая привязанность к собакам и у них ко мне, как мне кажется.

Такое же чувство тоски, но уже в более философском оформлении, я испытал в тот же день, когда наш вагон, забитый доверху «спецпереселенцами» – ичкерийцами, загрохотал по мосту через Терек. Все в едином порыве прильнули к проемам меж грубо подогнанных досок вагона, оборудованного для перевозки баранты и КРС. «Терк, Терк!» – зашумели все разом. Густые темно-зеленые леса, как мохнатые горские папахи, нависали с обоих берегов и отражались на спокойной здесь глади могучей реки. Я с детства любил лес и Терек, несколько раз со сверстниками бывал на правой его стороне, напротив Каргалинска. Помню, как опасно приближался к берегу и подолгу заворожено смотрел на его грозное, неспешно-торжественное течение. И вот, когда эшелон в клубах душливого дыма уносил нас в неизвестность, любимая река безмятежно несла свои воды по родным просторам в привычную даль... И именно в тот момент, я точно помню, зародилась в голове у меня недетская мысль: «Неужели это я уже никогда больше не увижу?» В последующем эта мысль только росла. Никогда не угасала надежда когда-нибудь все это – Даймохк – увидеть снова...

Эшелоны, обгоняя один другой, день и ночь шли на Восток. Некоторые из них добирались до места назначения через месяц, другие – недели через три. К концу пути в вагонах становилось заметно просторно из-за роста смертности среди репрессированных. Оказалось, что далеко не все смогли взять с собой даже разрешенные 16 кг. Люди в вагонах умирали с первых же суток. Тела складывали в отдельном вагоне в конце эшелона. Никто до сих пор не знает, что дальше происходило с трупами... На второй неделе пути и наша семья понесла первую утрату. Две девочки, родившиеся до меня, умерли еще в младенчестве. Я их не помнил. Теперь вот умер мой братик Джабраил, ему было меньше года. На коротких остановках часовые, обходя вагоны, спрашивали, нет ли умерших. Мать долго не отдавала тело сыночка. Когда в очередной раз поезд остановился, отец уговорил мать, и запеленатое в бабушкин платок тельце

Джабраила понес куда-то вдоль эшелона, а, вернувшись, сказал, что передал его казахам-мусульманам с деньгами для захоронения... Мать, кажется, не поверила... Отец был молчалив, сурово сдержан, чувствам воли не давал, как и другие мужчины... Мне тоже следовало быть строгим и сдержанным в эмоциях, как чеченцу, сыну своего отца, но я тогда был маленький и всего этого еще не знал. И поэтому, укрывшись одеялом, в углу на нарах мы с матерью проплакали всю оставшуюся дорогу...

Запомнился эпизод. Однажды по прошествии времени, уже на месте прибытия, в кишлаке районного статуса две дамы, явно не из аборигенов, отозвали меня; я с местными узбекскими мальчишками приноровился играть по мелочи в «сякка» (игра в плоские камешки) на деньги и стали о чем-то расспрашивать, я не понимал, о чем. Но точно запомнил, когда одна из дам, глядя меня по голове, сказала: «... вот и вас через двадцать лет отпустят»... «О, – это сколько же мне будет... – 27 лет!» – тут же подбил я итог, и он мне не понравился. До сих пор не могу объяснить, откуда, не зная ни слова из языка, на котором они говорили, мне запомнилась эта леденящая душу цифра. Или мне показалось?..

Но ничто не вечно под луной. Чеченцы и ингуши, сосланные на «вечные времена», после 13 лет вернулись на свою Нана ДеГласта, чтобы припасть к могилам предков, разгрести золу давно остывших очагов и снова зажечь в них огонь жизни...

В 27 лет я уже был аспирантом при кафедре русской литературы XIX века МГПИ им. В.И. Ленина, писал диссертацию, параллельно искал ответы на вопросы: как такое могло случиться и почему оно случилось с нами? Позже я узнал, что не только с нами... Конечно, я был не один и даже не первый, кто искал ответы на эти вопросы. Вот спрашивают, что двигало нами, поколением чеченских «подранков»? Пожалуй, лучше Александра Радищева, «первого русского революционера», по оценке «вождя мирового пролетариата», не скажешь: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Определяющее слово здесь – «уязвлена», от «язва»... Кровоточащая рана от национального унижения и несправедливости и стремление очистить и защитить имя народа от державной клеветы и несправедливости. Если кратко, вот так, ни больше, ни меньше...

Горе той вайнахской катастрофы обществом до дна не испито, слезы до конца не выплаканы. На мой взгляд, рано «закрывать страницу», не высказав всей правды о ней, не изобличив и не осудив, пусть задним числом, всех к ней причастных – от исполнителей до заказчиков. Ведь имена главных известны...

Понятно, что последствия подобных злодеяний сами собой не рассасываются. Для чеченского народа, для его интеллигенции, в первую очередь, проблемакратно усложнилась в связи с двумя последними истребительными войнами. Для ее реального решения, что важно прежде всего в духовно-нравственной сфере, требуется встречное движения с обеих сторон... Для начала можно было бы реализовать в полном объеме Закон Правительства РФ от 1991 года «О реабилитации депортированных народов...». Далее. Необходимо настроить СМИ и ТВ с клеветы на «ЛКН» (и не только!) на мир и доброжелательство, создавать яркие, правдивые произведения искусства и литературы, направленные на созидание, а не на уничтожение... Кое-что в этом плане делается в республике и на федеральном уровне. Но явно недостаточно... Принизив одну из сторон и поставив на этом жирную точку, нельзя построить долговременных добрососедских отношений. Полезно помнить истину: «Ни одно решение нельзя считать окончательным, если оно принято на несправедливой основе» (автор не установлен).

Саламбек Алиев. С Вашей профессиональной точки зрения, долго ли чеченской литературе осталось до Нобелевской премии? «Нобелевская премия»

не собственно в смысле пресловутой награды, а как некий эталон уровня и качества. Есть предпосылки? Рискнули бы Вы назвать имя или имена?

Казбек Гайтукаев. Лучше воздержаться от озвучивания имен, чтобы кого-то ненароком не обидеть или не ко времени распалить графоманов...

Не преувеличение, что в современной чеченской художественной литературе накоплен идейно-эстетический потенциал, позволяющий ей претендовать на высокое место в рейтинге среди других национальных литератур... В ней имеются почти все жанры искусства художественного слова, известные в развитых литературах... Значительный приток творческих сил в литературу 70-х годов прошлого века был обеспечен молодежным клубом «Пхъармат» («Pharmat» – «Прометей»). В республике, теперь уже и за ее пределами, имеется устойчивый состав авторов, профессионально занимающихся литературным делом. Имена их широко известны, и их произведения переведены на ряд мировых языков. Важно подчеркнуть: они пишут на родном языке, и потому именно им принадлежит заслуга в развитии национального литературного языка не только в плане обогащения лексики, сколько в развитии образной структуры родной речи, в расширении ее стилистических и изобразительно-выразительных возможностей и, главное – велика их роль по обеспечению поступательного движения литературного процесса на основе собственного потенциала. Именно это делает литературу как вид искусства достоянием национальной культуры в целом. Учиться же можно у любого мастера на любом языке.

Несомненно, в республике есть из кого выбирать и кого номинировать на премии, в том числе и международные. Первое слово в этом плане должно принадлежать самим писателям, признанным мастерам печатного слова. Только так можно сделать правильный выбор и избежать повторения фиаско...

Роза Межиева. В 1999 году весь тираж Вашей книги «Писатель и его герои» был уничтожен на складе Дома Печати в результате бомбежки. Издавалась эта книга повторно? И, если можно, расскажите, о чем эта книга? Не потеряла ли она актуальность в наши дни?

Казбек Гайтукаев. Что там... «весь тираж...». Вся Чечня подвергалась «неизбирательным» бомбардировкам... Станным и до сих пор непонятным остается планомерное, на мой взгляд, уничтожение зданий культурно-просветительских, научных и учебных учреждений. Из гаубиц была расстреляна библиотека им. А.П. Чехова. Несколько недель шел дым из ее подвалов, где хранились ценнейшие раритетные материалы... Специальные команды деловито ходили с огнеметами, ища архивы. Они подожгли архив ЧИ НИИИиЯЛ по улице Кр. Фронтовиков; и там же, через дорогу, по ул. Пушкина, 6, подожгли старинное здание, где размещалось правление СП ЧР. Попытка же поджога нового здания пединститута оказалась не вполне удачной: видимо, его стены были выложены из огнеупорных материалов... Все эти «зачистки» проводились уже после того, как активные военные действия перекинулись за трассу «Баку-Москва»... Это-то и наводило на мысль – зачем?..

Особенно плотными и еще менее «избирательными» (возможно, я ошибаюсь...) были бомбежки во вторую войну. 21 октября 1999 года по Центральному рынку Грозного был нанесен ракетный удар, последствия которого были ужасными... Тогда же такой же «точности» удары были нанесены по Центральному роддому и Дому печати, которые вряд ли можно было принять за «военные цели»...

Книга «Писатель и его герои» была написана мной в просвет между двумя войнами. Ее трехтысячный тираж вместе с готовой печатной продукцией

других авторов попал под бомбежку прямо на складе Дома печати в самом начале «второй чеченской». Видимо, не весь тираж был уничтожен. Мой студент, а потом и коллега по университету, известный ныне лингвист Арби Вагапов по случаю приобрел на рынке два экземпляра, один подарил мне. Позже сердобольные читатели из бывших студентов, узнав о сложившейся ситуации, переслали мне еще несколько экземпляров. Книга может быть интересна тем, что написана в условиях реального отсутствия цензуры, в том числе и внутренней... До того мои опусы публиковались с большой задержкой, чтобы не сказать больше, и часто вызывали неодобрение со стороны блюстителей стерильности партийной идеологии. Впрочем, это было со многими нашими авторами... Поэтому мне показалось важным прочитать по-новому наиболее дерзких наших писателей, покусившихся высказаться по «запретным темам». Это, прежде всего, темы культурных и нравственно-духовных ценностей вайнахов, а также проблемы правды в жизни и в художественной литературе... В местном издательстве годами блокировалась историческая проза и публицистика Абузара Айдамирова. То же можно сказать и о романе М. Сулаева о чеченской трагедии 1944 года... Основное место в книге «Писатель и его герои» отведено монографическому исследованию творчества этих двух авторов. Там же «застолбил» я «Тему депортации народов Северного Кавказа в художественной литературе», набросал «план-конспект»...

Книга не переиздавалась... Показателем актуальности и, соответственно, востребованности труда писателя, критика, литературоведа является частота его цитируемости. Недавно не без наслаждения слушал доклад начальника районного отдела культуры, посвященный юбилею писателя-земляка, который от начала до последнего слова состоял из моей десятилетней давности статьи, правда, без указания имени ее автора. Нечто подобное смиренно, но уже без удовольствия, наблюдаю со стороны коллег, старых и молодых, пользующихся материалами из «Пламени слова», «Писатель и его герои» и др. И объясняю все это низким порогом знаний и умений в цитировании и дремуче небрежным отношением к науке библиографирования...

Саламбек Алиев. Не потерявший актуальности вопрос, вызывающий и сейчас много споров – о языке творчества национального писателя. Можно ли считать творчество русскоязычных авторов-чеченцев ветвью чеченской литературы? Или они пополняют чужие родники?

Казбек Гайтукаев. Вопрос о языке, в том числе и языке творчества национального писателя, тянет не на одну докторскую диссертацию. Один перечень этнических чеченцев, писавших на разных языках, занял бы много места. Ни авторы, писавшие на арабском или использовавшие арабскую графику для создания произведений на чеченском языке, ни русскоязычные или двуязычные авторы не являются редкостью в истории нашей словесности. Тема «Русскоязычные писатели в современной чеченской литературе» вполне заслуживает серьезного рассмотрения. Только таким образом можно прийти к выводу, являются ли они «ветвью» чеченской литературы или еще какой-то... Когда возникает вопрос, что важнее – сам продукт художественного творчества или этническая принадлежность автора, последнее условие может отступить на второй план...

Считаю необходимым повториться: развитие же национальной литературы как части национальной культуры может быть обеспечено и сохранено на языке автохтонного населения. Поэтому создание условий для сохранения и развития национального языка должно оставаться общенациональным делом...

После двух войн пропорции чеченского и русского языков, даже по сравнению с советским временем, заметно изменились не в пользу языка

коренного населения. По Конституции оба языка имеют одинаковый статус государственных, но русский при этом объявлен языком делопроизводства, что де-факто чеченский обрекает на консервацию, а это в конечном счете тормозит развитие чеченской литературы как вида национального искусства художественного слова. Къоман хазна!

Муса Ахмадов. Казбек, не секрет, что одним из важнейших факторов развития национальной художественной литературы является такая наука, как литературоведение и, в частности, литературная критика. Собственно, это то, чем «страдала» и «страдает» наша литература – ей всегда недоставало профессиональной критической оценки, профессиональной экспертизы. У меня к Вам вопросы как к эксперту: в каком состоянии чеченская литературная критика? Почему все-таки мало профессионалов в этой области? Почему нет новых имен?

Казбек Гайтукаев. Действительно, проблема с «профессионалами» и «экспертами» в области литературоведения и литературной критики имеет место быть. Во времена «развитого социализма» их подготовку государство брало на себя. Теперь же в условиях торжества капитализма и рыночных отношений «спасение утопающих стало делом самих утопающих...».

Первое условие, важное для жизнедеятельности критики, – это ее востребованность или невостребованность в обществе.

Критику сегодня у нас заменила «сатира в улыбатальном духе» времен царствования Екатерины II, но в еще более концентрированном виде... Например, на «презентациях», которые еще оживляют безмятежное течение литературной жизни республики, приходилось слышать, как чеченцы, известные шутники по натуре, переиначив популярный слоган, лукаво признавались: «Не читал, но... одобряю». Другие же, из ближнего круга бенефициара, не на шутку распаясь дифирамбами по адресу родича, презентующего свой первый или очередной опус, не скупилась и на сравнения последнего с великими: ты наш Толстой, ты чеченский Хемингуэй, ты наш Маркес, наш паччахь в литературе. И все это на полном серьезе...

Графоманы, плагиаторы и прочие компиляторы, которым несть числа на всех уровнях любителей изящной словесности, в отсутствие серьезной критики способны до неузнаваемости засорить литературный процесс, как те мыши в известной сказке, наводившие свои порядки в отсутствие кота. Иной начинающий или продолжающий поэт, прозаик и рад бы выслушать честную доказательную критику. Но она усохла по причине отсутствия условий для ее жизнедеятельности...

Второе условие – наличие кадров, обладающих знаниями и умениями научного анализа художественных текстов, профессионально владеющих основами литературоведческих наук: теории литературы, истории литературы, истории критики и др. На филологических факультетах местных гуманитарных вузов эти дисциплины изучаются в программах, рассчитанных на школьного учителя. Этого, конечно, недостаточно. Такие кадры должны готовиться в известных центрах...

Есть еще одно неперемное условие для критика и литературоведа, необходимое ему для различения истинно художественного произведения от подделки – это наличие эстетического вкуса. Как дальтонику, не различающему цвета, неблагоприятно доверять руль автомобиля, так не следует полагаться на графомана при оценке произведения искусства...

И последнее. Желательно критику, впрочем, как и любому творческому работнику, обладать качествами личности, наделенной сознанием важности своего ремесла. Тогда он может рассчитывать на успех... К вящему моему удовлетворению, должен отметить, что большие, уже состоявшиеся мастера

художественного слова сегодня сами себе и критики, и эксперты. Они самостоятельно определяют, что писать и как писать, сами оценивают коллег, причем на высоком профессиональном уровне. В этом, я думаю, залог неиссякаемости творческого потенциала и, вместе с тем, спасения национальной литературы и критики в нынешней кризисной ситуации...

Муса Ахмадов. А если заглянуть в творческую мастерскую Казбека Гайтукаева? Вы над чем-то работаете? Стоит ли нам надеяться в скором времени на Ваши новые яркие работы, статьи?

Казбек Гайтукаев. Я и сам надеюсь... Насчет «мастерской» – сильно сказано, а вот о «кухне» можно... Вы же знаете, критическими разборами произведений местных авторов я занимался спорадически, параллельно с основной работой преподавателя русской литературы... Я не был всеядным и брался только за вещи мне интересные, писал и говорил, как думал. Отчасти, видимо, поэтому возникали проблемы, впрочем, как до того и с кандидатской, защиту которой мои этнически русские преподаватели из ЧИГПИ решили не допустить во что бы то ни стало. «Мотт», как и в случае с рабфаком отца, повторился и в моем случае, правда, в несколько иной конфигурации... Кстати, «мотт» в известной истории с гонениями на «Пхьармат» организовала, думаю, из зависти декан филологического факультета, исконная этническая туземка...

В результате военных действий моя семья понесла невосполнимую потерю... На фоне той кровоточащей боли и страданий, которые выпали народу нашему, говорить о своей беде считал неудобным... Но в русле темы нашего разговора нельзя не сказать о моей библиотеке, одной из немногих богатейших частных библиотек в городе, где была собрана вся русская классика от В. Жуковского и А. Пушкина до Л. Толстого и А. Чехова. Она была полностью уничтожена в два бомбовых захода... Ничего не осталось и от архива, который я собирал более тридцати лет... В библиотеке имелись издания многих тогда еще живых вайнахских писателей с их автографами... Что не менее для меня важно, в архиве хранились все ранее опубликованные в печати мои литературоведческие исследования, критические статьи, рецензии, отклики, а также готовые к изданию рукописи и заготовки, наброски, планы-конспекты к планируемым монографиям...

Не спроста же говорят: рукописи не горят. Вот и я надеюсь найти и опубликовать хотя бы некоторые из них. Они мне интересны тем, что в них содержатся мои первые оценки первых литературных опытов ряда молодых авторов 70-80 годов, ныне уже занявших прочное место в истории национальной литературы... Проследить творческую эволюцию как отдельного автора, так и группы писателей важно для изучения литературы как процесса...

Скажу без лукавства, замыслил я издать некоторые из прежних моих работ вместе с новыми под условным названием «От правды жизни к правде художественного слова»... Все, однако, зависит от того, как карта ляжет в наше удивительное время. Говорят же: человек предполагает, а время решает...

Муса Ахмадов. Казбек, мы искренне благодарим Вас, что нашли время заглянуть к нам в редакцию. От всей души желаем Вам еще многих лет крепкого здоровья! Очень надеемся, что следующий Ваш юбилей мы отметим новой беседой в стенах редакции. Дела реза хуьлда хьуна!

Казбек Гайтукаев. Дела реза хуьлда массо а дикачу стагана!

Подготовил Саламбек АЛИЕВ.

Мохмад-Салах Селяхов

Чечня, объята смертоносным огнем, в военной лирике Умара Саиева

Истинная поэзия не наряжается под стать веянию моды, не облачается в камуфляж, чтобы стать гимном бесчувственной толпы. Ее нельзя, как послушного пса, натравливать по команде и, тем более, невозможно добиться от нее выполнения различных заданий с помощью жалких подачек, подобно цирковому животному.

У поэта, призванного творить подлинную музу жизни, только один выбор – верой и правдой служить своей Родине, когда трагические события выпадают на ее долю. По этому поводу, на мой взгляд, весьма недвусмысленно заметил гениальный немецкий поэт и ученый И. Гете, что «любая национальная поэзия пуста и неминуемо будет пустой, если она не зиждется на самом важном – на великих событиях в жизни народа». На этот путь настоящий поэт становится осознанно, так как считает своим высшим сыновьим долгом разделить тяжкое бремя невзгод судьбы родного края. Как бы ему ни было трудно, от глубокого ощущения этой близости вдохновение певца ничуть не гаснет, а, наоборот, получает богатую подпитку для высокого творческого взлета.

Во время войны он не окажется на чужбине среди спасшихся бегством, не потеряет самообладание и дар речи от страха. Напротив, во весь голос выступит с разоблачением ее безумной античеловеческой сущности, находясь вместе со своим народом.

Важное место в творчестве известного чеченского поэта Умара Саиева занимают лирические произведения военного цикла. В них автору удалось показать, что война своей безжалостной рукой губит все подряд, что она везде, где ступает своей безжалостной ногой, сеет только смерть и хаос. В стихотворении «Ночь, растерзанная войной» поэт удивительно точно сумел выразить контрасты живой природы на фоне ночи, возникшие в результате начала боевых действий с грохотом разрывающихся снарядов. Родное село Мескита погружено в мирный сон после будничного дня, луна своим волшебным светом все вокруг серебрит, филины заняты поиском пищи, лошади на понятном только им языке переговариваются между собой, везде – необыкновенный покой и завораживающая красота, представленная выразительными чертами одухотворенного лица девственной природы. И вдруг в эту великолепную гармонию лунной ночи ворвалась война в облике монстра и растерзала ее. Поэт глубоко переживает случившееся: каждая рана, нанесенная ночи, острой болью отзывается в его душе. В конце произведения делается недвусмысленное признание, что их обоих постигла одинаковая участь.

Что это? Боже!
От горя в душе защемило,
Страшные взрывы...
Неужто явилась война?
Только что все
И невинным и девственным было,
Лунное небо,
Скажи, здесь твоя ли вина?!

Грохот снарядов...
 Природа на вздохе застыла...
 Что-то сверкнуло,
 И взвился пугающий дым.
 Черная туча
 Село мое злобно покрыла,
 Сделав меня, как и ночь,
 За минуту седым.

1990 г. Перевод с чеченского С. Магомадова

В другом стихотворении этой тематики – «Чечня» – Умар Саиев путем подбора ярких эпитетов и удачных сравнений создает точный, не нуждающийся в дополнительных штрихах образ войны, прокатившейся по нашему краю в конце 90-х годов XX века. Она однозначно представлена как олицетворение тотального зла, от которого исходит «смертоносный огонь».

Беспошадная война свирепствует на родной земле поэта. Она лишена всяких жизнеутверждающих начал. Следовательно, уничтожает и разрушает все подряд. Даже древние башни гор, которые на протяжении многих веков служили для чеченцев каменными стражами их свободы, подвергаются целенаправленному артиллерийскому обстрелу.

Чечня – моя боль...
 Ты огнем смертоносным объята.

 А горы уныло стоят,
 словно в траур оделись.
 Такая беда,
 Что земной может сдвинуться шар!
 Бьют пушки по башням –
 Века пережившие цели.
 Для горцев Чечни –
 Это крайне жестокий удар.

2000 г. Перевод с чеченского Х. Борхаджиева

Читая и перечитывая стихотворение «Родина», не перестаешь восхищаться, как автору на одном небольшом полотне лирического произведения удалось запечатлеть достоверную картину трагических дней военного лихолетья Чечни. Она составлена из множества зарисовок, основанных на реальных фактах, имевших место быть на нашей многострадальной земле. Причем панорама описаний настолько широкого диапазона, что невольно возникает ощущение: поэт с высоты орлиного полета наблюдал за всем происходившим. Его душевные переживания от созерцания этих ужасов доходят до критической отметки. Складывается впечатление, что у автора, полностью поглощенного судьбой Родины, нет времени думать о своей жизни.

Завершающие строфы стихотворения полны оптимизма. Долгожданная весть, что все беды войны останутся в прошлом и что впереди – возрождение из пепла и руин, радостно сообщается Родине.

Родина

Край родной встревожено вздыхает,
Трудная настала полоса...
Над горами демон зла летает,
Градом пуль острижены леса.

Лик земли в ожоговых заплатах,
Плач руин, и кладбища в огне...
Родина! Так в чем ты виновата?
Жизнь проходит как в кошмарном сне.

Умирают на задворках люди,
Смерть без скидок убивает всех.
От ударов залповых орудий
Разлетелся вековой орех.

Кто, твою упиваясь кровью,
Натравляет на тебя зверей?
Тяжело нам видеть долю вдовью,
Слезы безутешных матерей.

В небесах орел парит устало,
Изгнанный безжалостно со скал,
Удали былой как ни бывало,
И в удачу верить перестал.

Грусть-тоска... Для нас уже не ново,
Что повсюду – горе, слезы, смерть...
Не печалься, Родина, ты снова
Всем на зависть станешь молодеть!

2000 г. Перевод с чеченского Х. Акбиева, Р. Талхиговой

У истерзанной, искалеченной войной Чечни найдутся силы «выстоять» и «вытерпеть». Она ни в коем случае не сломится, так как не раз в своей многовековой истории проходила «через подобные стадии». Пусть возрадуются друзья, да враги негодуют от зависти: крепкая духом Отчизна поэта достойно выдержит и это испытание. Автор с мольбой обращается к ней, чтобы она выжила «детей своих ради». Нет сомнений в том, что Чечня наберется терпения, соберется с силами и выйдет из кромешного ада войны. Иному не быть. Ведь главная опора ее жизни – это достойные сыновья и дочери, для которых понятие Родина выше, чем жизнь.

...Выживи, вытерпи,
Край мой, детей своих ради.
Сколько прошел ты подобных
Болезненных стадий?
Если же гибель тебя
За собой потянет,
Знай, в этот день мое сердце
Стучать перестанет.

2000 г. Перевод с чеченского С. Магомадова

В сборнике Умара Саиева «Поговори со мной, Чечня» только одних стихотворений военного цикла более двух десятков. Если эти произведения рассмотреть с учетом идейно-тематического аспекта, то их условно можно разбить на два блока с четко обозначенными лейтмотивами. Конечно, в первую группу войдут стихи, посвященные Чечне, охваченной беспощадным пламенем войны. Смерть и горе, страшные лишения и ужасные бедствия, разрушенные села и города – вот в общих чертах масштаб трагедии родного края чеченцев. «Помните люди», «Годы бегут», «Хотелось бы смеяться», «Пусть не увидим войну», «Не понимаю», «Не говорите мне», «Войной доведенные до грани», «Дайте же мне в мире пожить», «Не говорите...», «Горькая жизнь», «Поговори со мной, Чечня!», «Счастье жить без войны», «Чечня, увидев тебя в огне...», «Довольно слез!», «Хочется жить» – каждая строфа этих стихотворений буквально выстрадана автором, рождена в его израненном сердце.

Не в меньшей степени тронуло поэта то, как война совершила грубое посягательство на красоту природы. Она от ее присутствия в корне искажается. Окружающий мир, как и люди, подвергается «смертоносным ударам». Горы Чечни стоят, «словно в траур оделись». Эти мотивы красной нитью проходят через стихотворения, вошедшие во второй блок: «Ночь, растерзанная войной», «Утро в горах», «Чечня», «Горечь войны», «Плачет сердце».

В литературном творчестве Умара Саиева военная лирика занимает особо важное место. Именно благодаря ей, на мой взгляд, произошла та тонкая огранка его художественного мастерства, способствовавшая становлению талантливого поэта-самородка.

Абузар Айдамиров – человек-легенда, выдающийся чеченский писатель XX века, посвятивший свою жизнь изучению истории чеченского народа, причислил Умара Саиева к той небольшой плеяде наших литераторов, писавших о войне правду и только правду. Адиз Кусаев – известный журналист, поэт, писатель, литературный критик, член Союза писателей СССР – в своем трехтомнике «Писатели Чечни (библиографические очерки)» так охарактеризовал поэта: «Уверен в себе, умен, начитан, напорист, прям и, главное, литературно одарен, талантлив. Только человек, рожденный для творчества, может написать такие строки (стихотворение «Плачет сердце», перевод – М.-С.С.):

Лежит Отчизна, словно сердце стало,
На лбу ее морщин полным полно:
С тех дней, когда война захрохотала,
Дыхание у ней затруднено.

Идут годы, исчезли следы войны с нашей многострадальной земли. Глубокая рана, нанесенная войной чеченскому народу, возможно, со временем тоже поверхностно зарубцуется, но окончательно не заживет никогда. Не уйдут от заслуженной кары Всевышнего и обязательно предстанут перед судом истории бездушные политиканы-авантюристы, устроившие в конце XX века в Чечне бессмысленную бойню. Военная лирика Умара Саиева всегда будет звучать в душах благодарных потомков как назидание, как своеобразный протест и приговор войне.

Идрис Булатбиев

Об этимологии термина «тайп» и его обозримой древности как социальной организации

Вопрос о формировании тайповой организации как социальной системы в чеченском обществе до сих пор не имеет единого мнения у чеченских исследователей. Происхождение же самого термина **тайп** (*племя, род, порода*) – принято возводить [1] к арабскому **тлаифа** (**قبائل**) – «*класс, разряд, серия, ряд*» [2. т-2, с. 484]. При этом также считается, что слово «*тайп*» проникло в Чечню не ранее XVII века. Подобная аргументация, на наш взгляд, не имеет должного обоснования и не выдерживает критики.

Ведь если заимствование термина происходило от конкретной социальной схемы (от арабской, как считается), то к XVII столетию арабские племена в целом давно уже прошли стадию родоплеменного устройства в общественном развитии (не считая кочевых бедуинов), и к тому времени чеченцы никак не могли перенять его от арабов, по крайней мере как термин социальной организации. Но даже если допустить вероятность его заимствования, то никакому объяснению не поддается вопрос: почему чеченцы проигнорировали собственно сам арабский социальный термин «племя» – **кьабила** (**قبيلة**) [3. т-2, с.620], а вместо него для обозначения чеченского значения («племя») скопировали арабское «*тлаифа*», которое в свою очередь не дает в самом арабском ни значения «племя», ни «род»? Иными словами, следуя элементарной здравой логике, чеченцы должны были заимствовать у арабов именно само их название племени – «*кьабила*», а не «*тлаифа*». Представляется, что мнение о заимствовании термина «*тайпа*» у исследователей возникло из-за фонетического сходства последнего с арабским «*тлаифа*», но в большей степени из-за отсутствия прямых источников с информацией о происхождении самого чеченского термина.

Первым из всех исследователей данной темы проверил наличие у арабов социального термина, тождественного чеченскому «*тайп*», С.А. Натаев. Сопоставив все названия социальных организаций кочевых арабов, Натаев выявил, что «...ни один термин социальной и родственной терминологии северных арабов не имеет ни лексического сближения, ни родственного корня термину «*тайп*» [4]. Однако при столь убедительном доводе, бесспорно опровергающем мнение об иноязычном происхождении чеченского термина, предлагаемый им вариант его чеченской этимологии от значения «*дай пхья*» (дай – «*отцы*» и пхья – «*поселение*»), нам видится небесспорным.

Таким образом, на основании вышеизложенного мнение о происхождении термина «*тайпа*» от арабского «*тлаифа*», на наш взгляд, следует признать необоснованным. Более того, вряд ли можно думать, что предки чеченцев, со времен далекой древности имея структуру родоплеменного социального устройства, не имели при этом собственных терминов своего же общественного устройства. Но прежде чем указать на древность происхождения тайповой системы чеченцев, обозримую по данным источников, мы изложим свой вариант этимологии рассматриваемого термина.

Нам представляется, что термин «*тайп*» возник на основе собственно чеченского языка. Для подтверждения этого тезиса мы используем простую тестовую формулировку крупнейшего востоковеда И.М. Дьяконова – универсальный семантический ряд, сформулированный им в одной из своих работ, в котором лексемы «*рождение*» и «*род, клан, племя*» имеют однокоренное происхождение:

русс. «роды – род (клан)»;
 лат. **genere – gens** «рождать» – «род»;
 санскр. **jan – jāti** «рождаться» – «род (клан)», «каста»;
 семитск. **H^hhl** > араб. **‘ahl** – «родовое жилище, палатка; род, народ»; араб.
wahl –> **jahlā** – «племя»; аккадск. **‘āl** – «община, село, город»; ср. **‘(w)l** араб.
‘āl – «тело; род; явление» [5, с.122].

К перечисленным примерам можно также добавить:

хетт. **haš** – «рождать» – **haššatar** – «род» [6, с.175].

араб. **halaqa** «творить, создавать» – **halqun** – «народ, люди»;

общесемит. **bany** «зачинать, создавать» – **banu** – «род, потомство»;

араб. **ša’ba** – «разветвлять, множить, делить» – **ša’bun** – «народ, нация»;

араб. **qabala** «творить, создавать» – **qabila** «племя».

Последний пример, как было отмечено выше, служит ярким доводом в пользу нашей критики.

Используя типологически приведенный выше семантический ряд, по нашему мнению, можно так же закономерно и просто объяснить этимологию чеченской лексемы «тайп», а именно – путем сопоставления чеченского значения *диеба* – «плодиться, размножаться»; ср. *диеба* = *тайпа* (чередование звуков д↔т и б↔п, думается, специальных объяснений не требует). С учетом изложенного, чеченское значение *тап* («точь-в-точь») также видится нам производным от «тайп». Более того, с той же закономерностью объясняется и этимология (также производного от «тайп») чеченского значения *тоба* – «группа, отряд», происхождение которого принято возводить к тюркскому *табун* – «стадо, табун, толпа». Кстати говоря, несостоятельность последнего мнения (о тюркском заимствовании чеч. *тоба*) подтверждает и шумерское *tappu* – «товарищ, сосед; общинник, член товарищества» [7, с.117]. Таким образом, приведенные типологические сопоставления дают основания утверждать, что термин *тайп*, несомненно, имеет исконно чеченское происхождение.

Исходя из того, что историческая, культурная и лингвистическая близость чеченцев и хуррито-урартов является установленным в науке фактом, а также основываясь на древневосточных источниках, мы попытаемся вкратце показать тождество социальных структур хуррито-урартов и чеченцев. Указанное обстоятельство уверенно позволяет говорить о датировке социальных структур чеченцев параллельно с хуррито-урартскими. Данные источников об истории древнего государства Урарту не оставляют сомнений в тождественности социальных организаций хуррито-урартов и чеченцев, в целом обнаруживаемом в сходстве структур хурритских большесемейных общин (с их последующим преобразованием в племенные сообщества, то есть *тайпы*) с организацией чеченских родовых обществ.

Реконструкция хурритских социальных взаимоотношений, представленная в работах известных ученых-востоковедов Н.Б. Янковской и И.М. Дьяконова [8], следуя которой мы и будем делать свои сопоставления, показывает, что основные черты социальной картины были характерны для всей Передней Азии уже ко II тыс. до н.э., в том числе и для Армянского нагорья с его хуррито-урартским населением. К примеру, по данным урартских надписей, указанные специалисты отмечают сходство между урартским обществом I тыс. до н.э. и обществом хурритов II тыс. до н.э.: существование семейно-общинных поселений, самоуправление территориальных общин и т.п.

Хурриты в основе своей составляли общество земледельцев, у которых имелось также и развитое ремесло. Земледельческое население хурритов жило родовыми большесемейными общинами, которые состояли из кровнородственных семей, то есть членов одного рода. И каждая такая община (род) в документах (составленных по-аккадски) именуется термином «дом» (хурр. *биту*), а в некоторых районах – «башня» (от шумерского *димту*). Аналогичную структуру мы находим у общинной конструкции чеченского

рода, с идентичными социальными терминами обозначения рода – **ц1а** («дом») и **б1оув** («башня»).

Следует отметить, что семантика терминов «дом» и «род» как в хуррито-урартском, так и в чеченском тесно сплетена по единой схеме. Понятие «род» в хуррито-урартском (помимо **биту**) обозначалось также и термином «дом отца» [9, с.329. прим. – 66.], у которого имеется чеченская аналогия с той же семантикой – **де ц1а** («дом отца»). А хуррито-урартские «люди дома» – крупная родовая община – в точности соответствуют чеченскому **ц1ийна нах** – «люди дома», то есть люди одного (кровного) рода.

Каждая большесемейная хурритская община имела свой земельный фонд («владение»), находившийся в распоряжении патриарха общины, именуемого по-хурритски **эври** – «господин, владыка» [10, с. 394.], функционально что соответствует чеченскому **ц1ийн куорта** – «глава дома (рода)». Термином **эври** обозначалась также и «главная семья» хурритского рода, метатезу (инверсию) которого мы обнаруживаем в чеченском термине **ваъра** – «колени рода, род, поколение» (**эври** = **ваъра**?); ср. также чеч. выражение **вари-да** – «отец (рода) поколения» (?). А иерархический статус «главной семьи» в хуррито-урартской общине соответствует аналогичной ячейке в системе чеченского рода – **ц1ийна хьалхара нах** («главная семья (люди) рода»).

Земельный фонд хурритской общины делился на участки отдельных взрослых членов большесемейной общины, но обрабатывался совместно. Все члены такой общины совместно выполняли общинные повинности. После смерти патриарха семейной общиной продолжали совместно управлять «братья» (под которыми подразумевались не только родные братья, но и все потомки патриарха), то есть лица, приходившиеся друг другу родными, двоюродными и троюродными братьями и т.д.

По мере разрастания большой семьи (в третьем-четвертом поколении) она дробилась, в результате чего лишённые возможности взаимопомощи, которая предоставлялась в большесемейной общине, индивидуальные семьи как самостоятельные хозяйственные единицы либо погибали, либо подчинялись другим общинам, либо вскоре разрастались в новые большесемейные общины. Вероятнее всего, именно таким способом в родовую общину изначально начали попадать и попадали члены (семьи) из других (некровнородственных) общин.

Надо полагать, что возникновение тайповой организации чеченцев происходило аналогично хурритскому: родовая община, изначально состоящая из кровнородственных семей от одного патриарха, вбирала в себя другие (некровнородственные) семьи. Иными словами, родовая община из большой кровнородственной ячейки перерастала в тайповую (племенную) организацию с сохранением статуса «братства» (тайпана ваша – «брат по тайпу») между членами организации.

Следует отметить, что термин «братство» у хурритов распространялся не только на членов большесемейных общин земледельцев, но также применялся и в среде членов торговых обществ. К примеру, в текстах из древнего торгового города Каниш (XIX в. до н.э.) указывается, что члены «торгового дома» хурритов из Каниша, которые могли и не быть родственниками его главы («отца»), также назывались «братьями» [11, с.102, прим. – 12]. Аналогичную терминологию мы обнаруживаем и в среде чеченских социальных категорий: **тайпана-ваша** – «брат по тайпу» (т.е. однотайпонец); **вирд-ваша** – «брат по вирду».

Между отдельными большесемейными общинами хуррито-урартов существовала сложная система взаимоотношений. Общины, образовавшиеся путем распада более крупной большесемейной общины, продолжали быть связанными между собой. Они признавали авторитет **эври** («главной семьи») общины, будучи объединены с ней родственными связями и обычаем взаимопомощи. В этой связи мы можем отметить аналогичные устои внутри

чеченского рода – это авторитет **цлийна хьалхара нах**, выражающийся в привилегиях последних на принятие решений в вопросах касающихся всего рода.

Помимо родственных связей, между хуррито-урартскими общинами возникали еще и связи соседские. Несколько более слабых общин могли приносить присягу **эври** («главе») соседней более сильной общины и быть с нею связанными патриархальными узами, несмотря на отсутствие родства между ними. Данная хурритская схема вступления инородцев в чужую родовую общину ярко отражается в обряде принятия инородцев в чеченский тайп, обозначаемый термином – **сту бийна тайпана вежарий** («ставилие братьями по тайпу, зарезав быка»). А суть указанного обряда состояла в том, что, принимая в ряды *тайпа* инородцев, устраивалась специальная торжественная церемония, в честь которой заявители (инородцы) должны были зарезать быка и принести клятву, что они будут блюсти традиции и обычаи чеченцев. После проведения подобной церемонии инородцы считались полноправными членами *тайпа*, вместе с этим получая защиту и опеку от данного *тайпа*.

Несколько родственных и часто уже неродственных хурритских семейных общин образовывали некое организационное объединение – «село» (аккад. **алу**), являвшееся соседской или соседско-родовой общиной, для аналогии которой видится уместным привести чеченское название селения – **оввла**. Такого рода организация могла быть у хурритов настолько широкой, что охватывала не одну, а несколько соседских общин, в которую могли входить неродственные семейные общины, общее руководство которыми производилось Советом старейшин – чеченским аналогом которого являются **тайпана бакхий нах** («старейшины рода/племени»).

Хуррито-урартские **алу** могли быть не только родовыми или соседскими общинами, но и селениями зависимых (от царского дворца) людей, например, ремесленников. Селения группировывались вокруг одного или нескольких центров (укрепленных поселений), условно обозначаемых как «города». Подобная схема возникновения поселений, надо полагать, способствовала образованию поселений определенных профессий, что, на наш взгляд, отражается в чеченских названиях тайпов по профессиональному признаку (*гЛордлой, бЛовлой, чармой* и др.).

Хуррито-урартские патриархальные роды входили также в территориальные общины, управлявшиеся Советом старейшин и народным собранием, и разрастались настолько, что охватывали несколько селений, организованных по родовому или территориальному принципу, включавших опять же как родственные, так и неродственные большесемейные общины. В некоторых случаях такие территориальные общины означали конфедерации племен.

Такого рода союз племен, расселившихся в разных долинах или местностях, как отмечает Дьяконов, вероятнее всего, не мог в древности постоянно осуществлять свое организационное единство (из-за сложности ландшафта местности, замкнутости горных ущелий, густых зарослей и леса, покрывавших горные хребты и склоны, и т.п.), кроме как в особых случаях (к примеру, при образовании временных военных союзов), вследствие чего роль племенной организации преобладала в социальной сфере, чем влияние союза племен как органа управления. Приблизительно такого рода роль союза племен ближе всего стоит к пониманию семантики чеченского термина **тукхам** («союз племен»).

Такова в целом обозримая картина исходного состояния хуррито-урартского общества, реконструируемая по данным древневосточных источников.

Таким образом, нам представляется, что изложенное дает основание утверждать, что чеченская тайповая система как социальная организация имеет корни в далекой древности и обнаруживает несомненное тождество с социальной структурой хуррито-урартов, а значение и происхождение самого термина *тайп* необходимо разбирать на исконном материале чеченского языка.

Для большей наглядности мы еще раз обозначим выявленное тождество терминов социальных организаций хуррито-урартов и чеченцев:

Х.-ур. «люди дома» – члены одного рода = чеч. **цIийна нах** («люди дома») – члены одного рода.

Х.-ур. термин – «дом» в значении «род» = чеч. термин **цIа** («дом») в значении «род».

Х.-ур. термин – «дом отца» в значении «род» = чеч. термин **де-цIа** («дом отца») с семантикой «род».

Х.-ур. **эври** («господин (глава рода)») = чеч. **цIийн куорта**, или **цIийна хьалхара стаг** – «глава рода» (ср. также чеч. (метатезу) **ваьра** – «род, колено рода, поколение» (**эври** = **ваьра**); **вари-да** – «отец рода (поколения)»).

Х.-ур. статус членов рода – «братья» = чеч. **тайпана ваша** («брат по роду/тайпу»).

Х.-ур. «главная семья» общины = чеч. **цIийна хьалхара нах** («главная семья рода»).

Х.-ур. совет старейшин = чеч. **тайпана бакхий нах** («старейшины рода/тайпа»).

Х.-ур. конфедерация племен = чеч. термин **тукхам** (союз или конфедерация племен).

Литература:

1. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. – Грозный, 1973. С. 5; Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам», Бюллетень Международного общественного и культурного центра «Лам», № 4(8). Грозный, 2001. С. 33.; Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. – Тбилиси, 2011. С. 553; Алхазуров М.И. Чеченская республика и чеченцы. История и современность. – М. 2006. С.161.

2. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь в 2-х томах.

3. Баранов Х.К. Большой арабско-русский словарь в 2-х томах.

4. Нагаев С.А. К вопросу о семантике термина «тайп» // «Нана», №10. – Грозный, 2009.

5. Дьяконов И.М. Архаические мифы востока и запада. – М., 1990.

6. Иванов Вяч.Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания. 17-19. // Этимология. 1978. М., 1980.

7. Липин Л.А. Словарь шумеро-аккадского языка. – М., 1964.

8. Янковская Н.Б. Хурритская Аррапха, ВДИ. 1957, № 1; ее же, Юридические документы из Аррапхи в собраниях СССР // Переднеазиатский сборник», М., 1961; ее же, «Землевладение большесемейных домовых общин в клинописных источниках» // ВДИ. 1959, №1; ее же Общинное самоуправление в Угарите // ВДИ. 1962, №3; Дьяконов И.М. Развитие земельных отношений в Ассирии. – Л., 1949; его же Предыстория армянского народа. – Ереван. 1968.

9. Дьяконов И.М. Ассирийско-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951, №2.

10. Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. – М., 1960.

11. Никитина А.Д. Этнический состав международной торговой колонии Каниша // ВДИ. 2004, №3.

Зелимхан Тесаев

Религиозная борьба на территории Чечни и Дагестана в Позднем Средневековье (XV-XVI вв.)

До сих пор в чеченской историографии мало изучен вопрос позднесредневековой миссионерской деятельности в Чечне. Различные разрозненные сведения отсылают нас к проповедникам ислама: Термаолу, Берса-шейху, Гада-шейху, Абу-Муслиму и др. [1] По утверждению средневекового автора Аздина Вазара, в XV в. в Чечне сохраняются два христианских религиозных центра в Нашхе и Керста-Акке, а попытки Аздина обратить местное население в мусульманство завершаются неудачей [2]. Не удается добиться успеха в распространении Ислама среди чеченцев и Гирейхану, отождествляемому исследователями с Нур-Девлет-Гиреем, жившим в XV в. [3] То же самое можно сказать и о более раннем периоде, так как христианские храмы обнаруживаются и в XIV в. в Хунзахе, у «народа Нахче», а также в Тушетии. Об этом сообщается в манускрипте грузинского католикаса Евфимия, в чью юрисдикцию входили перечисленные области [4]. Здесь объективно возникает вопрос о времени массовых обращений всех чеченцев в ислам.

Труды А.С. Сулейманова, приоткрывая завесу неопределенности, в значительной степени упростили задачу, предоставив исследователям множество сведений, прямо или косвенно указывающих на интересующий нас процесс.

Так, в «Топонимии Чечни» А. Сулейманов пишет о бегстве в область Терла после крушения царства Симсим некоего царя Сураката, основавшего в Аргунском ущелье замковый комплекс КИрда-бIаьвнаш, название которого, видимо, говорит о христианском вероисповедании основателя [5]. По утверждению того же А. Сулейманова, почерпнувшего свои данные из фамильной летописи, Суракат и его сын Байра не сумели утвердиться в обществе Терла и позднее покинули область. С потомками Сураката связываются и имена чеченских феодалов Бийриг Бичча и Элди Талата [6].

Сведения А. Сулейманова вызывают исключительный интерес, поскольку перекликаются с целым рядом дагестанских летописных текстов, частично согласующихся с данными, изложенными автором «Топонимии...». Так, Сурака (он же Суракат) и его сын Байар, фигурирующие в хронике «Тарих Дагестан» в качестве нуцалов Аварского ханства, один за другим изгоняются мусульманскими войсками из Хунзаха в «область Туш», под которой, исходя из сообщения А. Сулейманова, подразумевается Аргунское ущелье. Затем в Аварии обосновывается некий шейх Абу-Муслим «в качестве имама, вали и хакима», а шамхал – союзник Абу-Муслима в борьбе против Сураката – возвращается в Кумух. Ряд анахронизмов, употребляющихся при описании этих событий, в том числе упоминание с. Аьршта при отвоевании Хунзаха внуком Сурака Амирсултаном, заставляет усомниться в тождественности летописного Абу-Муслима и завоевателя Дагестана (тоже Абу-Муслима) времен правителя династии Омейядов Мервана II [7], поскольку Е.Н. Кушева указывает на 1550–1570-е годы как на время завершения последнего выселения чеченцев с гор на равнину, к которому относится основание с. Аьршта [8]. Вызывает недоверие также упоминание в «Тарих Дагестан» мусульманского Константинополя и эмира Чуфана, сына Султан-Али-бека, в качестве завоевателя Дербента и Кайтага [9], поскольку Константинополь был завоеван турками лишь в 1453 году, а личность упомянутого эмира перекликается со сведениями о Чопане,

сыне Шамхала Али-бека, правившем теми же областями – Дербентом, Кайтагом и Кумухом, но уже в XVI в. [10]

Сведения, приводимые в «Тарих Дагестан» о заключении династического брака между «шахом» тюрков и домом Сурака, разрушении Кумуха, упоминание легкого и тяжелого огнестрельного оружия, имен Сефи-шах и Тахмаспа и др. [11] приводят В.В. Бартольда, В.Ф. Минорского и А.Е. Криштопа к заключению о датировке упомянутого «разорения турками Кумука» 1582-м годом, связывая это событие с периодом османских походов на Кавказ (1577–1612 гг.) [12]. Оформление самой летописи связывается со временем после указанного 1582 года [13]. При этом отождествление, как выражается В.Ф. Минорский, компиляторами «Тариха...» событий XV–XVI вв. с мусульманскими завоеваниями VIII в. определяется им как «набожные чувства» переписчиков, ограниченных знаниями и окружением. В. Минорский пишет: «Любопытно, что независимые правители Ширвана и ал-Баба возбудили мало интереса в компиляторе (переписчике Дарбант-нама. – З.Т.), набожные чувства которого обращались главным образом к «славным» временам мусульманских завоеваний и обращения неверных. Эта тенденция может указывать на те социальные круги, к которым принадлежал автор компиляции и для которых он писал». Кроме того, исследователь отмечает: «Указание на разрушение Кумука (правильнее – Гази-Кумука) турками, по-видимому, говорит в пользу того, что эта рукопись была написана в период османских походов на Кавказ (1577–1612 гг.) после смерти Шах-Тахмаспа. В целом, работа Муллы Мухаммада Рафи, или ее последняя редакция, – тенденциозный политический памфлет, имеющий целью обосновать претензии шамхалов на преобладающее положение в Дагестане». В качестве примера политической направленности «Тариха...» В. Минорский сообщает об искаженном переводе хроники «Дарбанд-нама» на кумыкский язык с персидского языка по поручению уже упомянутого ранее Чопана, именуемого исследователями «потомком Гирей-хана» (последний появился на Кавказе лишь в XV в.) [14].

Сведения из биографии Чопана и его родного брата Тучелава позволяют нам убедиться в объективности утверждений указанных критиков, а также разъясняют ситуацию с датировкой перечисленных событий. Так, при Чопане (он же Чобан, Чопалав) Казикумухское шамхальство сближается с Османской империей, превратившись в ее вассала, а в 1578 году участвует в «священном походе» турков против шиитского Ирана. При этом в турецких документах Чопан фигурирует как правитель Кумука и Кайтага Читлав Шамхал [15].

Наравне с ним в качестве аварского правителя упоминается и Тучелав, который, согласно русским источникам XVII в., пользовался непревзойденным авторитетом в Казии-Кумухе даже не будучи шамхалом [16]. В «Нусрет-наме» он именуется Авар Забити Тучелав Бег, т.е. Завоеватель Авара Тучелав-бек [17]. У турков Тучелав фигурирует под именем Тоджа Лав Бурхан ад-Дину, т.е. Тучелав Доказательство Веры [18]. Кроме того, в награду за оказанную помощь Тучелав получил от Порты санджак (округ) Ахты и Ихир, одноименные села которого входили в Ширванскую область. Дочь Тучелава вышла замуж за кавказского наместника Порты по имени Осман-паша, который устроил свою администрацию в Дербенте. Чопан, в свою очередь, получил санджаки Дербент и Шабран [19]. Примечательно отождествление Тучелава некоторыми исследователями с Андий-шамхалом при том, что последний, по свидетельству Д.-М. Шихалиева, был известен кумыкским владетелям под именем Абу-Муслим [20].

Можно провести параллели, учитывая вышесказанное, между именами, статусами, титулами, завоеваниями и собственными землями летописных героев и исторических личностей конца XV–XVI вв. Сведения о жизни и делах Чобана и Тучелава тождественны делам Чуфана и Абу-Муслима – героев дагестанских хроник. Так, в пользу этого утверждения свидетельствуют данные из летописи «История Абу Муслима», в которой сообщается: 1) о завоевании Абу Муслимом Ширвана, Дербента, Кайтага и Авара, т.е. Дагестана (сравните

с завоеваниями и собственными наделами Чобана и Тучелава); 2) о назначении Абу-Муслимом в с. Кала-Кура своего «сына Санджаба»; при этом известно, что село расположено в 18 км к востоку от уже упомянутого санджака Ахты и Ихир, предоставленного Тучелаву турецким султаном (вновь обнаруживается параллель); 3) о поселении Абу-Муслимом в с. Ахты родной сестры, т.е. снова упоминается с. Ахты; 4) о борьбе сына Абу-Муслима по имени Ибрахим против Кумука и Авара, при том, что Тучелав известен как Авар Забити, т.е. завоеватель Авара; 5) о приобретении Ибрахимом прозвища Бурханаддин. То же прозвище принадлежало и Тучелаву; 6) наконец, приводится сообщение о борьбе Абу-Муслима с войском Самсама (сравните с Симсимом А. Сулейманова) и бегстве последнего вместе со своими эмирами и семейством [21]. Из приведенных сведений следует, что в повествованиях различных дагестанских хроник (например, «Тарих Дагестан» и «История Абу Муслима») обнаруживаются четкие параллели между описываемыми героями и биографиями реальных исторических личностей – сыновей шамхала Алибека Тучелава и Чопана. Учитывая же ранее упомянутое сообщение В. Минорского об искаженном переводе текста «Дарбанд-нама» по заказу шамхала Чопана, мы можем с большой долей вероятности полагать, что эмир Чуфан и Абу-Муслим хроник «Тарих Дагестан» и «История Абу-Муслима» являются кальками с исторических личностей, известных кумыкских героев XVI в. – братьев Чопана (шамхал, правитель Кумука и Кайтага) и Тучелава (завоеватель Хунзаха) Алибековых. Косвенно на это указывают также и другие сведения.

Так, А. Сулейманов приводит две датировки, связанные с личностью Берса-шейха – это 1561 год и 1591–1592 годы. Причем последняя датировка увязывается уже с его проповеднической деятельностью после принятия ислама, отчего 1561 год понимается нами как дата рождения шейха [22]. Данное сообщение важно для определения хронологических рамок жизни Абу-Муслима по следующей причине. В сообщении И. Попова об убийстве Берсом предводителя дагестанской миссионерской партии последний фигурирует под именем (в русской транскрипции) Гада [23]. Это дает нам основание отождествлять поповского Гаду с известным чеберловским проповедником Гада-шейхом (он же Зайнал-Абди), происходившим из Казикумуха и явившимся с религиозной миссией из Хунзаха. В Хунзахе, как утверждается в полевых материалах, проживал двоюродный брат Гады по имени Абу-Муслим-шейх, который навещал своего кузена в Чеберлое [24]. Поскольку другой полевой источник сообщает, что здесь, в районе Берсан-лама (Ножай-Юртовский район ЧР), где, по преданию, и был убит дагестанский проповедник-завоеватель, появлялись вооруженные отряды «шовхала», а гора была названа в честь Берса [25], мы можем утверждать, что Берс-шейх, Гада-шейх и Абу-Муслим (по-видимому, Тучелав) являлись современниками. Этот вывод сходится и с данными о правлении Тучелава в Аварии в 1577–1578 гг. [26], когда Берса, родившийся в 1561 году, мог быть молодым человеком 16-17-летнего возраста.

Интересно и то, что Сурака, а также его потомство не единственные хунзахцы, искавшие убежища у чеченцев в годы религиозных войн Позднего Средневековья. Известны сообщения о неких «урусах», к которым относились знать и ханы Аварии, в том числе и Сурака [27], являвшийся, к тому же, потомком некоего «Ар.с.кана» [28]. Один из эпизодов противоборства мусульман и «урусов» или, как они названы в «Истории Ирхана», «чистых русов» сообщает о сражении, состоявшемся в Хиркасе (с. Аракас Буйнакского района РД). В летописи также приводится титулатура предводителей «русов» таватий-ал и арнахур-ал, имеющая грузинское происхождение, что указывает на их христианское вероисповедание [29]. Кроме того, связь аварских владетелей с грузинами обуславливает и вышеприведенное сообщение о вхождении христиан Северо-Восточного Кавказа в паству грузинской православной церкви [30]. По сведениям «Истории Гирейхана», основание Хиркаса (с. Аракас) состоялось во 2-й пол. XV в. [31], следовательно, описанное сражение «русов» и мусульман

не могло произойти ранее указанного времени. Свидетельства Н.Е. Иваненкова о проживании на территории Чеберлоя потомков Сурак-хана (сравните с Сурака, Суракат), связанного с царским домом Грузии и конфликтовавшего с правителем Авара [32], а также сообщение полевого источника о бегстве в XVI в. в Чеберлой «джайлинского кровника», принятого чеченским предводителем Алдамовым Пезой [33], и другие сведения, изложенные нами в этом материале, указывают на систематичность поиска убежища в Чечне представителями хунзахской элиты (т.н. «русов») в период межрелигиозной борьбы. Данное обстоятельство, по нашему мнению, указывает на пока что мало изученную историческую подоплеку. Также косвенно на это указывает и сообщение А.С. Сулейманова о поселении некоего Орс-элы (Орс-эла – чеченский эквивалент имени Арс-кан или Урус-хан) на землях нынешнего Веденского района ЧР [34].

Борьбу с шамхалами, начавшуюся при нуцале Хунзаха Сураке [35], при поддержке чеченцев продолжили его сын Байар, внук Амирсултан и правнук Сиртан, о чем сообщает «Тарих Дагестан» [36]. Следовательно, речь могла идти о противостоянии, растянувшимся на целое столетие. Выводы же исследователей об отношении событий упомянутых хроник к XVI в. дают основания искать в названных летописных текстах свершения, относящиеся ко 2-й пол. XV–XVI вв. К данному периоду относится и личность Ших-Мурзы Ишеримова (Окоцкого), ведшего борьбу с мусульманскими Портой, Крымом и Шамхальством в качестве союзника Московского государства [37]. Это также вписывается в общую картину православно-христианского и мусульманского противостояния в регионе. Особенно примечательно нападение в 1584 году [38] Ших-Мурзы на упомянутого ранее зятя Тучелава Османа-пашу у Дербента, о чем позднее свидетельствовал и сам турецкий «наместник Кавказа» [39]. Другой документальный факт – приведение Ших-Мурзой Ишеримовым к присяге царю в 1589 году «Аварского хана», видимо, Мухаммед-Шамхала и его брата «Черного Князя», т.е. Каракиши Турлова [40]. Таким образом, мы обнаруживаем задокументированные данные, действительно подтверждающие сведения из дагестанских хроник о поддержке чеченцами (от самого села Аршты до гранич Койсу, как сообщает «Тарих Дагестан»), в частности Ших-Мурзой Ишеримовым, аварской знати, вытесненной из Хунзаха турецко-кумыкской коалицией. При этом значение самого Ших-Мурзы для Москвы было очень велико и даже приоритетно: «В начале XVII в. (конце XVI в. – З.Т.) это было владение Ших-мурзы Окоцкого. «О.з.» (Окоцкая земля. – З.Т.) была ближайшей из чеченских земель к Терскому укреплению и казачьим городкам. Здесь же проходили важные стратегические пути, игравшие большую роль в истории народов Северного Кавказа. Такая ситуация, как и политика давлений кумыкских феодалов на окское владение – их ближайших соседей, способствовала тому, что ококи одни из первых, уже в середине XVI в., вошли в сферу русского влияния и установили через Терки тесные контакты с Москвой. Первым проводником (выделено мной – З.Т.) такой политики стал Ушаром-мурза, владелец «О. з.», затем его сын Ших-мурза. Московские цари были заинтересованы в сохранении с этими феодалами тесных взаимоотношений» [41].

Подводя итоги, отметим, что сведения А. Сулейманова о бегстве Сурака в область Перла после падения государства Симсим (1395 г.) позволили датировать начало религиозной борьбы в регионе концом XIV–XV вв. Упоминание имени Байра, сына Сурака, А. Сулеймановым и хроникой «Тарих Дагестан» и владельца Бийрига Бичча также указали на XV в., поскольку дочь Бичча являлась супругой Итона, основателя Итум-Кали. Полевые источники позволили выяснить, что дед Итона Маммач был современником Тамерлана [41]. Следовательно, Бийриг Бичча также обнаруживается в XV в. Сведения А. Сулейманова о личности Берс-шейха, оказавшегося современником Гадашейха, помогли выйти на искомого шейха Абуमुслима, отождествляемого нами с Тучелавом Алибековым. Таким образом, все совокупные сведения,

перечисленные в работе, позволили полагать о датировке первой масштабной исламизации Чечни Поздним Средневековьем, т.е. XV–XVI вв., и 1-й пол. XVII в. [43]. При этом, разумеется, надо учитывать и узкие границы допустимого объема материала в рамках данной публикации, не допускающие более подробного, а значит, более убедительного анализа по рассматриваемой проблематике. Безусловно, данный период чеченской истории по-прежнему ждет новых и содержательных исследований.

Литература:

1. Дахкильгов И.А., Мальсагов А.О. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1986. – 528 с. С. 290; Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. / Сост. Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. – Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2012. – 478 с. С. 56-57; Лаудаев У. Чеченское племя. // Чечня и чеченцы в материалах XIX в. – Элиста: «Санан», 1990 (С. 74-104). С. 88, 100, 101; Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. Научно-популярное издание. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2012. – 726 с. С. 284 и др.
2. Хожаев Д.А. Аланский историк из чеченцев. // Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). – Вып. 2. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2009 (С. 546-547). С.546; Попов И. Ичкеринцы. Исторический очерк. // Сборник сведений о Терской области. – Вып. I. – Владикавказ, 1878 (С.261-266). С. 264.
3. История Гирейхана (далее – «История Гирейхана»). // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 (С. 169-177). С. 170, 176.
4. Джанашивили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. – Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алании и Джикетии. – О царях Хазаретии. – Алгузиани. // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Вып. 22. – М.: Книга по требованию, 2016 (С. 1-196). С. 50; Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: «Наука», 1973. – 208 с. С.133.
5. Лаудаев У. Указ. раб.С.88, 102; Русско-греческий словарь. / Сост. Иван Синайский. – Изд. втор., исправл. и доп. – М., 1869. – 730 с. С.94.
6. Сулейманов А. С. Указ. раб. С. 105, 187.
7. «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи (далее – «Тарих Дагестан»). // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 (С. 85-108). С. 102-104.
8. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. – М.: АН СССР, 1963. – 370 с. С.69.
9. «Тарих Дагестан». С. 100, 101.
10. Алиев К.М. Кумыки и их правители Шаухалы в османских (турецких) источниках XVI – перв. пол. XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Вып. 2. – Казань, 2010 (С. 115-121). С. 119.
11. «Тарих Дагестан». С.105.
12. Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – 266 с. С.24-25.
13. Криштопа А.Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. – Вып. 7. – Махачкала, 1976 (С. 149-183). С. 150-151.
14. Минорский В. Ф. Указ. раб. С. 23-25.
15. Kutukoglu B. Osmanlı – İran Siyasi Münasebetleri. Cilt 1: 1578-1590. PertevNailiBoratav’a ithafı ve imzalı. – İstanbul, 1962. – XII, 232 s. S. 67.
16. Умаханов М.-С.К. Отношения России и борьба народов Дагестана с иранской агрессией в XVII в. // Из истории дореволюционного Дагестана: (Сборник научных трудов). – Махачкала, 1976 (С. 41-62). С. 48.
17. Алиев К.М. Кумыки и их правители Шаухалы в османских (турецких) источниках XVI – перв. пол. XVIII вв. С. 119-120.
18. Алиев К.М. Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. – Махачкала, 2008. – 206 с. С. 143; Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. – Баку: «Элм», 1981. – 335 с. С. 156.

19. Алиев К.М. Кумыки и их правители Шаухалы в османских (турецких) источниках XVI – перв. пол. XVIII вв. С. 119-120.
20. Эфендиев О. Указ. раб. С. 154-155; Шихалиев Д.-М.М. Рассказ кумыка о кумыках. – Махачкала: Даг. кн. изд.-во., 1993. – 65 с. С. 15; Минорский В. Ф. Указ. раб. С. 78-79; Кушева Е. Н. Указ. раб. С. 44; Каяев И. Казикумухское шамхальство (XVII в.). // Газета «Настоящее время». – 2008. – №39.
21. История Абу Муслима (далее – «История Абу Муслима»). // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 (С. 74-84). С. 79-82.
22. Сулейманов А. С. Указ. раб. С. 284, 302.
23. Попов И. Ичкерия. Историческо-топографический очерк. // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. IV. – Тифлис, 1870 (С. 209-231). С. 219-222.
24. Полевые материалы в архиве автора (далее – ПМАА). Рассказал Шахбулатов А.А. (1959 г. р.), с. Макажой, 2014 г.
25. ПМАА. Рассказал Чанкаев С.У. (1950 г. р.), с. Ножай-Юрт, 2016 г.
26. Хапизов Ш.М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.). – Махачкала, 2013. – 216с, илл.: 16. С.179.
27. Гаджи Али. Сказание очевидца о Шамиле (перевод с арабского). // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып. VII. – Тифлис, 1873 (С. 8-85). С. 22.
28. «Тарих Дагестан». С. 98.
29. История Ирхана. // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993 (С. 162-168). С. 166-167.
30. Джанашвили М.Г. Указ. раб. С. 50.
31. «История Гирейхана». С. 172.
32. Иваненков Н.Е. Горные чеченцы. // Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1911 г. – Вып. VII. – Владикавказ, 1910. С. 1-224 с.; табл.: I-IX. С.11.
33. ПМАА. Рассказал Шахбулатов А.А. (1959 г. р.), с. Макажой, 2014 г.
34. Сулейманов А. С. Указ. раб. С. 265, 266.
35. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. – СПб., 1895. – 487 с. С. 218-222.
36. «Тарих Дагестан». С. 103-105.
37. Славянская энциклопедия. XVII век: в 2 т. Т 2. Н-Я. / Автор-составитель В.В. Богуславский. – М.: Олма-Пресс; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. – 784 с.: ил. С.68; Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578-1613 гг. – М., 1889. – 585 с. С. 64, С.LXXXVII; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах легендах и биографиях. Т. I. – СПб., 1887. – 737 с. С. 37; Кушева Е. Н. Указ. раб. С.259, 260; Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI–XVII вв. – Грозный, 1988. – 176 с. С. 37-40; Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы: в 2 т. / Сост. Н.Ф. Демидова, Е.Н. Кушева, А.М. Персов. – М.: Изд. АН СССР, 1957. Т. I. – XVI, 478 с., 6 л. ил. С. 37.
38. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. I. С. 40.
39. Исаева Т.А. Военно-политический союз народов Северного Кавказа в борьбе с турецко-иранской агрессией (вторая половина XVI – XVII век). // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). / Сост. Ш.Б. Ахмадов. – Грозный, 1983 (С. 41-53). С. 45.
40. Белокуров С. А. Указ. раб. С. 80-82.
41. Славянская энциклопедия... С. 68.
42. ПМАА. Рассказала Игаева Д.В. (1973 г. р.), г. Грозный, 2013 г.
43. Исаева Т. А. Указ. раб. С. 46.

Ахмадов Муса**Нохчийн гиллакх-оьздангалла***Тлаьхе. Юьхь еша №№ 3-4 – 11-12 (2016), 1,2 (2017).***VII-гIа дакъа****Зама а, оьздангаллех болу къоман кхетам хийцабалар а
(Советан Iедал тIедале хьалхара мур)**

Муьлххачу къоман а оьздангаллех болу хьежамаш гуттар а цьхатера боцуш, заманца хийцалуш, нехан Iер-дахаре, цара лелочу дине, и дин мел доггах леладаре цадаре, церан хьал-бахаме, Iедалан дIахIоттаме, мехкан Iаламе хьабьжжина хуьлу. Цундела нохчийн къоман оьздангаллин сурт-сибат гуттар а ца хилла цьхатера, хенан йохаллехь хийцалуш схьадеьна иза.

Россин империс Нохчийчоь шен тIеIаткъамна юкъа оззалц, цул хьалхарчу заманашкахь вайн махкахь хиллачу юкъараллин дIахIоттаман ма-дарра сурт хIотто Iаламат хала ду. Амма нохчех лаьцна кхечу къаьмнийн векалша яздинчу йозанийн, вайн халкъан барта кхоллараллин цьхайолчу произведенийн, историн хиламийн маьIна дича, мелла а кхоллало иза. Историна дукха гена юха ца доьлхуш, XVIII бIешарера схьадуьйлалур вай. Оцу вай юьйцучу заманаш нохчийн Iер-дахаран, юкъараллин бух хилла гиллакх-оьздангаллин мехаллаш. Оцу буха тIехь кхоьллина ша-тайпа пачхьалкх а хилла вайн махкахь. Историн Iилмано билгалйохучу пачхьалкхийн кепех нохчийниг демократина герга хилла («халкъан Iедал» бохург ду «демократи», латинийн маттера гочдича). Амма массо а билгалонашца цунах тера йоцуш, шен башхаллаш а ю Нохчийчоь хиллачу пачхьалкхан.

Уггаре а хьалха цуьнан башхалла ю нохчийн юкъараллехь Iедалан кепаш цахилар, шайн белхалошна ял а луш, тайп-тайпана долу декхарш тIе а дехкина. Нохчийчоьхь ял (алапа) луш белхалой ца хилла юкъара гIуллакхаш кхочушдеш. Амма ял ца лахь а, и гIуллакхаш кхочушдан шайлахь билгалбаьхна нах-м хилла.

Нохчийчоьхь хиллачу ша-тайпанчу пачхьалкхаллин (Iедалан) бух хилла тайпанийн институт. Тайпано дола деш хилла шех волчу стагана, иза мел заьIап, вежарий боцуш, цьхалха хиларх, цунна цьхьанга а ницкъ а ца бойтуш, цуьнца харцо а ца юьйцуьйтуш, я иза ша харцахьа а ца лоблуьйтуш. Къам тайпанашка декьаделла хиларо, дукха гал ца долуьйтуш, нисдина латтадора нехан юкъаметтигийн терза, адамаш карзахалле а ца оьгуйтуш.

Дарвинан я Марксан харц Iилманийн лехамашка а хьабьжна, лахара мах хадомегар дац нохчийн тайпанийн институтан. Тайпанаш, ца духуш, кху замане схьадахкар – иза вайн къам шен кхиарехь тIаьхьадисар а дац, я хьалхадалар а дац. Иза вайн къоман шатайпаналла а ю, вайн къоман лаам а бу. Цо иштта тайпанашка декьадаларан хьал, шена лаа а лууш, латтийна ду. ХIунда аьлча, нохчашна гуш хилла гонахара къаьмнаш, шайн цIийн гергарлонаш а дитина (тайпанаш), хьал-бахаме хьабьжжина, тобанашка (классашка) декьаделла хилар.

Стеган хьал-бахаме хьабьжжина, сий-лерам хуьлуш а хилла оцу къаьмнашлахь, цуьнан шен я цуьнан ворхIе ден оьздангаллин сурт-сибат муьхха хиллехь а. Дуьненан хIума IаьIнарг эла хуьлуш, и доцург цунна ваца дезаш и тайпа юкъараллин дIахIоттам нохчаша тIе ца эцна. Бакъду, и дIахIоттам нохчашна коча болла гIерташ, тайп-тайпанчу заманашкахь цьхьацца боламаш хилла. Iилманчас Хасиев Сайд-Мохьмада дийцарехь, нохчех элий хила гIерташ болу нах гIеттинчу халкъо тIаьхьхара хIаллакбина XV бIешарахь, хIетахь дIа а кхайкхийна, нохчийн массо а эла ву аьлла.

Оцу заманаш дуйна сов хьал-бахам IаIор дика лоруш ца хилла халкъалахь. Стагана Iер-дахарехь ца хилча йиш йоцург хилчхьана, тоам бар барам лоруш

хилла нохчаша. И тайпа кезигчух тоам бина хилар (аскетизм) нохчочун дахаран массо а дакъошкахь гуш а хилла: буучу кхачанехь, тедухучу духарехь, дечу къамелехь, ютгучу гишлонехь. И дерриге а сов, нехан бӀаьрг тӀехь сацон хӀума доцуш, ца хилча ца торрург бен доцуш хилла. Масала, гишлош. Ламчохь мацах цкъа вайн дайша йина бӀаьвнаш куьдана дина хӀумнаш лаламат кезиг долуш, оьш-оьшург бен доцуш йина ю. Уьш мостагашна тӀекхача атта доцчохь а, еххачу хенахь чохь тен а, хьаша-да тӀеэца а, даьхний лалашдан а, юург-мерг дӀайилла а аьтто болуш йина.

Ткъа нохчийн кхачанаш лаьцна яздина XIX бешарахь ваьхначу оьрсийн Илманчас А. П. Бержес: «Нохчо кхин тӀера а вац юучунна, цундела и йоцуш тен ницкъ кхочуш а ву. Межарг, кӀах йина чорпа, деттина жижиг, аьбаран худар – и бу-кх цуьнан берриге а кхача».

Иштта, дуьненан хӀуманаш тоам бина, са меца доцуш нохчий хилла хиларан цъа бахьна ду аьлла хетта, гуттар а шен коьртамуькьалла, шен паргӀато тӀамца ларьеш, хьал-бахам вовшахта ца дуьгуш, къелла ловш даха дезар. Амма и къелла дӀаяккхар нохчийн къоман коьрта лалашо хиллехь, цуьнга кхача некъаш а халкъана карийна хир дара. И иштта цахиларна, вайнехан дайшна дуьненан хӀума (материальное) кхиорал а чӀога оьшуш хетта шен синкхетам кхиор а, лаккхарчу оьздангаллин лехамашка хьаьжжина лаьтта тӀехь дахар а.

Сов бахам лӀорна дуьхьал, цъа стаг шен хьолаца шен тайпанан вежарел я юьртахойл лакха ца валийта кхоьल्लीна гӀиллакх а хилла нохчашлахь дехаш байттал вакхар. Сов хӀума гулделлачу стагера, и сьха а доккхий, мискачу нахана юккъехь дӀасадокъуш хилла, ткъа и шаюьрташ воккхуш хилла. Нислуш хилла наггахь и тайпа стаг, юьртан я мехкан кхиэлан сацамна кӀел ца соцуш, шен доьзалца я шен гӀеранца дуьхьал волуш а. ТӀаккха тайпа я юрт цунна дуьхьал гӀоттуш хилла, хӀаллаквеш а хилла иза.

Тайпанашна, ярташна юкьара гӀуллакхаш къестош а, дерриге а халкъах хьакхалуш болу сацамаш тӀеоьцуш а хилла къоман ша тайпанчу пачхьалкхаллин институту – Мехкан кхиэло. Иза наха хӀора тайпанна юкьара хаьржинчу векалех лаьтташ хилла. Тайп-тайпанчу Илманчаша дийцарехь (А. Сулейманов, И. Саидов), цу юкьа 99, я 100, я 108 стаг воьдуш хилла. ХӀора юьртахь а, шаьбарехь а хилла шен-шен кхиэл, шена юкьавогуш исс-исс стаг а волуш.

Мехкан кхиэле хоржуш волу стаг чӀога лерина къастош хилла. Иза халкъан къонах бохучу кхетаман массо а билгалонашна жоплуш хила везаш хилла, шен схьавалар цӀена а долуш; цуьнгара шегара-м хьовха, шен ворхӀе дегара а даьлла цъа а сакхат доцуш. Цкъа хаьржина Мехкан кхиэлан декъашхо, Делан Южалло лаццалц, и декхарш дӀакхехьа дезаш хилла.

И харжам муьха беш хилла дика гойту лахахь далочу халкъан дийцаро:

«Цкъа шайх дӀакъабстинчу цъана кхиэлахочун метта кхин стаг юкьавало дагахь арабевлла хилла къаной. Нахалахь дикчу агӀор цӀеяхна волчу цъана стаге кхайкха бахна уьш. Шен яжа дӀалаьल्लीна говр лаца вахна, чохь ца карийна иза. Цунна тӀаьхьа эвла йисте бевллачу къаношна шаьш лобху стаг, гӀовталан тӀам хьала а лаьцна, шен говр тӀейоьхуш лаьтташ гина. И стаг шена хӀоь бала воллу моьтгуш, тӀеьсна говр, амма воккхачу стага, шен гӀовталан беса тӀам оьха а хецна, говран кхес схьалаьцна. Иза гина, шаьш бьсна некъ цуьнга дӀа а ца буьйцуш, бухабирзина къаной. Иштта хьайба цо тӀехор а сакхат хетта царна. Цундела Мехкан кхиэле а ца кхайкхина цара и стаг».

Мехкан кхиэло тӀеоьцу сацам, оцу юккъе вогу массо а къано реза а волуш, хила безаш хилла. Реза воцург шаьш бохучунна тӀевалош, цо бохучуьнга ладугуш, шайна хетарг бакъ хилар гайта билгал масалш далаш, цъана дийнахь а, шина дийнахь а, эшахь кхин сов а кхеташонаш еш хилла цара.

Мехкан кхиэло тӀеоьцуш хилла халкъан юкьарчу гӀуллакхийн, тӀеман, стагана наьӀалтан барз – кӀарлагӀа хӀотторан я иза махках ваккхаран, тайпанийн я ярийн къовсамийн, юкьадоккхучу керлачу гӀиллакхан, вайн махка кхечу къаьмнех болу элий кхайкхаран я уьш махках бахаран, иштта цу тайпанчу кхечу а гӀуллакхийн хьокъехь сацамаш. Нагахь вер-ваккхар хиллехь, Мехкан кхиэло билгалбаьхначу наха МаслаӀатан дайша, маслаӀат деш хилла, и дан

аьтто болуш хиллехь. Маслаатна реза воццо, я и дан аьтто ца хилча, шен стаг вийначо шен чИр лохуш хилла.

Даяханчу заманахь, мел дакхий девнаш, вер-вакхарш хиларх, тобанашца вовшех а бетталуш, цкъа а гина а, бевзина а боцчу нехан цъяна политикин я динан (идейни) хьежамаш бахъанехь, вовшех леташ ца хилла нохчий. ХIунда аьлча, и тайпа хIума нохчийн синкхетамна акха хилла. Нохчийн къоман стаг кхетош-кхиоран коьрта Iалашо хилла адам ша кхиор, шен ойланаш, шен дуьнене хьежамаш болуш, и адам ша дуьненчу даьлла а, ша Далла дуьхьал хIотта дезаш а хиларна. Цундела адам цъяна йоккхачу чорхан коьчалг санна а ца кхиош, я кхечу дешнашца аьлча тобанан стаг санна а ца кхиош, ша дечух дуьненахь нахана хьалха а, велча Далла хьалха а жоп дала дезийла хууш волу стаг санна кхиош хилла.

Мехкан кхиэлахоша хоржуш хилла шайн тхьамда Мехкада а, иштта мехкан бIобаьчча Темеда а. Наггахь и ший а дарж цъяна стагана тIедуьллуш а хилла. Иштта, Илманчас Саидов ИбрахIима дийцарехь, и ший а дарж шен хенахь тIедиллина хилла Таймин Биболатна.

Мехкан эскаран бIаьхой, кхечу декхарех мукъа а баьхна, деккъа цъяна тIеман гIуллакхна Iамош ца хилла. Мехкан бIаьхо хилар хIора кхиьна ваьллачу боьршачу стагана тIехь хилла. И хууш, хIорамма а кечам беш а хилла оьшшучохь мостагIна дуьхьал хIотта.

Мехкан кхиэлана а, халкъана а юккъехь зIе латтош хилла хIора юьртахь а хаьржина болчу туркхаша.

Цъяболчу Илманчаша дийцарехь, хIора тайпано цъяаца векал вохуйтуш хилла (оха дIабехьначу талламашца, Нохчийчохь 84 тайпа ду, царехь 68 ламчохь, шашь схьадевлла кхерчаш а болуш). Кхечу Илманчаша дийцарехь, хIора юьртана тIера шишша стаг (юьртда а, молла а) хоржуш хилла. Тхуна хетарехь, хьалхара чIагIдар бакъдолчунна герга ду аьлла хета, хIунда аьлча, Нохчийчохь йиь бIе гергга юрт ю; ткъа цу хенахь (XVIII-XIX бIешо) уьш ши бIе бен ца хилча а, Мехкан кхиэлан декъашхой виь бIе хила везара, хIора юьрта тIера шишша стаг хоржуш хилча.

Мехкан кхиэло гIиллакх-оьздангаллин мехаллашна тIехь латтийна нохчийн маьрша пачхьалкх, билггала йолу Iедалан кепаш цахиларна гIийла хеталахь а, чIога хилла. И иштта хилар дукхазза билгал а даьлла нохчийн исторехь, кхечу мехкашкара мостагIий вайн латта дIадаккха тIелетча. Дагалоцур вай АстагIчу Тимарца я ГIирмерчу ханаца Тохтамышца нохчаша бина тIемаш.

Нохчийн махкахь хIетахь хиллачу Iедало урхалла а ца дора, иза цъяна адамийн тобанан карахь кхечеран лаамаш «хьобьшу чарх» а яцара. Цо уггаре а хьалха нахана а, тайпанашна а, ярташна а юкъахь маслаат дора, церан лаамийн терза нийса а латтош.

Ша-тайпа гIуллакх кхочушдеш хилла нохчаша куьйгалла дан кхайкхина балийначу гонахарчу къаьмнийн гIебартойн, таркхойн, гIумкийн элаша. Цара нохчашний, оьрсийн я кхечу мехкан паччахьний юкъахь зIенаш латтош хилла, Мехкан кхиэло шайна тIедехкина цъяаца декхарш кхочушдеш а хилла. И болх барна элашна хIора а ларош волчу стага, билгалбинчу барамехь ялта я кхитайпа ял луш хилла, иштта лаьтгах дакъа деш а хилла. Нагахь адам элана реза ца хилча, иза эккхош хилла, девне ваьлча, вуьйш а хилла.

Иштта, оццу А. Бержес дуьйцу гIумкийн эла эккхорах лаьцна: «Цкъа ялта дIадала веьначу цъяна нохчочун тидам хуьлу, ялта чудухку барам, шашь билагбаьккхинарг боцуш, кхин хилар, мелла а боккха. И харцо гича, оьгIазвахначу нохчочо и барамна лелон дечиган пхьегIа, уьйгIа лаьтгах тухий, йохайо. Цунах кхералой эла, шена дуьхьал халкъ а гIеттина, цо ша пайдабоцчу ваккхале, шен гергарчу нахаца цъяаьна воду».

Гуш ма-хиллара, нохчаша кхайкхина валош верг шайна эла а, шашь цунна муьтIахь нах а хила валош ца хилла, иза цара билггала долу декхарш кхочушдан, балха оьцуш хилла, цуьнан балхана реза ца хилча, эккхийна дIа а вохуйтуш.

Амма нагахь нислуш хилла, шен бIоца а, хьолаца а совваьлча, сонта волуш а, гуттаренна а нохчашна шен олалла тIедожо лаам болуш а волу эла. Цунах

лаьчна дуьйцу «Теркаца хьала а, охьа а вехаш хиллачу эла Мусостан а, Адин Сурхон а илли» тӀехь а.

Шайн ницкъаца а, тӀаьхьо оьрсийн паччахьан Гоьнца а нохчашна шайн Тедал Тедеожа арабевллачу кхечу къаьмнийн элашна дуьхьал Гаттамаш беш хилла нохчаша кест-кеста. Уьш, дукха хьолахь, и элий вайн махкара лохкуш даьобрзуш а хилла. Наггахь нислуш хилла хийрачу элийн ницкъ тулуш. Таккха а, царна къера а хилла, буха ца совцуш, цхьана ханна аре а юьтий, ламчу бухабовлуш хилла нохчий, аьтто ма белли, буха а баьхкина, шайн махкана дола дан.

Нохчийн халкъан вай юьйцучу заманахьлера Гиллакх-оьздангаллин юьхь-сигаг, коьрта долчунна, билгалдоккхуш хилла вайнехан динах болчу тешамаша.

Вайн цхьаболчу Илманчаша дийцарехь (масала, Багаев Мусас), нохчаша бусалба дин теэчна диь бле шо гергга хьалха. И зама цара билгалйоккху нохчашлахь карийначу бусалбанийн Гиллакхехь (Гарбийн йозанца яздина) хӀоттийначу чурта тӀехь хиллачу терахьца. Амма билгалдаккха деза, бусалба дин нохчийн тайпанаша массара а цхьана заманахь теэчна цахилар, теэцначохь а Тесачу динан я кериста динан ламасташца цхьаьнайина хилла иза. Нагахь Кьилбехьарчу, ДегӀастанца доза долчу тайпанашна бусалба дин дикка хьалха девзина хиллехь, Органца долчу цхьадолчу тайпанашкахь и дин чӀагӀделла Шемалан заманахь; ткьа МӀайстахь я Маьлхистахь цӀунийн динан Гиллакхаш вайнах цӀерабаххалц даьхначух тера ду. Цунна тоьшалла до хӀокху дийцаро:

«...Кхоротах а, Комалха а, ЦӀайн-пхьеда а ул-уллохь ю. Комалхара хьалавоьдуш, Кхоротах олучу меттехь, юьрта хьалакхоччехь, кӀентан а, ненан а маьлхан каш ду. Сибрехара нах ца баьхкича (1957 шарал тӀаьхьа. М. А.) хилла и каш. Иза Зайтан каш олуш ду. Вай цӀера дахале, Зайтан дакъа коша чуьра ара а доккхий, пенаца дӀа а хӀоттадой, Деле догӀа делхийтар доьхуш хилла юьртахоша. Адам цецдаллал, дахка ца луш, дика лаьгташ хилла Зайтан дакъа. Иза иштта лагтар Делера цхьа билгало ю аьлла хеташ хилла царна. Маьлхан каш а, цуьнан гуо а сийлахь а, беа а лоруш хилла.

Цомгаш хилла волу стаг цу маьлхан коша чу охьавуьжуш хилла, циггахь цунна дарба лелош а хилла. Коша уллохь доӀанаш деш хилла наха, шайн хьашташка хьаьжжина». («Пхьармат» журнал, 1991, № 1).

Оцу дийцаро а гойту нохчашна юкьахь мел деха даьхна Тесачу (цӀунийн) динан (язычествон) ламасташ, Гиллакхаш. И Гиллакхаш дӀатесча а, ца къаьстина Тесачу заманан амалш, хьежамаш вайнахах. Иза къеггина гуш ду вайн халкъан барта произведенешкахь. Масала, вайн дуккха а иллеш ду турпалхоцо, хийрачу махка а вахна, нехан даьхни – жа я говрийн реманаш – лохкуш, уьш байшна а, жобрахь бисначу зударшна а, мискачу нахана а дӀаекъаран Галашонца. Наггахь новкъахь хиллачу тасадаларехь турпалхо, чов хулий, вала вужуш меттиг а хуьлу; таккха иза стиглахула тӀехдолучу олхазаре вистхуьлу: «ХӀей доьду олхазар, хьо оцу юьрта додахь, со кхузахь, ца воьрзу чевнаш а хилла, воьжна ву алалахь», бохуш.

И тайпа илли хьоблличунна а, ладугӀучарна а чӀогӀа нийса а хета оцу турпалхоцо лелориг. Амма бусалба динан философехь нийса-м муххале а вацара иза, мелхуо а нехан рицкъина тӀе а кхевдина, Дала уггаре а ца магийначу къьинийх цхьаь латош ву.

Иза кӀелхьаравоккхуш ала тарло, цо лачкъориг хьоладайн даьхни ду, цо нах а бацош гулдина, нохчашкара дӀадаьхна латтанаш а лелош, цунах терра кхин а. Амма оцу бахьанаша а цӀан ца до къола, хьарам хӀума. Иштта нехан рицкъ маго Гертгар Тесачу (цӀунийн) динан философи ю. Цуьнан коьртачу принципех цхьаь ю – хийрачу нахана тӀехь, мухха баьккхина а, толам баккхар. Ткъа нийсо – иза шен юьртахь, я шен тайпанна юкьахь, я, уггар гена ваьлча, шен къома юккьехь лелон езаш хилла; хийрачу махкахь, хийрачу нахана юккьехь нийсо лелор тӀехь ца хилла, толаме кхачар хилла декхар.

Иштта толам баккха Герташ, къовсамехь валар а турпалалла, боьршачу стеган дахаран хила хьакь йолу чаккхе лоруш хилла. Цу хьокьехь дуьйцуш иштта халкъан хабар а ду:

«Цкъа цхъа лахенцара стаг цхъана шен гІуллакхна ламчу вахна хилла. Суйре тІе а кхаьчна, цхъана ламарочун хІусамехъ буйса яккха сецна иза. ХІума а йиъна, хІара паргІатваьлча, хІусамдас хаьттина хъеше: «Хъан да волуш вуй?» аьлла. «Вац, хьо марша, дІаваьлла шен да», жоп делла хъешо. «Муха велла хъан да?» хаьттина хІусамдас. «Цомгаш а хилла, метта охъа а вижна, велла-кх», жоп делла вукхо. «Ткъа хъан денда муха велла?» кхидІа а хаьттина хІусамдас. «Иза а иштта, цомгаш а хилла, метта охъа а вижна, велла-кх», иштта хилла хъешан жоп. КхоалгІачу дех а изза хаттар дича, изза жоп делла хъешо. Таккха хІусамдас, шен хъешана бегаше Јоттар еш, аьлла бохура: «Хьо охъа ма вижалахъ, лийр ву хьо».

Таханлерчу дешархошна мелла а хала хир ду хІусамден хаттарийн а, цо хъешана йинчу Јотгаран а маьІнех кхета. Цундела кхетадо вай иза. Іесачу (цІунийн) динан философехъ боьрша стаг тІамехъ, кьовсамехъ, леташ валар уггаре доккха дозалла хилла. Цундела дуьненчуьра иштта кьона боллушехъ дІабевллачу шен дайх куралла еш волчу хІусамдас, шен хъешан дай мел сийларам болуш хилла хъажархъама, дина и хеттарш.

Ткъа «вала ма-веззара» велла цуьнан кхаа дех цхъа а ца хилча, шен цунах «цавашар» (бегашийна делахъ а) гучу а доккху хІусамдас («хьо охъа ма вижалахъ...»). Цо а

гойту и хІусамда ислам-динан философин гурахъ воцуш, Іесачу заманан хъежамийн йийсарехъ хилар. Гуш ма-хиллара, нохчийн кьоман оьздангаллин сурт «кьорза» хилла XVIII бешеран юьххьехъ. Иза доьзна ду нохчаша массара а цхъатерра бусалба дин тІеэцна цахиларца. Малхбалера, аренцара лаьмнашка хъаладахначух тера ду бусалба дин, цхъаццанхъара цІунийн дин а, цхъаццанхъара кериста дин а дІа а тоттуш. Бусалба дин нохчаша цхъатерра тІе ца эцаро аьтто хуьлуйту вайнехан оьздангаллин сурт-сибат бІаьрла дуьхьал хІотто. Нохчийн ислам-дин тІеэцаза болчу нахе а хьовсуш, вайн ала таро ю, муха хилла вайнехан гІиллакхаш хьалха заманахъ.

Иштта, нохчех уггаре а тІаьхъа бусалба дин тІеэцна бу гуьржийн махкахъ беха вайнах. ДІадахначу бешеран 50-чу шерашкахъ а къаьстина дацара церан динца долу гІуллакх: цхъаберш кериста бу шайш бохуш, вуйш бусалба бу бохуш бехара, цу юккьехула цІунийн ламасташ а лелош. Масала, тахана вайна акха ду, кьилахъ дуйла хаьа вахош долу малар. Амма и малар а, шуйнехъ дош алар а (тост), ловзаргахъ хьовха, стаг веллачохъ тезетахъ а хилла Гуьржехарчу нохчашна юккьехъ хІинц-хІинцца а. «Тост» боху дош а ду церан маттахъ «ханеха». Гумашвили Сулеймана дІаяздина царах цхъаь, тезетахъ олу ханеха ялайо оха кхузахъ: «Делан кхиэл еза ю. И схъаэца еза, дан хІума дац. ГІайгІа ярах хІума хир дац. ХІара ханеха, нийса аьлча, гечдар, мала лаьа суна вайн юьрган кешнашкахъ боккучу нахана тІера. Уьш шира дай бу, амма цара тахана шайна тІевигна волу стаг дІаэцна, доьзалхо а вина. Цунна хІусам ели цара. Цундела церан массеран а синойн хан еха хуьлда, Дала гечдойла, Дала ялсаманехъ бойла, хІусамда хІара кІант хуьлийла, вай тахана ларамца новкъа ваьккхинарг! Амин!» («Орга» журнал, 1993, № 1).

Лакхахъ вай далийначу масалша гойту кьоман оьздангалла, замане а, билггала долчу исторически хьелашка а хъаьжжина, хийцалуш хилар. Тайпанаша хаьржинчу векалех лаьтгачу Мехкан кхиэло верасалла деш хилла нохчийн юкьаралла гуттар а низамехъ, оьздангаллин бехкарийн гурашкахъ яьхна бохург бакъ дац. Тайп-тайпанчу бахъанашна наггахъ зама йогІуш хилла иза халчу киртигехъ нислуш. Иштта чолхе зама хилла Алдара Ушурма (вина герггарчу хьесапехъ 1760 ш., кхелхина 1797 ш.) шен хъехамашца нохчашна юкьаваьлла хан а (XVIII бешеран шолгІа ах). Нохчаша шайн рогІера гІаттам а бина, кхайкхина а, кхайкхаз а баьхкина хилла, шайн олалла халкъана тІехъ чІагІдан гІоьртина кхечу къаьмнех болу элий лаьхкинчул тІаьхъа яьллачу маршонах уггаре а хьалха пайдаэцна вайн махкахъ алсамъевллачу гІеранаша, тилла-тобанаша. Царах цхъаерш даррехъ, лечкъар а доцуш, харцонан некъ юьхбар а лаьцна, боданан лай хилла, ларош волчунна а, мискачунна а «шайн» воцчунна – массарна а талораш, къоланаш деш араевлла хилла. Боьхачу некъах

духадовла шайна меттиг ца йита, цара ша-тайпа дуй бууш хилла, масала, иштта: «Ас дуй буу Собыжа хи чохь хьозанна кхосса тIулг а ма бац, Органан чIожакх старана тоха сара а ма бац», олий. И дуй а буйй, уьш йилбазан новкъа бовлуш хилла, талорца а, зуламца а, осалаллица а оздангалла, гIиллакх хуьйций. Цара харцахьа мел дерг деш хилла, цхьа а бехкам боцуш, уьш совцо цхьа а хьехам а ца хилла, цхьа Южалла йоцург.

Дийнера де мел дели алсамьюбйлучу гIеранаша керлачу лолле дерзош хилла вайн халкъ цхьа а барам а, доза а доцчу зуламхойн лолле. Оцу хенахь кхолладелла ду вайн халкъан барта произведенешкахь дисина «Орца дала! ГIера йогIу!» боху дешнаш. Юьртана тIелата йогIучу гIеранакх бIаьрг кхетча, олуш хилла уьш. Ткъа гIера, дуьхьал ваьлларг тухуш, Iуттуш, вуьйш, йилбазмохах юкьахьавзаш хилла. Нехан бахамна тIекхийдина ца Iаш, шаьш нах а лечкъош хилла цара, шайн болчарна я кхечухьа дIабубгий хийрачу мехкийн хьолахошна, лай санна, мехах бухкуш. И тайпа ун нохчашна юкьа даржаран коьрта бахьана хилла хийрачу элаша олалла дечу хенахь нохчашна юкьахь Мехкан кхиэлан Iедал а, и шена тIехь лаьтташ хилла гIиллакх-оздангаллин баххаш а гIелдалар, цара халкъана беш болу тIелаткъам жимбалар. Оцу уьнна дуьхьал, Делан цIена дин ислам халкъана карладоккхуш, гIеттина Алдара Ушурма. Нохчийчохь баьхначу дуьхьхарлерчу эвлаяэх цхьаь хилла иза. Шен хьехамашца нахана юкьавалале хьалха Делан дош Кьурьан, Делан Элчанан (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) хьадисаш Iамош къахьегна цо.

Хетарехь, халбата хьйна Iийначух тера а ду иза. Нах цIенчу дине кхайкхаран хьехамаш биз аьлла, гIенакх Пайхамара (Делера салам-маршалла хуьлда цунна) тIедиллина шена олуш а хилла Ушурмас. Цо шен юьртахой а гулбина, цаьрга вистхуьлуш дина къамел, хетарехь, шен чулацам иштта болуш хиллачух тера ду: «БисмиллахIиррохьманиррохьийм! Делан езчу царца доладо ас. Нах, хIума ган бIаьрса делла вайна, хIума хаза лерса делла вайна, вистхила мотт, кховдо куьг, баккха ког, вайна делла, ялта дуьйш, рицкъа даккха аьлла, хIара Iаьржа латта, вайна елла догIанца, лайца Делан беркат тIеделхош йолу и сийлахь стигал; вайна делла де а, дийнахь кхета малх а, шен йовхонца дерриге а дендолуьйтуш болу; вайна елла буьйса а, бодане хорам ца байта, седарчий а латийна, озьдачу адамиин синоин серлонца лепа бутг а кхетийтина. И дерриге а вайна АллахI це йолчу Дала делла, оцу Делера охьа а доьссина Кьурьан ду вайгахь, Далла дукхадезна гIиллакхаш вайна боьхуш, Iамош.

И иштта доллушехь, и дерриге а дицидина, харцонца нийсо хийцина, хьарамца хьанал хийцина, мискачунна, гIийлачунна ницкъ беш, цIенаниг, боьханиг къастош доцуш, деха вай, кхана догIучу къематан дийнахь, Делан нийсачу кхиэлах ца кхоьруш. ХIун ала воллу хьо, мискачу нехан лечкъийначу даьхнех хьайна бахам биллинарг, Адаман зуьрет маьхьшаре кхайкхина, хIораннан къабала оза мизан-терза дIахIоттийча? ХIун дика дилла воллу хьо оцу терзан тIе? Хьо, осала некь юьхьарлаьцнарг, хьайна дегIана там лохуш, шайтIа дендинарг, Делан цIена дин а, цо бен бехкамаш а бицбинарг, муха яйа воллу хьо, нехан хьеш а кхехкош, герга балийна малх болчу дийнахь хьайга йобьссина хьогалла, мичара дер ду хьуна и яйа хи?ХIей, хьо лаьттарг, хьайн къена да-нана тесна дитинарг, къеначеран сий ца дийриг, хьуна хаьий цу къематан дийнахь, тхов тIехь чIогIа ког баьккхина а, шен да-нана реза ца динарг ялсамане ваха йиш йоций, цигахь, эхартахь дерригенал а деза леринарг гIиллакх, оздангалла юй? ХIей, хьо, цкъа а сагIийна хIума кховдоза верг, цкъа а пIерасканан буьйсанан йозалла ца евзинарг, хьо муха вала воллу туьран диттал ира долчу суьртан тIайх? Хьенан гIоьнца? Дац я хьуна а, я хьуна а, я цхьанна а кхача гIо, шух хIора а тахханехь, тоба а дина, нийсачу новкъа ца валахь.

Тахана кхузахь, кху майданакх вай вовшашна массарна а дехка деза зуламаш, харцонаш, хьарамлонаш. Дуйнаца дехка деза къоланаш, осала леларш, адамаш идор. Иштта, вовшашна къинтIера а довлуш, вай йита еза ваьшна юккъера чIираш, маслаIат деш дерзо деза девнаш...

Нагахь и вай ца дахь, вайна тIебуьссур бу буьйцу а ца хезна баккхий баланаш. Вай стенна дуьйцу, тахана вай лелон харцонаш, зуламаш, осалаллаш бахьанехь,

вайна т'аьхьа т'ейог'учу т'аьхьенийн а дезар ду баккхий баланаш лан...» Х'окху къамелехь тидам т'ебохуйту Ушурмас шен заманахь дечу зуламаша т'ейог'учу ханна т'елаткъам бийр бу бохучо. И ч'аг'дар нийса дог'у стага дина дика а, вуон а т'ейог'учу ворх'и т'аьхьенна а дакъа кхочуш ду бохучу нохчийн къоман философин хьежамца. Шен юьртахошна, махкахошна хьалха дечу къамелан чулацам болуш хилла Ушурмас гонахарчу къаьмнашка дахьийтина кехаташ а. Царах цхьанна а т'ехь Ушурмас ца боху ша б'обабьча ву я т'амна кечло, цо нахе ц'андаларе, бусалба динехь нисдаларе кхойкху. Ала деза Ушурма дика къамелахо хилла хилар, нехан дегнех кхета дош карош а, и ала хуш а. Цул сов, цхьацца хиндолу х'умнаш хаа Дала ницкъ беллачух тера а ду цунна.

Иштта, халкъан дийцарша хаам бо цунна мохк бегор буйла хийна хиларх. Дуйцу, Бух'ан-юьртахь тахана болу Iам Ушурмас шен хенахь хир бу аьлла бохуш а. Дийцарш иштта ду. Бакъдерг хуш Дела ву. Мухха делахь а, Ушурмин хьехамаш бахьанехь Нохчийчохь деха адамаш цхьана юкъяна зуламаш, къоланаш, маларш мийларш дитина, Ушурмина т'е а оьхуш, тобанаш деш, ц'анделла д'ах'иттина. Ушурмас метгах'иттийна цхьана хенахь нохчаша тесна дитина г'иллакхаш а: зуламхошна к'арлаг'аш х'иттор, х'уй кхайкхор, уьш махках бахар. Наха шайна арахь охьайоьжна Iуьллуш х'ума карийча, кхайкхайора, цуьнан да ца ваьлча, некъа йистехь гуччохь охьаюьллур, иза цхьамма а д'а а ца оьцура, цуьнан да т'екхачалц. Оццул шайн синкхетамца таделла хилла адам.

Керла ваьлчачу эвлаян ц'е а, сий а гонахарчу къаьмнашна юккъехь а даьржина. Цуьнга ладог'а, и ган хьаьгна, шина х'орда юккъехь деха дуккха а адам Нохчийчу таттаделла. Цунах озаделлачу оьрсийн паччахьан Iедало шен эскар доуйту Алда 1785 шеран 5 июлехь, шен коьртехь полковник Пьери а волуш. Уьш берриге а аьлла нохчаша х'аллак а бо. Соьлжа хи дерриге а къайладаьккхина дара боху, церан лаба йолчу куйнаша. И т'ом хиллачул т'аьхьа кхин а лакхадолу Ушурмин сий а, адамаш цунах тешар а. Цуьнан тур ластва ма диннехь дахлора, цо и цкъа тоьхча, иттех вужура, цуьнан тур лавттах кхетча, боьра х'уттура бохуш, хабарш а даьржа нахалахь. Цара кхид'а а т'ом баре кхойкху Ушурме.

Иштта, цхьана аг'ор оьрсийн паччахьан эскар т'елатар а, вукху аг'ор Алдахь хиллачу т'амо дегнаш ира-кара х'иттийначу нехан лаам а бахьанехь, шен коьрта некъ адам бусалба дине далор, оьздангаллехь нисдар Iадда а битина, т'еман новкъа вала дезна Ушурмин. Амма цуьнан т'еман кхиамаш к'езиг хилла шен къоман синкхетам кхиош цо бинчу белхан беркатечу жам'ел. Церан мах цкъа а бан йиш яц нохчийн къоман исторехь. Шайх Мансура нохчашна юккъехь д'абехьначу кхетош-кхиоран балхо дуьхьхьара гайтира, бусалба дин доьзуйтуш, оьздангалле кхойкхуш олучу ц'енчу, даггарчу даше ладог'а а, дикчу аг'ор хийцадала а ницкъ болуш вайн къам хилар.

Мансуран зама д'аяьллачул т'аьхьа, Шемала имамалла д'акхобьхучу хенахь нохчийн къоман оьздангаллин сурт-сибат дикка хийцаделлера. Иза доьзна дара Шемала шен т'еман-политически Iедал ч'аг'дарца. Оцу Iедалан лехамаш тера бацара нохчийн дукха хьалха дуьйна схьаьначу урхаллин кепах Мехкан кхиэлан куьйгаллех. Нагахь нохчийн пачхьалкхалла дерриге а халкъо Iедалехь дакъалацаран буха т'ехь лавтташ хиллехь, Шемала х'оттийнарг цхьана стеган (имаман) лаам коьрта болуш, массо а цхьанна муьт'ахь волуш хила дезарна т'ехь дара.

Милла велахь а, цхьана стагана муьт'ахьалла ца дезаш, гуттар а самукъне а, беламе а, иллешний, хелхаршний т'ера а болчу, шайн лаам кхочушбан самаьрша а, коьртамукъа а хиллачу нохчаша Iаламат хала т'еобцура Шемалан Iедал а, цу Iедалан керла г'иллакхаш а. Масала, нохчийн Iаламат деза лоруш ду, хийра стаг волчу чу а вахна, цуьнан ялтех кхетар. Оцо стагана т'ебожабо цхьацца бехкамаш, хадо йиш йоцу дозанаш. Царах цхьаь ду цхьана х'усаман шуьнехь хилла стаг оцу доьзалерчу йо'ана т'ехьовза йиш цахилар. Амма шар'Iе диллича, гадаьлла х'ума а дац иза. Цундела Шемала оцу нохчийн Iадатан бехкам атта божабо ша цхьана вайнехан х'усамехь Ша'банан доьзалехь нисвелча. Цо х'усамдега эвхьяза д'ахьахадо шен захало. Цул т'аьхьа х'усамдегахь хиллачу

хьолах лаьцна яздо Айдамиров Абузара шен «Шемалан леламаш» повеста тӀехь.

«Шабанан коьрте зуз деара. Инзаре доккчачу собаро ницкъ белира цунна шаьлта ца тоха. «Шаьшлахь санна, кхузахь а зударшца йолу юкъаметтиг эвхьаза хуьлу моьттуш, дуьйцу хир ду-кх хӀокхо иза». – «Йобан дега олу ткъа иштганиг?» – хаьттира Шабана, иза зерхьама. «ХӀунда ца олу?» – «Тхан гӀиллакхехь чӀогӀа бехке ду иза». – «Бусалбанашна массарна а мега гӀиллакхаш ду шарӀо вайна схьахьохуш, Шабан. ШарӀо адамаш ца къестадо, нохчо, суьйли, гӀумки бохуш». – «Шемал, хьо имам а, шайх а ву, – элира цо курра. – Ткъа со оьзда нохчо ву. Шайн цигахь шайн гӀиллакхаш лелор ахь. И сан гӀуллакх дац. Амма сан хӀусамехь нохчийн гӀиллакхийн сий дан дезар ду хьан. Нагахь и тайпа эвхьаза дош суна шолгӀа хеза-кх... Хьо мила велахь а, могуьйтур дац ас». Шемалан бӀаьргаш чохь оьгӀазаллин цӀе кхерстира».

ХӀокху текстехь, хин тӀадам чохь стигалан сурт ма-гарра, къеггина схьаго Шемала нохчийн къома юккъехь оьздангаллин декъехь лелийначун коьрта билгало: шарӀаца нохчийн тӀадаташ хийца гӀертар. И болх цо ницкъаца, тӀамца, цӀарца дӀахьош а хилла. Цо юкъадаьккхина боьршачу стагана пхийтта шо кхаьчча зуда ялор а, цхьана стеган масех зуда хила магор а. И ший а гӀиллакх шарӀаца догӀуш ду аьлла, юкъадалийна ца тӀара, и ший уггар хьалха тӀамо хӀаллакдеш лаьтгачу къоман тӀаьхье, тӀамна керл-керла бӀаьхой кхийта юкъадалийна дара.

Цхьаннал сов зуда ялош гӀиллакх хиллачух тера дац вайнехан хьалха заманахь. Иза Шемалан заманахь юкъадаьккхина. Айдамиров Абузара дийцарехь, Шемалан заманахь жоьра бисинчу зударшка шайгга къастабойтуш хилла шайна маре баха боьрша нах. Нагахь стаг реза ца хилахь, иза ор чохь валлош хилла, цо шен ойла хийцалц.

ТӀамца, ницкъаца тӀетӀаййна хӀума атта тӀеоьцуш доцчу нохчийн халкъо, шен хирг деш, дуьхьало йина керла юкъадалочу гӀиллакхашна. Нагахь иза забаречу кепехь нислуш а хилла. Цунах лаьцна дуьйцу халкъан дийцаро.

«Майртуьпана гена йоцчу цхьана арахь, Мичик хина дехьий, сехьий, лата гулделла оьрсийн паччахьан, Шемалан ши эскар. Шена уллохь наибаш, эскаран дакъошна тӀехӀиттийна хьаькамаш, мурдаш а болуш, ехачу турмала хьоьжуш лаьтгаш хилла Шемал. Имамана гина паччахьан эскарна юккъера кӀайчу динахь, кӀайн чоа а тӀехь, шурула-кӀайн месала куй а коьртахь схьаиккхина цхьа эпсар-бере. Юдара кхоьссича санна, говрахь Мичикал сехьа а ваьлла, бай тӀехула дин хьийзо ваьлла иза. ТӀаьхьарчу когаш тӀе дин а хӀиттош, карара пиренг-тапча а лестош, лата вала стаг вуй шеца бохуш, мохь бетташ хилла оцу оьрсийн эпсаро.

Шемалан бӀаьхошна хьалха дуьйна вевзина хилла и оьрсийн эпсар-бере. Иштта, шеца лата яхье а ваьккхина, хьалхенгахь цхьаь-шиь тӀемало вийна цо Шемалан бӀох. Масийттаза тоьпаш а кхийсина, цунна кхеташ ца хилла. Эрна молха дайар хетта, кхин топ ца кхуссуш, севцца нах.

БӀаьргана хьалхара турмал дӀа а яьккхина, шена юххехь говрашкахь лаьтгачу тхьамданашка жӀайн матгахь аьлла цо:

– Дависарг я! Шена зен а ца хуьлуш, и эпсар вийначунна ма совгӀат лур дара-кх ас.

Гена воццуш, цхьа тиша кетар-хархар а юьйхина, юкӀах къевллина йихкина, кеманан пийсиг санна, йоккха шаьлта а йолуш, коьртах, хола санна, месала куй а болуш, цхьа гӀеметта хӀоьттина нохчо-тӀемало хилла говра тӀехь.

– ХӀун боху имамо? – хаьттина цо.

Дийцина цуьнга.

– Делахь, ас боху ала оцу имаме, совгӀат цо суна дахь, хӀокху делан сохьта цу эпсаран аьтту куьг имаман динна хьалха охьатосур ду ас.

ДӀааьлла Шемале. Хьаьжна имам, юнаш санна, сийна ши бӀаьрг тӀе а боьгӀна лаьтгачу нохчочуьнга. ТӀехь дукха беркӀа вайча, хаьттина Шемала:

– Хьобга велур вара иза?

– Гур ду хьуна иза-м.

– Дика ду, – аьлла Шемала. – ТӀехьаьжча, цу эпсаран карах валарх кхоам

боцуш стаг ву хьо. Ткъа ахь и вехь, ши доттагI а хир ву вайша. ХIун совгIат ду ахь соьга доьхург?

– Имаман дош пайхамаран дош санна ду, – аьлла нохчочо. – Ас и вен а вийна, цуьнан цет деъча, бакьо ло суна хъайна хъалха цигаьрка оза.

ПовгIа яьлла гонаха. Цецваьлла имам. Цигаьрка узург, мерах луьлла а юллий, юханехъа вира тIе а хаавой, юьртахула лелавойгуш хилла имама. Томка дуьйш-лелочун корта боккхуш хилла. ХIетте а аьлла имама:

– Ели ас хъуна и бакьо.

Дин хъийзочу эпсарх-берех бIаьрг а тоьхна, куйна йистера схъаяьккхинчу луьлли чу томка а диллина, сиха кIожам латийна таПийна луьлли чу а боьллина, Шемална хъалхха боккха кIур а баьккхина, гихь йоллу мажар-топ караэцна нохчочо. Чапхин цетуху дIа а тесна, тоьпа-лергахь молха дуй а хъаьжна, багахь еха луьлла а йолуш, нуьйра чохь нис а велла, ма-йоьдду эпсарна тIе хаьхкина нохчочо говр. Буйнахь айина тапча а йолуш, чаболахь хъайина эпсаро шен говр, хаьхкина вогIучу нохчочунна дуьхьал. Тапча кхоссал бен юкъ ца йисина. «Закъ» аьлла, шен говр сацийна нохчочо. Эпсарниг а сецна. Топ хъажийна нохчочо. Луьллек баьккхина боккха кIур ша лаьтгачохь дIахецна. Кхуьнан топ харц хили моьтгуш, «ХIинца-м хъаха вара ас хьо вуьйр», дагадеьначу эпсаро, голаш а таИийна, шен кIайн дин тIехецна къонахчунна. Шен тоьпалерга молха дохка сихвеллачуа-а, кочахь кхозучу, молха чохь долчу гIурех, лерга-маIех ка етташ хъаьвзина нохчо, ша воьхна мотгийта. Гуттар улло а вайитина, некхан уьн тIе мажар тоьхна, куьлла санна, говрара чувайитина цо эпсар.

Шайн бере динара вужуш а гина, Мичикал дехъарчу гIалагIазкхаша, маьхъарий а детташ, дой схъахаьхкина, нохчо шайгара ца валийта.

Говрара охъаиккхина, мегарг са а далаза волчу эпсаран шаьлтанца куьг а даьккхина, цуьнан пиренг-тапча шен доьхкарх а йоьллина, баттара даьккхина эпсаран тур долчун некха тIе а диллина, Iадда лаьтгачу эпсаран кIайчу дина а ваьлла, шен говр юххе а лаьцна, дIахаьхкина кетар-хархар йолчу стага имам лаьтгачухъа. Таьхъа ца кхиьна гIалагIазкхий. Имамана тIекхоччушехъа, кIайн дин биь ког тоьхнначохь саца а бина, аьлла нохчочо:

– ХIан, имам! Кхин этIор дац хъан дог цу эпсаро!

Иза а аьлла, цIетана ша даьккхина эпсаран куьг Шемална хъалха тосуш, юха а вирзина, аьлла шен наibe:

– Наиб! ХIара сан говр дин боцчу тIемалочунна ло!

– Тур дацара оцу керистанехь? Иза хIунда ца деара ахь схъа? – олуш, мохь тоьхна цхъана бIаьхочо.

– Баттара а даьккхина, беречун некха тIехь дитира ас иза. Бусалба велахь а, кериста велахь а, майраниг майра ву. Майрачун сий дан деза, и милла велахь а!

Иза а аьлла, меллаша шен куйна йистера луьлла схъа а яьккхина, бIаьрганегIар тохале кIожам а латийна, «пакх» аьлла, луьллек кIур а хецна, дIахIоьттина стаг имамана юххе.

КIезиг вайнехан мотт хууш волу Шемал кхетта нохчочо аьллагIух. Вистхилла иза:

– И луьлла озар хъуна хъанал дин ас. Тахана дуьйна дIа уггар йоккха майралла гучуяьккхинчунна луш совгIат хир ду сан: «Цигаьрка оза бакьо». ХIара къонаха воцчунна, сайна хъалха и озар цхъанна а могуьйтур дац ас. ХIетахь дуьйна доккха совгIат хилла луьлла оза бакьо ялар». (Х. Ошаев. Заманан некъаш. 1975).

Иштта хъал хиллагIух тера ду томка озарца Шемалан заманахь. Ткъа пондар, вота, илли, хелхарш, забарш, узам и дерриге а нохчашка дитийгарехь кхин а кIезиг бара Шемалан кхиамаш. ХIунда аьлча, уьш нохчийн амалан, синкхетаман ца хилча йиш йоцу дакъа хилла массо а заманахь. Иза деккъа цхъа самукъадаккхар хилла а ца Iа нохчашна. Иза, хала киртиг тIехIоьттича, церан дог-ойла меттахь латто догIу орца а хилла. Дагалоцур вай Дадин-юрт йоккхуш Дадин Айбихас дина хелхар, мостагIех летачу юьртахойн дегнаш ира-кара хIиттош. Ткъа хууш ду, Iадхьокху я дечиган пондарца нохчаша дарба деш а хилла цхъаццайолчу цамгаршна, масала, IаьржабIаьрг яьлча.

Иштта, узам беш Једал хилла нохчийн, кхин довла меттиг йоцуш, мостагIаша шайна гуо бича а. Цуьнан чулацам: маьлхан дуьненан Юдикаяр, шайн дагахьбалламаш а, мерза уьйраш а дагалацар, Деле гечдар дехар – хилла. Иза дика гайтина Л. Н. Толстойс шен «Хьаьжа-Мурд» повеста тIехь. Кавказан тIамо вайн кьам бларздича, гIелдича, кхачо а, доьза дан а герга кхаьчча, шен хьехамашца юкьаволу Кишин воI Кунта-Хьаьжа. Цуьнан хьехам, адамашка Далла Iамал ярехь нисдаларе, совдовларе кхойкхуш, тIегIертачу вуонна, мостагIчунна еш йолу дуьхьало тIамца ца еш, бусалба дин лелорца, синкхетам лакхабаккхарца, дегнашца цIандаларца ян еза бохуш хилла. Делан парзаш а, Элчанан Делера салам-маршалла хуьлда цунна суннаташ а кхочушдинчул тIаьхьа а, шайн зама эрна ца йойуш, Далла Iибадат дар зуькар дар, вирд даккхар тIедуьллуш хилла Кунта-Хьаьжас шена тIаьхьабазабеллачу нахана мурдашна. Цо уггар хьалха адамашна юккьехь машар, маслаIат лохуш хилла, ткьа шен Iалашоне кхача коьрта ницкь цIенчу дашехь, кхетаман балхехь гуш хилла цунна. МостагIашна дуьхьал тIом бар бен, кхин некь ца гучу Шемална тан йиш яцара Кунта-Хьаьжин хьехамаш. Церан тIелаткьам баржарна дуьхьало ян гIоьртира иза. Амма Кунта-Хьаьжа бакь эвляяь хилар тосаделлехь а, я кхечу бахьанина хиллехь а, Шемала кхин йоккха дуьхьало ца йира цунна. Ткьа Хьаьжин хьехаме дош даьржира Нохчийчохь, иза малхо деттинчу лаьтто беркате догIа санна, худура тIамо дардинчу адамийн дегнаша. Дийнера де мел дели шорлуш хилла цунна тIаьхьахIиттинчу адамийн хIорд. Цо шен цIенчу хьехамца имам Шемале тIамца ца данделларг а до: гIалгIайн халкь цIенчу дине исламе даладо. Нахана юккьехь, уьш мостагIийн белахь а, маслаIат лахар, тIом цабар иза дара Кунта-Хьаьжин хьехамийн коьртачарах цьаь а, имам Шемална ца дезаделларг а. Амма и мостагIашца деш долу маслаIат доза доцуш дацара Кунта-Хьаьжин. «Нагахь шуьга АллахIна гIуллакх а ца дайтахь, нагахь шун зударий сийсазбан а гIертахь, тIаккха массо а лата, шаьш хIаллакьхиллалц». Нахана юккьехь санна, шарIана а, нохчийн Iадатна а юккьехь а маслаIат лехна Хьаьжас. Амма кхузахь а и маслаIат доза доцуш дац. Iадат лелон мегар ду, нагахь иза шарIана дуьхьал дацахь. Амма хьалхарниг шолгIачуьнца галморзахдолуш делахь, Iадат дIатасар тIедуьллуш хилла устазо. Кунта-Хьаьжас кхайкхо машаре, маслаIате, Далла амал яре, Делан кхиэлана муьтIахь хиларе некь чIогIа кхераме хетта оьрсийн паччахьан хьадалчашна. Шайна дуьхьал тIамца лаьттинчу баьччанашна ца дина тIазарш до цара Хьаьжина, шаьш и лаьцначул тIаьхьа. Амма Нохчийчохь цо болийна адаман синкхетам цIанбаран некь кхидIа хьо цуьнан мурдаша а, кхечу устазаша а.

Вай юьйцучу заманахь вайн халкьа юкьахь ша-тайпана кхетош-кхиоран болх беш хилла илланчаша, забарчаша... Шайн дахаран ойла яр кIезиг долуш (дукха хьолахь, уьш доьзал боцуш хилла), мискачу нехан самукьадаккхар, бохам тIекхачначун гIайгIа дIаайар, доьхначу дагна дарба лахар, оьзданиг хастор, осалниг емалдар шайн коьрта гIуллакх дина баьхна уьш. Цундела халкьан изсехь уьш а, церан хьекьале забарш а гуттаренна а йисина. Юьртара юьрта боьлхуш, берриге а бахам дечиган я Iадхьокху пондар болуш, нехан ловзаршкахь, синкьерамашкахь ира хьекьал гойтуш, догдика забарш еш беа нах Нохчийчохь тайп-гайпанчу ярташкахь хилла. Царах бу: ДIай юьртара Чора, Котар-юьртара Мази, Курчалой-Эвлара Кура Закри, кхиберш.

Кавказан тIом дIабирзинчул тIаьхьа нохчийн кьомана юккьехь кхоллало оьрсийн дешар дешначу, церан Iедалан гIуллакхашкахь болчу, паччахьо совгIатна мехкаш деллачу, цуьнан гIоьнца хьалдолуш хиллачу нехан гуо. Церан Iер-дахарехь а, духарехь а, юкьаметтигашкахь а вайн кьомах сьаькьаьсташ билгалонаш гучуюьйлу. Масала, захалонаш шаьш санна хьал долчу нахаца бен ца до цара. ГIишлош, нохчийн хIинцалц ца хиллачу кепара, яккхий йо. Нагахь нохчашна хIетгалц хьолаца, духарца, кхечу билгалонашца вовших кьаьсташ цахилар барам хеттехь, оцу керлачу чкьуран амалшкахь мелхуо а массо хIуманна тIехь билгалвала гIертар, шен хьолах дозалла дар хилла. Халкьах кьаьстина хила лаам, хIокху дахарехь-м хьовха, кхелхинчул тIаьхьа а церан хилар билгалдолу даккхий, беза мах болу чарташ шайн белларчарна цара хIиттийна хиларца.

Иштта, Чермоев Орцина хЮттийна чурт лаьттира цхьана хенахь вайн мохкбовзаран музейн кертахь. Генаш хедийначу ножан суьртехь, лаьржачу шагатлулгах (гранитах) дина иза, вовшашна тлеттла хЮттийначу кхаа декъах лаьттара, ши метр сов лекха а дара иза. Къоман синкхетамо уггаре а коьрта лоруш болу гИллакх-оьздангаллин лехамаш шолгIачу могларе тоттуш юкьабогIу ахчане, хьал-бахаме болу ларам. И бахъанехь хИнциалц схьа нохчаша дийр дац аьлла хетта гIуллакхаш а нисло; масала, нохчийн мехкарий кхечу къаьмнех болчу Iедалан нахе а, хьолахошка а маре балар. Гуш ма-хиллара, бусалба динан а, нохчийн Iадатан а бехкамаш бицбайтина ахчано, хьал-бахаме.

Халкъан дийцаршкахь нохчийн хьоладай, мехкадай, дукха хьолахь, бIаьрмециг, шайн мел дукха хилча а, хIуманан кхоам чIогIа беш хилла нах санна гайтина. Шайн долчу хьолах куралла яр дезаш хиллачух тера а ду царна. Иштта, цхьана халкъан хабарехь дуйцу: «Цхьа нохчийн хьолада хилла боху, Соьлжа-ГIалахь долчу шен тIекIел динчу цIенойн коре а хиъна, кхерзинчу котаман меженаш мазала а Iуьттуш, юуш Iаш. Уллохула тIехволучу къечу, мискачу стаге аьлла боху цо: «Сан гIуллакх муха хета хьуна?» – аьлла. «Хьан гIуллакх-м вон дац, амма тIаьхье сайнчул а гIийла хир ю-кха хьан, – жоп деллера мискачу стага. – Хьайн гIовталан тIам хьала а лаьцна, сагIа доьхуш, цхьамма сагIийна цхьа ахьаран кана елча, кхин цхьаь тIейохкахьа бохуш, лелар ву-кх хьо». Цул тIаьхьа, дукха хан а ялале, советан Iедал тIе а деъна, шен берриге бахамах а ваьлла, вукхо ма-дийццара, сагIа доьхуш, ярташкахула волавелла лелаш вара боху а стаг». Ала хала ду и дийцар мел цхьаьнадогIу боккъал а хиллачуьнца. Амма кхузахь къеггина го халкъан синкхетам бахамна хьалха суждане боьдуш цахилар, мелхуо а хьоло кхоьल्लीна дозалла а, сонталла а цо тIе цаьцар а, оцу амалийн вуон тIаьхье хирг хиларх иза тешар а.

Оьрсийн юкьараллин лакхарчу классийн дворянийн, совдегарийн амалш тIеэцахь а, вайнехан дуьхьарлера хьоладай шайн доьзалшкахь йолчу юкьаметтигашкахь нохчийн гИллакхаш лелош, вайнехан Iеламнахаца, къаьсттина устазашца, церан тIаьхьенашца дика юкьаметтигаш а латтош бехаш хилла. Масала, бIе шаре ваьллачу Олхазар-КIотарарчу къаночо Сулаймин Мутуша дийцарехь, Хонкар-махкара Нохчийчу еъна Кунта-Хьаьжин йоI Эсет, оьрсийн пачахьан Iедало дIалаьцна Соьлжа-ГIаларчу набахти чу йоьллича, «герзанца узущ деши а делла», и кIелхьара яьккхинарг БухIан-Юьртара хьолада Дунга-Хьаьжа хилла. Нохчех болчу хьоладайша шайн бераш (дукха хьолахь, кIентий) деша дохуьйтура оьрсийн ишколашка, лаккхарчу доьшийлашка. Царах дуьхьарлера нохчийн Илманчаш, яздархой, композиторш, суьрташдахкархой хилира. Оьрсийн маттахь нохчаша яздина, къоман гИллакхаш, Iер-дахар, хьашташ дуйцу тептарш а девлира ара. Царах дуьхьарлерниг Лаудаев Умалта язйина «Чеченское племя» (Тифлис, 1878) боху историко-этнографически очерк яра. Цул тIаьхьа, советан Iедал тIедаллац йолчу юкьана тайп-тайпана Илманан, публицистикин, исбаьхьаллин произведенеш арахоьцу вежарша МутушевГIара, Т. Эльдархановс, И. Саракаевс, А. Шериповс, кхечара а. Оьрсийн элпийн буха тIехь нохчийн маттахь абат кхулуу Iеламстага Досов Къедас, оьрсийн Илманчин П. К. Усларан гIоьнца. Дадин-юрт йоккхуш йийсаре вигначу кIантах цIеяххана суртдиллархо хуьлу (академик Петр Захаров). Цул хьалха иза кхоллам хиллачу нохчийн кIантах тIеман говзанча а, 1812 шарахь Россин Францица хиллачу тIеман турпалхо а хуьлу (инарла Александр Чеченский). Лакхара дешар дешна Магомаев Муслим, шен говзалла хьашт йолуш Нохчийчохь стаг а ца карийна, Азербайджане а вахна, цигахь оцу къоман классически музыкин бухбиллархо хилира...

Билгалдаккха деза, Октябрьски карчам хилале хьалха оьрсийн культууро нохчашна бина тIеIаткъам халкъах доккха доьчу декъана, керла кхолладеллачу хьалдолчу нехан чкъурана бина хилар. Ткъа и чкъор, дерриге а къам схьаэцча, Iаламат кIезиг хилла.

Чаккхе хир ю.

Лиза Адмисиева

Станицы Калиновская и Савельевская

Станица Калиновская – один из крупных населенных пунктов Наурского района. К ней относятся: хутор Козлов, хутор Постный и хутор Селиванкин. Точная дата основания Калиновской неизвестна. По одной из версий, станица основана в 1642 году на правом берегу реки Терек отшельниками-монахами. В 1715 году по приказу Петра I перенесена на левый берег, а на месте станицы позже был образован чеченский аул Галне (Кень-Юрт).

Первое упоминание о станице появляется с образованием Азово-Моздокской укрепленной линии (кордонная линия по рекам Кубани, Малке и Тереку, передовые линии по рекам Лабе и Сунже и передовые пункты, занятые царскими войсками по северную сторону Главного и Андийского хребтов в XVIII веке). Она заняла важное место в ряду крепостей и форпостов. Станица считалась одним из главных центров старообрядчества на Тереке.

В окрестностях станицы было много хуторов и курганов. Это: Черногаев хутор, Бештов хутор, Батыркин хутор, Сакайкин хутор, Ново-Сакайкин хутор, Лаврентьев хутор, Камышов хутор, Постный хутор, Бежанов хутор, Росламбекова пастбище, Колпинова пастбище, Свинцовы бахчи, Садки хутор, Корнеев хутор, Кордонный хутор, Сапожок, Можарская балка (сюда казаки ездили за солью; возможно, восходит к средневековому хазарскому поселению Маджары. Отсюда распространилось огнестрельное «маджарское» оружие, упоминаемое в героических песнях чеченцев: «мажар топ» – кремневое маджарское ружье. Или: «бархI сонар мажар топ» – восьмигранное маджарское (кремневое) ружье), хутор Линкова, хутор Аксеновичева.

В окрестностях Калиновской было также много мельниц, кузниц, маслобоек.

Многочисленные курганы, находящиеся поблизости от станицы Калиновской, или разграблены неизвестными, или раскопаны археологами.

Численность населения станицы Калиновской по переписи на 2010 год составляет 7988 человек. Изначально в станице проживали казаки, переселенные из внутренних губерний для укрепления южных рубежей России. В настоящее время в станице преобладает чеченское население:

чеченцы – 5737 (69,23%);

русские – 2 186 (26,38 %).

Недалеко от Калиновской находится станица Савельевская, которая расположена на юго-востоке от станицы Наурской, в некотором отдалении от Терека. Станица была основана в 1886 году¹, став семидесятой и последней станицей Терского казачьего войска². Образована на месте одноименного³ хутора. По состоянию на 1874 год казачий поселок Савельевский Грозненского округа Терской области, находящийся «на левом берегу Терека, на Дагестанском тракте», насчитывал 44 дома, 205 жителей (103 мужского пола и 102 женского), проживали русские (старообрядцы (совокупность религиозных течений и организаций в русле русской православной церкви, отвергающих предпринятую в 1650–1660-х патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем церковную реформу, целью которой провозглашалась унификация богослужебного чина Русской церкви с греческой церковью и прежде всего – с Церковью константинопольской, а фактически создавала условия для секуляризации (от лат. saecularis – светский, мирской) – изъятия

церковной собственности (движимого и недвижимого имущества) в пользу государства)), имелся молитвенный старообрядческий дом.⁴

Станица входила в Кизлярский отдел⁵ Терской области.

По состоянию на 1926 год станица Савельевская относилась к Савельевскому сельсовету Наурского района Терского округа (Административно-территориальная единица Юго-Восточной области (с ноября 1924 – Северо-Кавказского края), существовавшего в 1924–1930 годах.

Терский округ был образован 2 июня 1924 года. Центром округа был назначен город Пятигорск.

С 1924 по 1928 год округ был разделен на 16 районов: Александрийский, Арзгирский, Архангельский, Воронцово-Александровский, Георгиевский, Горячеводский, Ессентукский, Кисловодский, Левокумский, Минералводский, Моздокский, Наурский, Прикумский, Прохладненский, Степановский и Суворовский. В 1928 году были упразднены Александрийский, Левокумский, Наурский и Суворовский районы. Еще через год были упразднены Архангельский, Горячеводский, Кисловодский и Степновский. 30 июля 1930 г. Терский округ, как и большинство остальных округов СССР, был упразднен. Его районы отошли в прямое подчинение Северо-Кавказского края. (Образован 16 октября 1924 года в результате объединения упраздненной Юго-Восточной области и автономных областей: Адыгейской (Черкесской), Карачаево-Черкесской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Ингушской и Чеченской, Сунженского казачьего округа и города Грозный, на правах округа. Центром края стал город Ростов-на-Дону. 15 декабря 1936 года из состава края были выведены Дагестанская АССР и преобразованные в АССР Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская и Чечено-Ингушская автономные области. 13 марта 1937 года Северо-Кавказский край переименован в Орджоникидзевский край. 12 января 1943 года Орджоникидзевский край Указом Президиума Верховного Совета СССР переименован в Ставропольский край.) Согласно переписи населения 1926 года, в станице проживало 1170 человек, из них великороссов⁶ – 1151. По данным переписи 2002 года, в станице проживало 2 239 человек, 97% населения составляли чеченцы⁷.

¹ Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ч. 3. Основные сведения о населенных пунктах. С. 336.

² Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. – Пятигорск, 2002. С. 384.

³ Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год. Справочник. Ч. 3. Основные сведения о населенных пунктах. С. 336.

⁴ Сборник сведений о Кавказе. Том V / Списки населенных мест Кавказского края / Ч. 1. Губернии: Эриванская, Кутаисская, Бакинская и Ставропольская и Терская область / Сост. Н. Зейдлицем. – Тифлис, 1879. – С. 471.

⁵ Кизлярский отдел образован в 1888 году в результате реформирования военно-народного управления Терской области.

20 января 1921 года вошел в состав Терской губернии как Кизлярский уезд. 13 февраля 1924 года Кизлярский уезд был ликвидирован, его территория вошла в состав Дагестанской АССР.

⁶ Русские (до начала XX века превалировал этноним «великороссы») – восточнославянский этнос, самый многочисленный коренной и де-факто государствообразующий народ России.

⁷ Данные Всероссийской переписи населения 2002 года: таблица 02с. – М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004.

Роза Межиева

Чеченская литература на балкарском языке

6 июля в Зимнем саду Национальной библиотеки ЧР имени Абузара Айдамирова состоялась презентация книги произведений чеченских писателей и поэтов (классиков и наших современников) на балкарском языке – «Наши спутники» («Жолнӕгерлерибиз») в переводе известного балкарского поэта, заслуженного работника культуры и народного поэта КБР и КЧР, почетного президента Клуба писателей Кавказа Салиха Гуртуева.

Клуб писателей Кавказа был создан 12 декабря 2008 года в Нальчике, столице Кабардино-Балкарии. Изначальной целью его «отцов-основателей» было объединение усилий писателей и работников всех направлений культуры региона для содействия национальному согласию, стабильности и миру на Кавказе; способствование развитию и укреплению творческих связей между писателями и другими творческими работниками Северного Кавказа и Закавказья; организация более тесного сотрудничества переводчиков национальных литератур наших народов. На сегодня членами Клуба являются более пятидесяти известных поэтов, писателей и переводчиков (в том числе и заслуженных работников культуры своих республик) Северного Кавказа и Закавказья.

На встречу с именитым гостем, организованную при активном содействии президента Клуба, народного писателя Чеченской Республики Мусы Ахмадова и сотрудников Национальной библиотеки, собрались члены Клуба – известные чеченские писатели, поэты, литературные критики, публицисты и журналисты: Муса Бексултанов, Абу Исмаилов, Адам Ахматукаев, Имран Ирисханов, Хожбауди Борхаджиев, Леча Ясаев, Лидия Довлеткиреева, Сулиман Мусаев, а также многочисленные читатели.

Не будет преувеличением сказать, что мероприятие стало значительным событием в культурной жизни республики. Ведь издание этой книги, осуществленной под эгидой Клуба писателей Кавказа, знаменует собой настоящий прорыв в деле взаимопроникновения культур народов Северного

На фото: Салих Гуртуев и Муса Ахмадов.

*На фото слева направо: М. Бексултанов, А. Ахматукаев,
И. Ирисханов, А. Исмаилов.*

Кавказа. Об этом в своем выступлении говорил и сам Салих Гуртуев, особо акцентировав внимание на словах благодарности Клубу писателей Кавказа и всему балкарскому народу Главы Чеченской Республики Рамзана Ахматовича Кадырова, выраженной в предисловии книги: «Я благодарю вас за такое благородное начинание. Думаю, что наши литераторы не останутся в долгу, и надеюсь, что такое духовное общение перерастет во взаимные поездки писателей, деятелей культуры друг к другу»; а также – на словах Главы Чеченской Республики о сжестости судеб народов Кавказа и осознании «острой необходимости тесного единения всех народов, проживающих в нем, во имя укрепления единства и целостности нашей общей Отчизны»...

Об этом же говорили на встрече, проходившей в удивительно теплой и дружеской атмосфере, и другие ее участники: Адам Ахматукаев, Муса Бексултанов, Лидия Довлеткиреева... А Хожбауди Борхаджиев продекламировал два четверостишия из творчества Гуртуева, переведенные им на чеченский язык. Пришедшие на встречу задавали именитому гостю многочисленные вопросы о творческих буднях поэта, спрашивали его профессионального совета в переводческой деятельности, а также делились своими впечатлениями и воспоминаниями, так или иначе связанными с самим Салихом Гуртуевым, с жизнью, культурой и историей балкарского и чеченского народов.

Салих Гуртуев рассказал о том, как сотни экземпляров настоящей книги через Национальную кабардино-балкарскую библиотеку поступили во все городские и сельские профильные учреждения республики Кабардино-Балкария, включая школьные библиотеки. Несколько десятков таких книг он привез в дар и фонду Национальной библиотеки Чеченской Республики, а также авторам и родственникам почивших классиков, чьи произведения вошли в настоящий сборник. И даже обычным завсегдатаям библиотеки, столь удачно «заглянувшим на огонек», досталось по экземпляру. За автографом у столика мэтра образовалась настоящая очередь. А уже под самый «заванес» директор библиотеки Сацита Исраилова не переставала сокрушаться, что времени на общение (в силу плотного графика и занятости Салиха Султанбековича) было «катастрофически недостаточно» и выступила со встречным предложением – организовать еще одну встречу балкарского литератора в Чеченской Республике, только более развернутую тематически и по времени – уже этой осенью.

От Противостояния через Преодоление к Созиданию

Середина лета 2017-го года ознаменовалась выходом в свет книги видного российского и чеченского государственного и политического деятеля, министра Чеченской Республики по национальной политике, внешним связям, печати и информации Джамбулата Умарова «Фактор КРА. Противостояние», являющейся первой частью или, точнее, первой книгой монументальной документально-публицистической трилогии об исторических перипетиях русско-чеченских взаимоотношений на протяжении многовековой истории двух народов. По словам самого Джамбулата Вахидовича, «это первая книга из цикла книг «Фактор КРА», где идет исследование даже не истории, а предыстории того, что происходило. Следующая книга будет о том, как чеченский народ консолидировался, как он прозревал, как он пришел к этому преображению; как он обрел лидера в лице Ахмата-Хаджи. И эта часть будет называться «Фактор КРА. Преодоление». Это вторая часть. Третья часть будет называться — даст Бог сил и здоровья – «Фактор КРА. Созидание». Здесь в основном будет о деятельности нынешнего Главы Чеченской Республики».

Презентация книги «Фактор КРА. Противостояние» состоялась 5 июня 2017 года в киноконцертном зале гостиницы «Президент-Отель» (Москва). В мероприятии приняли участие руководство и эксперты Изборского клуба, депутаты Государственной Думы, писатели, ученые, политические и общественные деятели столицы и регионов России.

Российский журналист и телеведущий, общественный деятель, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека Максим Шевченко был одновременно и эмоционален, и искренен в своем выступлении: «Я очень волнуюсь, поскольку эта книга... она является выдающимся событием... Вчера вечером мне передали ее... и до утра я не мог от нее оторваться. Честно скажу, что давно я не читал подобной попытки понять и осмыслить в контексте единой истории трагическую историю Кавказа. Я вспоминал Хаджи-Мурата Толстовского. Потому что, мне кажется, в сердце русского человека, настоящего русского человека – а Лев Николаевич Толстой был именно настоящим русским человеком до мозга костей – любовь к Кавказу возникает естественно. Любовь к народам Кавказа, которые несут в себе свободу, честь, достоинство, независимость, те же чувства, которые несет русский народ. И союз между Кавказом и народами России, самым большим и самым сильным из которых является, конечно, русский народ – это союз исторический, союз, который предопределен судьбой».

Не менее эмоциональным и искренним было и выступление известного российского писателя, публициста, общественного и политического деятеля Александра Проханова: «Дорогой Джамбулат! Какое счастье, что такое количество людей тебя любят, обожают, преклоняются перед тобой, в том числе и я... Твоя книга – это трактат, это идеологический текст, это книга об идеологии. Идеология сотворяется не в книгах, не за ломберными столами, не в кабинетах. Она сотворяется на поле брани, в великих странствиях, в неистовых молитвах, в непомерных тратах и приобретениях. Ведь идеология — это не только труд ума. Не только труд изобретательной мысли. Не только собрание огромного опыта. Идеология создается через откровение. Только через откровение, когда разверзаются небеса, к тебе приходит понимание того, как устроен мир. Ты – человек-откровение! [...] Ведь русскую историю невозможно понять без категории чуда, без него многие явления русской истории были бы непонятны. В ней действуют не только экономические законы, не только поведение элит. В ней действует чудо, которое и сохраняет нашу родину, позволяет ей избежать страшных катастроф и несчастий, и мы продолжаем тысячелетиями существовать и славить Господа своей историей. Историю русско-чеченских отношений я знаю не понаслышке. Я был на Сунже, когда еще грохотали выстрелы и лежали убитые. Два раза видел стертый с лица земли Грозный. И искалеченные артиллерией деревья поднимали к небу свои страшные ветки-обрубки, молились: «Господи, что они наделали с миром и с нами?»».

И я верю, что в недрах чеченских войн, этих страшных событий, произошло чудо — чудо появления Ахмата-Хаджи Кадырова. Он не был предусмотрен чеченской историей. Не был объясним суровым и страшным кровавым двадцатым веком. Он появился как что-то внезапное, непредвиденное и необходимое всему миру: и чеченцам, и русским, и самому Всевышнему. Иначе как объяснить, что он, страстный ревнитель чеченской веры, чеченской гордости, независимости,

державший в руках не только мусульманские четки, но и автомат Калашникова, — этот человек повернулся лицом в сторону мира?»

Также яркими и запоминающимися были выступления депутата Государственной Думы Адама Делимханова, первого заместителя министра РФ по делам Северного Кавказа Одеса Байсултанова, ученого и историка Явуса Ахмадова, политолога и журналиста Валерия Коровина, генерал-майора Асламбека Аслаханова, писателя и политика Николая Старикова, байкера Александра Залдостанова и др.

Знаменитый английский драматург Бернард Шоу однажды заметил: «Главный урок истории заключается в том, что никто не извлекает уроков из уроков истории». А в повести «Мой Дагестан» Расула Гамзатова Абуталиб предостерегает от выстрелов в прошлое из пистолета во избежание пушечной канонады в будущем. Книга Джамбулата Умарова — это извлечение из уроков прошлого рациональных, конструктивных и практических выводов в грядущем. Это стремление историка и публициста наладить крепкие исторические мосты мира и процветания в настоящем и будущем, чтобы эта, веками кровоточащая рана русско-чеченского Противостояния, пройдя этапы Преодоления, достигла межэтнического ренессанса — Созидания во благо наших народов и нашего общего Отечества. И если рассматривать творчество Джамбулата Умарова в контексте всех трех книг — это попытка раз и навсегда придать чеховскому ружью из первого акта, которое, сообразно законам драматургии, обязательно должно выстрелить в акте последнем, состоянии музейного экспоната.

Саламбек АЙДАМИРОВ

К нашим иллюстрациям

Идеалы Артура Абдуллаева

Абдуллаев Артур родился 10 июля 1984 г. в селении Арсламбек ДАССР. В 1990 г. пошел в СОШ N1 с. Кошкельды Гудермесского района ЧИАССР. В 2004 г. поступил в Новогрозненское художественное училище под руководством Адама Ильясова. После года обучения в училище поступил в Чеченский государственный педагогический институт на факультет искусств (ИЗО), который в 2010 г. окончил с отличием. В этом же году администрацией ЧГПИ был привлечен к преподавательской деятельности на кафедре изобразительного искусства, где работает по настоящее время. С 2010 года участвует во многих художественных выставках: республиканских, всероссийских и международных. С 2013 года является членом Союза художников России. С 2013 по 2014 год занимал должность председателя Молодежного объединения ЧРО СХР. В 2016 году награжден почетным званием «Заслуженный художник Чеченской Республики». В настоящее время является заместителем председателя чеченского регионального отделения Союза художников России.

Также Артур является многократным лауреатом и дипломантом всероссийских и международных художественных конкурсов. Излюбленными направлениями его творчества являются горные пейзажи и этническая тематика.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. — «Ахмат-Хаджи Кадыров»; 2 стр. — «Возвращение»; 3 стр. — «Страж гор»; 4 стр. — «Ценою жизни».

Саламбек АЛИЕВ

Сведения об авторах и переводчиках

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках.

Малика Мусаева. Родилась в п. Нарын-Худук Калмыцкой АССР. Окончила ЧГУ. Публиковалась на страницах журналов «Вайнах», «Орга». Лауреат премии ЧГУ среди начинающих авторов, пишущих на чеченском языке (2006).

Муса Ахмадов (1956). В 1979 г. окончил филологический факультет ЧИГУ. С 2004 г. и по настоящее время – главный редактор журнала «Вайнах». Народный писатель ЧР, Кавалер ордена им. А.А. Кадырова, заслуженный работник культуры ЧР, лауреат премии «Серебряная сова» (2006 г.). Автор 9 художественных книг. Автор учебников, методических пособий и программ по этике и чеченскому языку для школ и вузов. В 2002 г. пьеса «Волки» была издана отдельной книгой на французском языке в Париже и поставлена на сцене театра «Дом восточно-европейской пьесы» (март 2006 г.). В 2011 г. в Швейцарии вышла книга рассказов и повестей на немецком языке «Чтобы свечу не задуло ветром». Произведения Ахмадова переведены также на английский и японский язык.

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИППИ в 1970 году. В 1977–1979 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Башни мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Ибрагим Юсупов (1958–1982). Родился в Казахстане в семье депортированных чеченцев. Писать стихи начал в 14 лет. Работал в Веденской районной газете. Служил в армии на Сахалине. Поступил в Литературный институт имени М. Горького, однако учиться там не довелось: трагически погиб в 1982 году. При жизни публиковал стихи в журнале «Орга», в коллективных сборниках молодых чеченских авторов. В 2008 году к 50-летию со дня рождения талантливого поэта была издана посмертная книга «КЯйн оЙла» («Белое раздумье»).

Шамсудин Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеченском языке, 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеченском языке, 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). Член Союза писателей РФ (1992).

Идрис Булатбиев (1968). Родился в Урус-Мартане, учился в Урус-Мартановской средней школе №3. Окончил Московскую Академию права и управления (юридический факультет). Занимается исследованием истории древностей и доисламских культур нахов.

Зелимхан Тесаев (1990). Первое высшее образование – Институт чеченской и общей филологии (ЧГУ) по специальности «журналистика»; второе – экономическое, по специальности «финансы и кредит» (ЧГУ). Член Учредительного съезда РПП «Курсом Правды и Единения». Основатель движения «Бабьцара Кхеташо». Занимается научно-исследовательской деятельностью.

Мохмад-Салах Селяхов (1961). Окончил в 1987 году ЧИГУ (филологический факультет). Публиковался в журналах «Нана», «Дош», «Вайнах», «Дон», в газете «Вести республики». Пишет стихи и статьи историко-культурологического характера. Заслуженный работник культуры ЧР. На данный момент работает в Аргунском историко-архитектурном и природном музее-заповеднике в должности заведующего отделом использования и популяризации.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки через редакцию- 330 руб.